

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 2(45) 2022

- Лингвистика
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 2(45) 2022

- Linguistics
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс в «Каталоге периодических изданий. Газеты и журналы» ГК «Урал Пресс» - 34121. Физические лица могут оформить подписку в интернет-магазине «Деловая пресса» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминев** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневская** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **С.М. Махмудова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Р.О. Муталов** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Р.Б. Унарокова** – доктор филологических наук – Майкоп, Россия; **Е.А. Шаронова** – доктор филологических наук – Саранск, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия; **Г.Н. Ягафарова** – доктор филологических наук – Уфа, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

Subscription index in the «Catalog of periodicals. Newspapers and magazines» of the «Ural Press» Group of Companies – 34121.

Individuals can subscribe to it in the online store «Business Press» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology
N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **S.M. Makhmudova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **R.O. Mutalov** – doctor of philology – Moscow, Russia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongolia; **R.B. Unarokova** – doctor of philology – Maykop, Russia; **E.A. Sharonova** – doctor of philology – Saransk, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **G.N. Yagafarova** – doctor of philology – Ufa, Russia.

Cover design – M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
Лингвистика	
<i>Катермина В.В., Литириди С.Х.</i> Лексика пандемии коронавируса как отражение социально-бытовых реалий 2020-2021 гг.....	7
<i>Вэн Цзятун.</i> История слова <i>шёлк</i> в Китае и России.....	16
<i>Измайлин Д.Б.</i> Использование технологий корпусной лингвистики в исследованиях фреймов.....	24
<i>Меркулова И.А.</i> Обучать или учить – вот в чем вопрос, или о неологизмах в педагогическом дискурсе.....	31
<i>Клобукова Л.П., Ермакова О.Б., Чернышенко Е.А.</i> Новые образовательные технологии как инструмент формирования социокультурного компонента коммуникативной компетенции в рамках профессионально ориентированного обучения РКИ.....	38
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Шестакова Е.Ю.</i> Особенности хронотопической структуры пейзажных описаний в эмигрантских рассказах о детстве И.С. Шмелева.....	45
<i>Халилов Р.О.</i> Скрытая художественная идея комедии «Синий платочек» В.П. Катаева.....	52
<i>Скуридина С.А., Кузьминых Е.О., Новикова М.В.</i> Москва в восприятии Ф.М. Достоевского, М.А. Булгакова и С.А. Есенина.....	59
<i>Королева И.А.</i> Образ малой родины в творчестве представителей Смоленской поэтической школы....	67
<i>Селеменова О.А.</i> Узуальные и индивидуально-авторские мифонимы в поэзии И.А. Бунина.....	74
<i>Шарова Н.А., Лисюкова Д.А.</i> Способы создания комического эффекта в романе Ч. Диккенса «The Posthumous Papers of the Pickwick club».....	81
Лингвокультурология	
<i>Супрун В.И.</i> Райские деревья в языке и культуре русских.....	86
<i>Фомина С.Б.</i> Тексты лингвострановедческого характера и способы перевода.....	95
<i>Верховых Л.Н.</i> Основные проблемы лингвокраеведческого анализа регионального ономастического материала.....	100
Межкультурная коммуникация	
<i>Шаталова О.В.</i> Языковые аспекты развития международных отношений на основе принципов поликультурности.....	106
Концептология	
<i>Черемохина Д.А.</i> Мифологические истоки концепта «время» в поэтическом дискурсе В.С. Высоцкого.....	114
<i>Миронова Д.М.</i> Проблемы категоризации в когнитивных исследованиях языка: взгляд системолога....	119
Журналистика в историко-теоретическом аспекте	
<i>Скуридина С.А., Вохминцева А.В.</i> Новогодний выпуск регионального издания как социокультурный источник (на примере районной общественно-политической газеты «Вести Придонья» г. Павловск Воронежской области).....	127
Язык СМИ	
<i>Андреева А.В.</i> Ценностный анализ медиатекстов Тверского региона.....	134
События, обзоры, рецензии	
<i>Михайлова М.Ю., Немич Н.Н.</i> Итоги международного методологического семинара «Динамические процессы в семантике и грамматике» (научная школа Е.П. Иванян).....	139
Правила оформления статей	146

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	6
Linguistics	
<i>Katermina V.V., Lipiridi S.Ch.</i> Vocabulary of the Coronavirus pandemic as a reflection of social and household realities of 2020-2021.....	7
<i>Weng Jiatong.</i> The history of the word <i>uēnk</i> (silk) in China and Russia.....	16
<i>Izmailyan D.B.</i> The use of corpus linguistics techniques in framing analysis.....	24
<i>Merkulova I.A.</i> Teach or lesson – that is the question or about neologisms in pedagogical discourse.....	31
<i>Klobukova L.P., Ermakova O.B., Chernyshenko E.A.</i> New educational technologies as the means of forming a sociocultural component of communicative competence within teaching Russian for special purposes.....	38
Literary text: aspects of study	
<i>Shestakova E.Y.</i> Features of the chronotopic structure of landscape descriptions in emigrant stories about the childhood of I.S. Shmelev.....	45
<i>Khalilov R.O.</i> The hidden artistic idea of the comedy “The Blue Handkerchief” by V.P. Kataev.....	52
<i>Skuridina S.A., Kuzminykh E.O., Novikova M.V.</i> Moscow in the perception of F.M. Dostoevsky, M.A. Bulgakov, and S.A. Esenin.....	59
<i>Koroleva I.A.</i> The image of the small homeland in the works of representatives of the Smolensk poetry school.....	67
<i>Selemenova O.A.</i> Usual and individual author’s mythological names in I.A. Bunin’s poetry.....	74
<i>Sharova N.A., Lisukova D.A.</i> Ways to create a comic effect in Charles Dickens’ novel “The Posthumous Papers of the Pickwick Club”.....	81
Language and culture studies	
<i>Suprun V.I.</i> Paradise trees in Russian language and culture.....	86
<i>Fomina S.B.</i> Lingua-cultural texts and translation techniques.....	95
<i>Verkhoviykh L.N.</i> Main problems of linguistic local analysis of regional onomastic material.....	100
Intercultural communication	
<i>Shatalova O.V.</i> Linguistic aspects of the development of international relations based on the principles of multiculturalism.....	106
Concept studies	
<i>Cheremohina D.A.</i> Mythological sources of the concept «time» in the poetical discourse of V.S. Vysotsky.....	114
<i>Mironova D.M.</i> Problems of categorization in cognitive language research: a systemologist’s view.....	119
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Skuridina S.A., Vokhmintseva A.V.</i> New Year’s edition of the regional edition as a socio-cultural source (on the example of the regional socio-political newspaper «Vesti Pridonya», Pavlovsk, Voronezh region).....	127
Language of mass media	
<i>Andreeva A.V.</i> Value analysis of mediatexts of Tver region.....	134
Events and reviews	
<i>Mikhailova M.Yu., Nemich N.N.</i> The results of the international methodological seminar “Dynamic processes in semantics and grammar” (scientific school of E.P. Ivanyan).....	139
Layout of the articles	146

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей сорок пятый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Концептология», VII – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VIII – «Язык СМИ», IX – «События, обзоры, рецензии».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 20 научных работ.

Раздел «Лингвистика» включает статьи, рассматривающие лексику пандемии коронавируса 2020-2021 гг. (В.В. Катермина, С.Х. Липириди), историю слова *шёлк* в Китае и России (Вэн Цзятун), использование технологий корпусной лингвистики в исследованиях фреймов (Д.Б. Измаилян). В разделе «Методика преподавания языков» представлены проблемы использования неологизмов в педагогическом дискурсе (И.А. Меркулова), анализируются возможности новых образовательных технологий как инструмента формирования социокультурного компонента коммуникативной компетенции в рамках профессионально ориентированного обучения РКИ (Л.П. Клобукова, О.Б. Ермакова, Е.А. Чернышенко). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, выявляющие особенности хронотопической структуры пейзажных описаний в эмигрантских рассказах о детстве И.С. Шмелева (Е.Ю. Шестакова), художественную идею комедии «Синий платочек» В.П. Катаева (Р.О. Халилов), узуальные и индивидуально-авторские мифонимы в поэзии И.А. Бунина (О.А. Семенова), рассматривающие образ Москвы в восприятии Ф.М. Достоевского, М.А. Булгакова и С.А. Есенина (С.А. Скуридина, Е.О. Кузьминых, М.В. Новикова) и образ малой родины в творчестве представителей Смоленской поэтической школы (И.А. Королева), а также способы создания комического эффекта в романе Ч. Дикенса «The Posthumous Papers of the Pickwick club» (Н.А. Шарова, Д.А. Лисюкова). Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, которые представляют образ райских деревьев в языке и культуре русских (В.И. Супрун), рассматривают тексты лингвострановедческого характера и способы перевода (С.Б. Фомина), затрагивают основные проблемы лингвокраеведческого анализа регионального ономастического материала (Л.Н. Верховых). В разделе «Межкультурная коммуникация» исследуются языковые аспекты развития международных отношений на основе принципов поликультурности (О.В. Шаталова). В разделе «Концептология» рассматриваются мифологические истоки концепта «время» в поэтическом дискурсе В.С. Высоцкого (Д.А. Черемохина), а также приведен взгляд системолога на проблемы категоризации в когнитивных исследованиях языка (Д.М. Миронова). Раздел «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» включает работу, представляющую новогодний выпуск регионального издания как социокультурный источник (С.А. Скуридина, А.В. Вохминцева). В разделе «Язык СМИ» представлен ценностный анализ медиатекстов Тверского региона (А.В. Андреева). Раздел «События, обзоры, рецензии» рассказывает о международном методологическом семинаре «Динамические процессы в семантике и грамматике» (научная школа Е.П. Иванян) (М.Ю. Михайлова, Н.Н. Немич).

Содержащиеся в выпуске 2(45) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 81'373.43

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.71.96.001

*Кубанский государственный университет
доктор филологических наук
профессор кафедры английской филологии
Катермина В.В.
Россия, г. Краснодар, тел. +7 903-412-05-54
e-mail: katermina_v@mail.ru*

*Kuban State University
The chair of English language
Doctor of Philology, full professor
Katermina V.V.
Russia, Krasnodar, tel. +7 903-412-05-54
e-mail: katermina_v@mail.ru*

*Кубанский государственный университет
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры английской филологии
Липириди С.Х.
Россия, г. Краснодар, тел. +7 909-450-55-38
e-mail: sofa.lipiridi@gmail.com*

*Kuban State University
The chair of English language
PhD, lecturer
Lipiridi S.Ch.
Russia, Krasnodar, tel. +7 909-450-55-38
e-mail: sofa.lipiridi@gmail.com*

В.В. Катермина, С.Х. Липириди

ЛЕКСИКА ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ РЕАЛИЙ 2020–2021 гг.

В статье рассматривается лексика пандемии коронавируса как отражение социально-бытовых реалий 2020–2021 гг. Анализируется семантико-аксиологический план неологизмов, отображающих изменения образа жизни во время распространения пандемии, выявляются интенции создателей порожденного пандемией лексического пласта. В частности, рассматривается коллективное восприятие новых реалий в таких затронутых пандемией областях, как образование, профессиональная деятельность, политика, культура, повседневная жизнь. Особое внимание уделяется ироническим номинациям, наиболее ярко отображающим личное отношение создателей неологизмов к новым реалиям. Основным методом исследования является семантический анализ, применяемый для выявления смысловых доминант лексики пандемии коронавируса. Дополнительными методами являются контекстуальный анализ, используемый при рассмотрении исходного контекста неологизмов, и лингвоаксиологический анализ, позволяющий выделить ценностные приоритеты создателей неологизмов коронавирусной эпохи. На основе толкования подтекста данных неологизмов выделяются основные стратегии восприятия последствий пандемии массовым сознанием – стратегия сдерживания пандемии, стратегия отрицания значимости пандемии (ковид-диссидентство), нейтрально-адаптивная стратегия. В результате исследования выявляется как синхронический план одновременного функционирования контрастных лексических единиц в сетевой речи, отражающий предельную вариативность восприятия пандемии обществом, так и диахронический план, отображающий этапы эволюции отношения социума к последствиям пандемии. Синхронический анализ данного лексического поля раскрыл разнообразие вызываемых пандемией социально-психологических реакций англоязычных представителей сетевой культуры – среди маркеров воздействия пандемии на общественное сознание можно выделить рост эскапизма и психологической зависимости от техники, распространение идеологии самосовершенствования и феминизма, трансформацию личностных отношений. Диахронический анализ короналексики показал, что на смену первоначальному алармизму и страху перед пандемией пришло спокойное восприятие пандемии как данности бытовых условий, а впоследствии и чувство ностальгии по карантинному режиму. Появление социально-бытовых реалий 2020–2021 гг. создало уникальную языковую ситуацию постоянной изменчивости контекста восприятия пандемии, открывающую широкие возможности для лингвосоциального и лингвopsихологического анализа.

Ключевые слова: лексика пандемии коронавируса, социально-бытовые реалии 2020–2021 гг., семантико-аксиологический план неологизмов пандемии коронавируса, стратегии восприятия пандемии массовым сознанием, эволюция отношения социума к последствиям пандемии.

V.V. Katermina, Kh. Lipiridi

VOCABULARY OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC AS A REFLECTION OF SOCIAL AND HOUSEHOLD REALITIES OF 2020–2021

The article considers the vocabulary of the coronavirus pandemic as a reflection of the social realities of 2020–2021. The semantic-axiological plan of neologisms that reflect lifestyle changes during the spread of the pandemic is analyzed, the intentions of the creators of the lexical layer generated by the pandemic are revealed. In particular, the collective perception of new realities in such areas affected by the pandemic as education, professional activity, politics, culture, and everyday life is considered. Particular attention is paid to ironic nominations, which most clearly reflect the personal attitude of the creators of neologisms to new realities. The main research method is semantic analysis used to identify the semantic dominants of the vocabulary of the coronavirus pandemic. Based on the interpretation of the sub-text of these neologisms, the main strategies for perceiving the consequences of the pandemic by the mass consciousness are distinguished - the strategy of containment of the pandemic, the strategy of denying the significance of the pandemic (covid dissidence), and the neutral adaptive strategy. As a result of the study, both a synchronous plan for the simultaneous functioning of contrasting lexical units in network speech, which reflects the maximum variability in the perception of a pandemic by society, and a diachronic plan, which reflects the stages of evolution of society's attitude to the consequences of a pandemic, are revealed. The emergence of social realities in 2020-2021 created a unique linguistic situation of constant variability in the context of the perception of the pandemic, which opens up wide opportunities for linguo-social and linguo-psychological analysis.

Key words: vocabulary of the coronavirus pandemic, social realities of 2020–2021, semantic and axiological plan of neologisms of the coronavirus pandemic, strategies for perceiving the pandemic by mass consciousness, the evolution of society's attitude to the consequences of the pandemic

2020–2021 гг. – время значительных изменений в социально-бытовой сфере. Распространение пандемии коронавируса привело к преобразованию образа жизни во всем мире. Вызванные новыми условиями трансформации в медицине, образовании, различных направлениях профессиональной деятельности, политике, культуре, повседневной жизни привели к непрерывному появлению новых социально-бытовых реалий. Появление данных реалий вызывало экстраординарный всплеск языковой активности. Отражение новаций коронавирусной эпохи в языке породило новый, наиболее актуальный пласт неологического дискурса – лексику пандемии коронавируса (короналексику) [1]. Неологизмы пандемии коронавируса стали «визитной карточкой» эпохи – многоголосие, предельная вариативность видения пандемии социумом нашло свое отражение в многообразии созданных рядовыми участниками социально-бытовой коммуникации слов и выражений. «Сегодняшний дискурс о пандемии отличается неоднородность и сложность структуры: основная коммуникативно-речевая сфера представлена не только профессиональной медицинской деятельностью, но и политической, религиозной, педагогической и др.; специфику коммуникации составляет глобальная общность участников; ситуации общения также многообразны» [2, с. 378]. Изучение данного лексического пласта дает шанс создать своего рода краткую «энциклопедию» жизни мирового сообщества во время пандемии – широта и разнообразие словаря короналексики представляют собой перспективное поле для анализа восприятия пандемии социумом как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах. Особенно важным нам представляется рассмотрение лексики, имеющей идеологический подтекст. Идеологическое, в частности социально-политическое измерение аксиологии короналексики было уже неоднократно отмечено ранее: «Коронавирусный дискурс стал “утилитарной сверткой” разговора о волнующих общество реальных проблемах, подменив собой разговор о войне в Сирии, политической борьбе в Европе и США, социальных противоречиях и превратившись в способ пошутить и посмеяться над миром вокруг нас» [3, с. 902]. Утилитарно-идеологический характер лексики пандемии наиболее ярко раскрывается при анализе неологизмов, описывающих социально-бытовые реалии эпохи пандемии 2020–2021 гг. Мы полагаем, что социальные и бытовые аспекты лексики пандемии коронавируса тесно связаны – описание социально-бытовых реалий несет в себе в имплицитном виде идеологические интенции создателей неологизмов. Данный аспект изучения короналексики определяет цель статьи – выявление интенций создателей порожденного пандемией лексического пласта путем анализа семантико-аксиологического плана неологизмов. Методологическую базу исследования составили работы Н.С. Данковой [4], И.П. Зайцевой [5], В.В. Катерминой и С.Х. Липириди [6], Т.В. Лановой [1], О.Н. Новиковой и Ю.В. Калугиной [2], Т.Б. Радбиль и Л.В. Рацибурской [7,8,9],

А.В. Савченко [10], О.И. Северской [3], И. Алексеевой [11], А. Хаддад-Хаддада [12], М. Халфан [13], А. Мустайоки [14]. Основным методом исследования является семантический анализ, применяемый для выявления смысловых доминант лексики пандемии коронавируса. Дополнительными методами являются контекстуальный анализ, используемый при рассмотрении исходного контекста неологизмов, и лингвоаксиологический анализ, позволяющий выделить ценностные приоритеты создателей неологизмов коронавирусной эпохи.

Обратимся к анализу лексики пандемии коронавируса на примере репрезентативной выборки единиц онлайн-словарей Urban Dictionary [15] и Cambridge Dictionary [16], а также блога Т. Thorne [17]. Мы разделяем нашу выборку на две категории. В первую категорию порожденных пандемией новых слов и выражений мы относим номинации, отражающие общее видение ситуации. Анализ данного лексического поля выявляет противоречивый и крайне разнообразный спектр представлений о пандемии и ее последствиях. Некоторые неологизмы подобного рода нейтральны в силу своего описательного характера. Так, нейтральный неологизм **pancession** (*a pandemic-associated widespread economic recession* [17] – «широкомасштабный экономический спад, связанный с пандемией» [здесь и далее перевод наш. – Прим. авт.]), отражает последствия тотального кризиса, порожденного нарушением работы глобальной экономической системы. Другие неологизмы не обладают нейтральной окраской, так как отражают критические настроения различных социальных групп и движений, имеют отчетливо политическое звучание. Одной из стереотипных реакций массового сознания на результаты коронакризиса является обвинение истеблишмента в неадекватной реакции на вызов пандемии. Подобные неологизмы отражают отчетливую политическую направленность их создателей. Так, неологизм **pandemicide** (*gross negligence or deliberate strategy leading to widespread loss of life during the pandemic, a charge levelled at Donald Trump in a September 2020 publication. E.g. Donald Trumps inaction and willful blindness regarding the Covid19 pandemic has resulted in widespread suffering and death from the virus. Therefore, he is guilty of Pandemicide* [17] – «грубая халатность или преднамеренная стратегия, ведущая к повсеместной гибели людей во время пандемии – обвинение, выдвинутое Дональду Трампу в публикации за сентябрь 2020 г. Например: бездействие Дональда Трампа и умышленное ослепление в отношении пандемии Covid19 привели к массовым страданиям и смерти от вируса. Следовательно, он виновен в **пандемиициде**»), отражает точку зрения противников Д. Трампа. Бывший американский президент объявляется виновником специфической формы геноцида – т.н. «пандемиицида», результата преступной халатности или намеренной стратегии по ослаблению неминуемых слоев населения. Очевидно, что авторы данного неологизма являются сторонниками теории заговора, обвиняющего Трампа в намеренном ухудшении общественной ситуации из-за предубеждения к непривилегированным группам американского народа. Данный неологизм отражает кризис отношения части американцев к власти республиканской партии. Помимо очевидного политического подтекста данный неологизм опосредованно отражает установку сдерживания пандемии – необходимость борьбы с распространением коронавируса раскрывается от противного на примере фигуры Трампа, отвергавшего алармистское отношение к заболеванию. Явственно алармистский характер имеет и неологизм **pandemiconium** (*data on COVID-19 deaths and cases goes underreported in many countries Malpractice in procurement of vaccines, protective equipment is widespread Corruption and secrecy is putting lives at risk, experts warn of wild uproar or unrestrained disorder. E.g. Boris Johnson was at the wheel it was pure pandemiconium!* [15] – «данные о смертях и случаях заболевания COVID-19 во многих странах занижены. Злоупотребления служебным положением при закупке вакцин и средств защиты широко распространены. Например: Борис Джонсон был за рулем, это был чистый **пандемикониум!**»). Создатели данного слова полагают, что во время распространения коронавируса представители элиты нарушают этические нормы – дезинформируют население об истинных масштабах пандемии, пользуются своим привилегированным положением для приобретения дефицитных средств защиты и медикаментов, недоступных простым гражданам. Упоминание в тексте дефиниции премьер-министра Великобритании Б. Джонсона придает дефиниции характер политического высказывания – критика правительственных кругов Соединенного Королевства отражает недовольство британцев непоследовательной политикой властей. Отчетливо алармистский характер имеет неологизм **pancovideracinate** (*a world movement for the eradication of coronavirus disease. Pancovideracinate consists of pan- (all, every, whole, all-inclusive), covid-19 and deracinate. E.g. To pancovideracinate, people and the legal authorities must put together their efforts* [15] – «всемирное движение за искоренение коронавирусной болезни. [Слово] **панковидерацинат** состоит из [слов] «пан» («все, все, целиком, все

включено»), «ковид-19» и «искоренение». Например. Чтобы [полностью искоренить коронавирус], люди и правоохранительные органы должны объединить свои усилия»). Данное слово апеллирует к всеобщему моральному долгу жителей всего мира, призванных объединиться перед глобальной угрозой распространения инфекции. Данный неологизм ярко выражает один из доминирующих паттернов поведения активных борцов с пандемией – стремление донести информацию о возможности и важности борьбы с коронавирусом до широких кругов населения во всем мире, приведение мирового сообщества в состояние тотальной мобилизации перед лицом пандемии. Вместе с тем, в короналексике встречаются и единицы, созданные отрицателями значимости пандемии (ковид-диссидентами). Одним из ярких примеров подобной группы неологизмов является слово **panicovid** (1. *widespread public alarm socially constructed by the media, people and authorities due to the outbreak of COVID-19. Occurs as there is a gap between people's perceptions of Coronavirus disease and the facts of the disease.* 2. *The process of arousing concern and spreading fear about the Novel Coronavirus. E.g. 1. The panicovid leads people to hoard groceries. 2. The mental effects of this panicovid may outweigh the actual physical harms* [15] – «массовая общественная тревога, социально сконструированная средствами массовой информации, населением и властями в связи со вспышкой COVID-19. Происходит, поскольку существует разрыв между восприятием людьми коронавирусной болезни и фактами болезни. 2. Процесс возбуждения беспокойства и распространения страха перед новым коронавирусом. Например: 1. **Паниковид** заставляет людей копить продукты. 2. Психические эффекты этого **паниковид** могут перевешивать реальный физический вред»). Создатели данного неологизма утверждают, что связанная с пандемией паника создана искусственно, а ее появление и распространение стали возможными благодаря когнитивным искажениям отдельных людей, легко поддающихся пропаганде. Игнорирование существования пандемии нашло отражение в неологизме **pandummy** (a person or group of persons who believe that Covid-19 is a real pandemic. E.g. *OMG, the pandummy on CBC is asking for more restrictions while there is no evidence that those already in place are working* [15] – человек или группа лиц, которые считают, что Covid-19 – это настоящая пандемия. Например. О боже мой, **pandummy [короначучело]** на [канале] CBC требует дополнительных ограничений, хотя нет никаких доказательств того, что уже введенные ограничения работают). Авторами неологизма подвергается сомнению статус распространения коронавируса как пандемии, так и действенность стратегии сдерживания заболевания – данный неологизм отражает точку зрения людей, признающих само существование инфекции, но отрицающих ее влияние на жизнь человечества. Более сдержанную оценку порожденной пандемией волне информационного шума дает неологизм **infodemic** (misinformation being spread through various media, namely social media. E.g. *There is an infodemic of nonsense on social media about this new coronavirus* [15] – дезинформация распространяется через различные средства массовой информации, а именно социальные сети. Например: в соцсетях инфодемия бреда об этом новом коронавирусе). Данный неологизм отражает специфику эпохи постправды, вышедшей на новый виток развития во время пандемии – создание потоков противоречивой информации о заболевании нивелировало ценность каких-либо сведений о коронавирусе. В силу относительной нейтральности дефиниции данное слово может употребляться как сторонниками борьбы с коронавирусом, так и ковид-диссидентами. Завуалированную критику алармистского отношения к пандемии представляет собой неологизм **covidteer** (a individual who has an irrational and obsessive adherence to Covid-19 protocols and masking in low-risk locations. Typically a liberal/progressive residing in urban areas. Prone to frequent and violent outbursts at random strangers for not wearing masks. E.g. *I was in the middle of the forest and these 2 Covidteers hollered at me from across the meadow! I hate walking in Central Park-it's full of Covidteers* [15] – «человек, который иррационально и навязчиво придерживается протоколов Covid-19 и маскируется в местах с низким уровнем риска. Обычно это либеральные/прогрессивные люди, проживающие в городских районах, склонные к частым и бурным вспышкам гнева на случайных незнакомцев из-за отсутствия масок. Например. Я был посреди леса, и эти два **Ковидтира** кричали на меня с другой стороны луга! Я ненавижу гулять в Центральном парке — там полно **Ковидтиров**»). Неологизм описывает стереотипное поведение человека, чрезмерно озабоченного угрозой заражения коронавирусом. По наблюдениям создателей неологизма, доходящий до абсурда контроль над окружающими свойственен городским жителям, прогрессистам и либералам – электорату демократической партии США. Данная ироническая характеристика, очевидно, создана политическим противником современного американского либерализма, и является одним из примеров многочисленных юмористических единиц короналексики. Стоит отметить, что обилие подобных иронических и саркастиче-

ских номинаций в сетевом пространстве вызвало у части пользователей социальных сетей ответную реакцию, нашедшую свое выражение в неологизмах, осуждающих подобного рода черный юмор. Так, в дефиниции неологизма **pundemic** (*the widespread use of cracking bad jokes about a deadly disease. E.g. – “Did you hear the last joke about the corona....? It is a pundemic... – Dude, people are dying of coronavirus! You should take it seriously, it is a pandemic, not a “pundemic”* [15] – «широкое использование дурных шуток о смертельной болезни. Например: «Вы слышали последний анекдот про корону....? Это **фандемия**... – Чувак, люди умирают от коронавируса! Вы должны отнестись к этому серьезно, это пандемия, а не «**фандемия**»») отчетливо звучит осуждение легкомысленного отношения к пандемии, характерного для создателей значительной части юмористических номинаций лексики пандемии коронавируса. Иногда мысли о воздействии пандемии на мир приводят к парадоксальным выводам – именно пандемия, по мнению автора дефиниции неологизма **virus don't care** (*the only potential non-misery coming out of the COVID-19 pandemic is that it virtually unifies all living humans. As a Novel agent, no single race, political ideology, sexual orientation, age, educational level, occupation or religious affiliation has demonstrated immunity from infection if exposed. E.g. It would be amazing if a worldwide, financially devastating pandemic could somehow help overcome all of the built-in bias, discrimination, division, exploitation and bullshit that exists in our world, but it won't. Guess what? Virus Don't Care* [15] – «единственным потенциальным позитивным следствием, вытекающим из пандемии COVID-19, является то, что она фактически объединяет всех живых людей. Ни один новый фактор, будь то раса, политическая идеология, сексуальная ориентация, возраст, уровень образования, род занятий или религиозная принадлежность не продемонстрировали иммунитет перед воздействием инфекции. Например: было бы удивительно, если бы во всем мире, разрушительная с финансовой точки зрения пандемия могла бы каким-то образом помочь преодолеть все встроенные предубеждения, дискриминацию, разделение, эксплуатацию и ерунду, которые существуют в нашем мире, но этого не произойдет. Угадаете ответ? Вирусу все равно») в силу своего всеобщего влияния на человечество, потенциально может быть примиряющим фактором, способствующим прогрессу цивилизации. Примечательно, что создатель словарной дефиниции выражения понимает всю утопичность своих надежд – само написание комментария к неологизму является своего рода призывом к изменению существующего порядка вещей. Таким образом, семантико-аксиологический план неологизмов общего плана отражает идеологические позиции их создателей. При этом политически окрашенная лексика позволяет рассмотреть отношение массового сознания в синхроническом аспекте – анализ столкновения противоположных нарративов позволяет увидеть противоречивость восприятия пандемии обществом. На основе анализа приведенных выше единиц мы можем выделить две противоположные стратегии отношения к пандемии – стратегию сдерживания пандемии и стратегию отрицания значимости пандемии (ковид-диссидентство). Также на основе данного анализа можно отметить использование темы пандемии как повода для критики как отдельных политиков, так и общего состояния глобального миропорядка.

Наряду с идеологически окрашенными словами и выражениями существует еще более широкий слой лексики – неологизмы преимущественно бытового характера, отражающие специфику созданного пандемией нового образа жизни. Семантический план неологизмов, описывающих повседневные реалии коронавирусной эпохи, отражает «аполитичное» отношение их создателей к пандемии, свободное как и от алармизма, так и игнорирования или отрицания пандемии. Выраженную в подобных неологизмах стратегию мы можем назвать адаптивно-нейтральной – данный подход к восприятию коронавирусной эпохи сфокусирован на преодолении последствия пандемии как главной проблемы повседневной жизни. Некоторые слова и выражения подобного рода носят сугубо описательный характер. Так, слово **ronacation** (*the worldwide vacation due to closure of offices and schools due to COVID-19. Essentially a forced worldwide party for all non-boomers. E.g. Guy 1: “Fuck! My school will be closed until may”. Guy 2: “Welcome to Ronacation 2020”* [15] – «всемирные каникулы из-за закрытия офисов и школ из-за COVID-19. По сути, вынужденная всемирная вечеринка для всех не-бумеров. Например: Парень 1: «Блин! Моя школа будет закрыта до мая». Парень 2: «Добро пожаловать на Ronacation 2020»), описывает первоначальный кризис системы образования и офисной культуры, вызванный вынужденными каникулами и отпусками во время карантина. Слово **homeference** (*online conference, e.g. via Zoom, taken from one's home* [15] – «онлайн-конференция, например: проведенная дома конференция по Zoom») описывает такую реалию, как рабочие онлайн-конференции в домашних условиях. Неологизм **hybrid working** (*a combination of working remotely and on-site* [17] – «сочета-

ние удаленной работы и работы на месте») показывает эволюцию рабочих условий во время пандемии – на смену удаленному типу работы приходит смешанный тип, сочетающий преимущества обоих видов профессиональной активности. Таким образом, на примере данных номинаций можно увидеть диахронические изменения в языке, идущие вслед за динамическими изменениями реалий: закрытие офисов сменилось переносом профессиональной деятельности в онлайн-пространство, а удаленная работа – смешанным типом организации рабочего процесса.

Многие бытовые неологизмы описывают влияние пандемии на психологическое состояние человека во время и после карантина. В этом плане характерен неологизм **home separation anxiety** (*a feeling of worry and fear about being away from home, especially as a reaction to having spent so much time at home during lockdown. E.g. A recent study discovered that 67 percent of employed adults feel anxious at the thought of parting with their homes once society resumes, while 43 percent said they felt more attached to their homes. A large proportion of people have already experienced home separation anxiety, but how do we know if we are affected? And what can we do to reduce the fear and ease ourselves back into the world?* [16] – «чувство беспокойства и страха из-за того, что вы находитесь вдали от дома, особенно как реакция на то, что вы провели так много времени дома во время изоляции. Например: недавнее исследование показало, что 67% работающих взрослых испытывают тревогу при мысли о расставании со своим домом, когда жизнь в обществе возобновится, а 43% заявили, что чувствуют себя более привязанными к своему дому. Большая часть людей уже испытала тревогу разлуки с домом, но как мы узнаем, затронуты ли мы? И что мы можем сделать, чтобы уменьшить страх и облегчить себе возвращение в мир?»). Состояние тревоги вдали от дома является показателем изменения коллективных паттернов психики современного человека – длительный режим изоляции приводит к приобретенной фобии, возникшей как побочный результат адаптации индивида к новым условиям. Симптоматично, что некоторые виды досуга на карантине являются способами психологической защиты от последствий пандемии. Так, неологизм **quaranbaking** (*the therapeutic act of baking during lockdown* [15] – «терапевтический акт выпечки во время самоизоляции») иллюстрирует такой способ снятия психологического напряжения на карантине, как приготовление выпечки. Синонимом данному слову является хэштег **#isobaking** (*baking during isolation, usually to pass time. This hashtag is widely used when boasting about the results of one's baking session on social media* [15] – «выпечка во время изоляции, [которой занимаются], как правило, чтобы скоротать время. Этот хэштег широко используется, когда хвастаются результатами своей выпечки в социальных сетях»), в дефиниции которого подчеркивается демонстративный характер подобного рода бытового времяпровождения. В дефиниции данного неологизма звучит легкая ирония, характерная для многих бытовых единиц лексики пандемии коронавируса. Так, прозрачная ирония звучит и в неологизме **quaranqueen** (*a woman excelling during lockdown, particularly one excessively cleaning and tidying* [17] – «женщина, отличившаяся во время самоизоляции, особенно та, кто чрезмерно чистит и убирает») – женщина, излишне заботящаяся об уборке дома на карантине, юмористически сравнивается с королевой. Обостренное изоляцией стремление к самосовершенствованию, априори присущее современной культуре нарциссизма, также отображено в единице **quarantina** (*women who are learning to cope with life in the age of the coronavirus. Quarantinas don't need men to keep them busy or to rescue them. They are developing their talent as artists, they are reading serious literature, they are meditating and becoming whole. Not to be confused with quarantinos who are dumbass men with foot fetishes* [15] – «женщины, которые учатся справляться с жизнью в эпоху коронавируса. Карантинам не нужны мужчины, чтобы занять их или спасти. Они развивают свой талант художников, читают серьезную литературу, медитируют и становятся цельными. Не путать с карантиносомами, тупыми фут-фетишистами»). В дефиниции данного выражения присутствуют почти не завуалированные элементы философии феминизма, подкрепленные чертами идеологии саморазвития, резко усилившей свои позиции во время пандемии. Изоляция также привела к росту эскапизма – находящиеся на карантине все больше и больше привыкают бороться со стрессом с помощью ухода в мир массовой культуры. Неологизм **quaran-stream** (*binge-watch TV series, movies while enduring lockdown. E.g. Q: Hey what should I quaranstream? A: Oh you should totally binge Criminal Minds, Greys Anatomy, Gossip Girl, and House MD!* [17] – «запойный просмотр сериалов, фильмов во время локдауна. Например. В: Эй, что я должен делать в карантин? А: О, вы должны полностью заценить «Мыслить как преступник», «Анатомия страсти», «Сплетница» и «Доктор Хаус»!) описывает зависимость от кино и сериалов, только усилившуюся во время карантинных ограничений. Вызванное условиями карантина возрастание зависимости от техники ил-

люстрирует неологизм **quarantech** (*apps and gadgets that help during the quarantine* [15] – «приложения и гаджеты, которые помогают во время карантина»). Выражение **Quarantine and chill in the age of the corona** (*the term refers to the many quarantine activities – from streaming Netflix to baking banana bread – that people have been doing to pass time with at home, especially with a romantic partner* [15] – «этот термин относится ко многим карантинным мероприятиям – от потоковой передачи Netflix до выпечки бананового хлеба – которыми люди занимаются, чтобы скоротать время дома, особенно с романтическим партнером») описывает широкий спектр видов времяпрепровождения во время карантина, от просмотров сериалов до изготовления экзотических блюд. В целом, все виды развлечений во время и после карантина получили емкое наименование **quarantainment** (*the things you do to entertain yourself after being cooped up too long* [15] – «вещи, которые вы делаете, чтобы развлечь себя после слишком долгого пребывания взаперти»). Условия карантина породили своего рода апокалиптические ощущения исчезновения времени – подобные психологические последствия постоянного пребывания дома передает единица **quarantimes** (*when all of the days blend together because you are stuck inside due to a worldwide pandemic* [15] – «когда все дни сливаются воедино, потому что ты застрял внутри из-за всемирной пандемии»). Адаптация к карантинным условиям повлияла и на развитие личных отношений. Временные отношения во время карантина получили название **quarantine bae** (*when you get in a relationship with someone to last the duration of (covid-19) quarantine and after it's over you guys can break up and act like nothing ever happened. E.g. Friend: who is that girl waving at you. You: oh yeah that used to be my quarantine bae* [15] – «когда вы вступаете в отношения с кем-то на время карантина (covid-19) и после его окончания, вы, ребята, можете расстаться и вести себя так, как будто ничего не произошло. Например: Друг: кто эта девушка, машущая тебе рукой? Ты: о да, раньше это была моя карантинная подружка»). Подобные отношения не подразумевают длительного и устойчивого характера, они обречены на распад в силу их случайного характера. Более специфический случай отношений во время пандемии отражен в слове **hovid** (*a female gets Covid-19 on purpose so they can quarantine with someone. E.g. "I dumped her and then she said she came back positive for covid and we both need to quarantine together. She's a Hovid"* [15] – «женщина намеренно заражается Covid-19, чтобы быть на карантине с кем-то. Например. «Я бросил ее, а потом она сказала, что у нее положительный результат на ковид, и нам обоим нужно вместе пройти карантин. Она **ховид**»). Данный неологизм является очевидным примером новой стадии адаптации к последствиям пандемии – женщины, намеренно заражающиеся коронавирусом, не только не демонизируют заболевание, но и используют его в личных целях. Вершиной и логическим завершением нейтрально-адаптивной стратегии восприятия пандемии является неологизм **lockstalgia** (*a feeling of nostalgia for the lockdown period of the covid-19 pandemic. E.g. Above all, just as you may have entered lockdown with purpose, exit it with purpose too. If you do not, then you may start having feelings of "lockstalgia", and start regretting that you did not keep doing the things that you not only found more efficient but preferred and actually enjoyed* [16] – «чувство ностальгии по периоду локдауна во время пандемии covid-19. Например: прежде всего, точно так же, как вы, возможно, вошли в режим самоизоляции с определенной целью, так же и выходите из нее с определенной целью. Если вы этого не сделаете, вы можете начать испытывать чувство «локстальгии» и начать сожалеть о том, что вы не продолжали делать то, что вы не только считали более эффективным, но предпочитали и действительно получали удовольствие»), описывающий парадоксальный эффект ностальгии по условиям карантина, наступающей в результате чрезмерной адаптации к карантинному режиму.

Таким образом, неологизмы пандемии коронавируса отразили как социальные изменения глобального плана, так и частные особенности быта во время пандемии. Короналексика отразила коллективное восприятие новых реалий в таких затронутых пандемией областях как образование, профессиональная деятельность, политика, культура, повседневная жизнь. На основе толкования подтекста данных неологизмов нами были выделены основные стратегии восприятия последствий пандемии массовым сознанием – стратегия сдерживания пандемии, стратегия отрицания значимости пандемии (ковид-диссидентство), нейтрально-адаптивная стратегия. В результате исследования был выявлен как синхронический план одновременного функционирования контрастных лексических единиц в сетевой речи, отражающий предельную вариативность восприятия пандемии обществом, так и диахронический план, отображающий этапы эволюции отношения социума к последствиям пандемии. Синхронический анализ данного лексического поля раскрыл разнообразие вызываемых пандемией социально-психологических реакций англоязычных представителей сетевой культуры – среди марке-

ров воздействия пандемии на общественное сознание можно выделить рост эскапизма и психологической зависимости от техники, распространение идеологии самосовершенствования и феминизма, трансформацию личностных отношений. Диахронический анализ короналексики показал, что на смену первоначальному алармизму и страху перед пандемией пришло спокойное восприятие пандемии как данности бытовых условий, а впоследствии и чувство ностальгии по карантинному режиму. Так мы видим, что появление социально-бытовых реалий 2020–2021 гг. создало уникальную языковую ситуацию постоянной изменчивости контекста восприятия пандемии, открывающую широкие возможности для лингвосоциального и лингвopsихологического анализа.

Библиографический список

1. Лановая Т.В. Активные словообразовательные модели русского языка на материале «короналексики» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2021. № 3. С. 51–63.
2. Новикова О.Н., Калугина Ю.В. COVID-19 в контексте современного состояния исследования дискурса о пандемии // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25. № 2. С. 376–381.
3. Северская О.И. Ковидиоты на карантинках: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик // Коммуникативные исследования. 2020. № 7(4). С. 887–906.
4. Данкова Н.С., Крехтунова Е.В. Репрезентация пандемии в СМИ: метафорический образ войны (на материале американских газет) // Научный диалог. 2020. № 1(8). С. 69–83.
5. Зайцева И.П. «Коронапсихоз», «коронаскептики», «covidism», «covidophobia» и другие социолингвистические маркеры 2020 г. // Коммуникативные исследования. 2020. № 7(4). С. 801–813.
6. Катермина В.В., Липириди С.Х. Особенности отображения пандемии коронавируса в лексике медицинского дискурса (на основе английских неологизмов) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 4(147). С. 170–175.
7. Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. № 7(4). С. 759–774.
8. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Палоши И.В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2021. № 1. С. 63–79.
9. Рацибурская Л.В., Радбиль Т.Б., Палоши И. Диалектика национального и интернационального в активных процессах в русском языке новейшего периода // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 6. С. 170–176.
10. Савченко А.В., Лай Янь-Цзюнь. «Коронавирусные неологизмы»: от лексики и фразеологии к интернет-мемам (на материале русского и китайского языков) // Коммуникативные исследования. 2020. № 7(4). С. 865–886.
11. Alyeksyeyeva I. Chaiuk T., Galitska E. Coronaspeak as Key to Coronaculture: Studying New Cultural Practices Through Neologisms // International Journal of English Linguistics. 2020. № 10. P. 202–212.
12. Haddad Haddad A., Montero-Martínez S. COVID-19: a metaphor-based neologism and its translation into Arabic // Journal of Science Communication. 2020. № 19 (05). URL: https://jcom.sissa.it/archive/19/05/JCOM_1905_2020_A01 (date of application: 12.02.2022).
13. Khalfan M., Batool H., Shehzad W. Covid-19 Neologisms and their Social Use: An Analysis from the Perspective of Linguistic Relativism // Linguistics and Literature Review. 2020. № 6(2). P. 117–129.
14. Mustajoki A., Zorikhina Nilsson N., Tous-Rovirosa A., Guzman Tirado R., Dergacheva D., Vepreva I., Itskovich T. Covid-19: A Disaster in the Linguistic Dimension of Different Countries // Quaestio Rossica. 2020. № 8(4). P. 1369–1390.
15. Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (date of application: 12.02.2022).
16. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionaryblog.bridge.org> (date of application: 12.02.2022).
17. Thorne T. #CORONASPEAK – the language of Covid-19 goes viral. URL: <https://language-and-innovation.com/2020/04/15/coronaspeak-part-2-the-language-of-covid-19-goes-viral/> (date of application: 12.02.2022).

References

1. Lanovaya T.V. Active word-formation models of the Russian language on the material of “coronalexics” // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Ser.: Philology, Pedagogy, Psychology. 2021. Vol. 3. P. 51–63.
2. Novikova O.N., Kalugina Y.V. Covid-19 within the context of the current research on pandemic discourse // Bulletin of the Bashkir University. 2020. Vol. 25. Iss. 2. P. 376–381.
3. Severskaya O.I. Covidiotics on quarantines: coronavirus dictionary as a diagnostic field of actual discursive practices // Communicative research. 2020. Vol. 7(4). pp. 887–906.
4. Dankova N.S., Krekhtunova E.V. Representation of the pandemic in the media: a metaphorical image of war (based on the material of American Newspapers) // Scientific dialogue. 2020. Vol. 1(8). P. 69–83.
5. Zaytseva I.P. “Coronapsychosis”, “coronasceptics”, “covidism”, “covidophobiya” and other socio-linguistic markers of 2020 // Communicative research. 2020. Vol. 7(4). P. 801–813.
6. Katermina V.V., Lipiridi S.Ch. Peculiarities of the reflection of the coronavirus pandemic in the vocabulary of the medical discourse (based on the English neologisms) // Volgograd State University Bulletin. 2020. Vol. 4(147). P. 170–175.
7. Radbil T.B. “Self-Isolation” as the newest Russian cultural concept: cognitive-discursive aspect // Communicative research. 2020. Vol. 7(4). P. 759–774.
8. Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V., Paloshi I.V. Active Processes in the Vocabulary and Word Formation of the Russian Language in the Era of Coronavirus: Linguo-Cognitive Aspect // Scientific dialogue. 2021. Vol. 1. P. 63–79.
9. Ratsiburskaya L.V., Radbil T.B., Paloshi I.V. Dialectics of national and international in active processes in the Russian language of the latest period // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2020. Vol. 6. P. 170–176.
10. Savchenko A.V., Lai Yan-Jun. “Coronavirus neologisms”: from lexicon and phraseology to Internet memes (based on the material of Russian and Chinese languages) // Communicative research. 2020. Vol. 7(4). P. 865–886.
11. Alyeksyeyeva I. Chaiuk T., Galitska E. Coronaspeak as Key to Coronaculture: Studying New Cultural Practices Through Neologisms // International Journal of English Linguistics. 2020. Vol. 10. P. 202–212.
12. Haddad Haddad A., Montero-Martínez S. COVID-19: a metaphor-based neologism and its translation into Arabic // Journal of Science Communication. 2020. Vol. 19(05). URL: https://jcom.sissa.it/archive/19/05/JCOM_1905_2020_A01 (date of application: 12.02.2022).
13. Khalfan M., Batool H., Shehzad W. Covid-19 Neologisms and their Social Use: An Analysis from the Perspective of Linguistic Relativism // Linguistics and Literature Review. 2020. Vol. 6(2). P. 117–129.
14. Mustajoki A., Zorikhina Nilsson N., Tous-Rovirosa A., Guzma Tirado R., Dergacheva D., Vepreva I., Itskovich T. Covid-19: A Disaster in the Linguistic Dimension of Different Countries // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8(4). P. 1369–1390.
15. Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (date of application: 12.02.2022).
16. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionaryblog.bridge.org> (date of application: 12.02.2022).
17. Thorne T. #CORONASPEAK – the language of Covid-19 goes viral. URL: <https://language-and-innovation.com/2020/04/15/coronaspeak-part-2-the-language-of-covid-19-goes-viral/> (date of application: 12.02.2022).

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных» (2020–2022 гг., рук. В.В. Катермина).*

УДК 811.161.1 + 811.581 + 83'373.6
DOI 10.36622/AQMPJ.2022.88.39.002

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания,
Вэн Цзятун,
Россия, Волгоград, тел. +7-8442-602825,
e-mail: ong.valentine@yandex.ru

Volgograd State Socio-Pedagogical University
Postgraduate student
of the Department of Russian Language
and Methods of Teaching,
Weng Jiatong,
Russia, Volgograd, tel. +7-8442-602825
e-mail: ong.valentine@yandex.ru

Вэн Цзятун

ИСТОРИЯ СЛОВА *ШЁЛК* В КИТАЕ И РОССИИ

В статье рассматривается история слова 丝/шёлк в Китае и России. Установлено, что уже в эпоху Хуанди, или Жёлтого императора (黃帝), 2600 лет до н. э., в Китае существовало шёлковое производство. По легенде, шёлк придумала китайская императрица и жена Жёлтого дракона Лэй Цзу (嫫祖). Ткань получила название 丝 [sī] 'шёлк'. Это слово было заимствовано соседними народами: маньчжурское *sirghe*, монгольское *sirkek*. От них в VI веке название ткани в форме σῆρες было заимствовано византийцами, у которых его взяли латиняне: *sericus*, *Sēres*. В Византии или Риме с этой тканью и её названием в IX-X веках познакомились скандинавы, преобразовав его в *silki*. От них лексема попала к восточным славянам в форме *шьлкъ*, заменив прежнее слово *наволока*, у которого была диффузная семантика. У восточных славян возникли формы рус. *шёлк*, укр. *шовк*, белор. *шоўк*. С конца XVI века в России начинает развиваться производство шёлка, сначала на Северном Кавказе и в низовьях Волги, а затем в центре страны. Появилось большое количество терминов, связанных с этой промышленностью. Слово *шёлк* вошло в русский литературный язык, приобрело метафорические и метонимические переносные значения, стало широко использоваться во всех стилях языка, в разных художественных, публицистических, научных текстах. В истории отмечен Великий шёлковый путь, который проходил от китайского города Сианя до Средиземного моря. В XXI веке он нашёл своё продолжение в китайской стратегии «Один пояс – один путь».

Ключевые слова: этимология, русский язык, китайский язык, шёлк, 丝, первичное значение, переносное значение, устойчивые словосочетания, дериваты.

Weng Jiatong

THE HISTORY OF THE WORD *ШЁЛК* (SILK) IN CHINA AND RUSSIA

The article examines the history of the word 丝/шёлк 'silk' in China and Russia. It has been established that already in the era of Huang Di, or the Yellow Emperor (黃帝), 2600 BC, there was silk production in China. According to legend, silk was invented by the Chinese Empress and the wife of the Yellow Dragon Lei Zu (嫫祖). The fabric was named 丝 [sī] 'silk'. This word was borrowed by neighboring peoples: Manchu *sirghe*, Mongolian *sirtek*. From them in the VI century, the name of the fabric in the form σῆρες was borrowed by the Byzantines, from whom the Latins took it: *sericus*, *Sēres*. In Byzantium or Rome, Scandinavians got acquainted with this fabric and its name in the IX-X centuries, transforming it into *silki*. From them, the lexeme came to the Eastern Slavs in the form of *шьлкъ*, replacing the former word *наволока*, which had diffuse semantics. The Eastern Slavs had the forms of Rus. *шёлк*, Ukr. *шовк*, Byelor. *шоўк*. Since the end of the XVI century, silk production has been developing in Russia, first in the North Caucasus and in the lower reaches of the Volga, and then in the center of the country. A large number of terms related to this industry have appeared. The word silk entered the Russian literary language, acquired metaphorical and metonymic figurative meanings, became widely used in all styles of the language, in various artistic, journalistic, scientific texts. The Great Silk Road, which ran from the Chinese city of Xi'an to the Mediterranean Sea, is marked in history. In the XXI century, it found its continuation in the Chinese strategy "One Belt– One Road".

Keywords: etymology, Russian language, Chinese language, шёлк, 丝, primary meaning, figurative meaning, stable phrases, derivatives.

Шёлк является одним из великих изобретений древних китайцев. Он представляет собой символ древнекитайской цивилизации. Шёлк играет важную роль в сферах экономики, культуры и даже политики. Большое количество исторических памятников свидетельствует о том, что, по крайней мере, в эпоху Хуанди, или Жёлтого императора (黃帝), одного из трёх великих властителей древнейшего периода истории Китая (считается, что он жил около 2600 года до н. э.), уже существуют шёлковые изделия. Об этом сообщается в грандиозном труде историографа империи Хань Сыма Цяня «Исторические заметки (Ши цзи)» («史记»), в котором охвачен период от Жёлтого Императора до империи Западная Хань включительно [1]. По данным некоторых археологических памятников неолита, шёлк был изобретён китайцами более 7000 лет назад [2, с. 4-6].

В китайской культуре шёлк отмечен во многих легендах и иных фольклорных произведениях. Изобретателями шёлка называются разные персонажи: Мать бога из Силина (西陵圣母), Мать Лошадиной головы (马头娘), Девушка-шелкопряд (蚕女), Король Ма Мин Бодхисаттва (马明王菩萨) и бог Цинь И (青衣神) [3, с. 2]. По самой популярной версии, считается, что шёлк придумала в XXVII веке до н. э. легендарная китайская императрица и жена Жёлтого дракона Лэй Цзу (嫫祖), известная также под именем Си Линши (西陵氏) [21, с. 360].

Появление шёлка оказало большое влияние на обыденную и культурную жизнь китайского народа. Благодаря шёлку появилась китайская живопись [3, с. 101-102]. Уже в древнем Китае тушью и водяными красками с минеральными и растительными пигментами с помощью кистей из бамбука и шерсти домашних или диких животных наносились рисунки на шёлковую ткань. Позже эта техника получила название *гохуа* [4, с. 137].

Среди надписей на костях и черепаших панцирях обнаружено более 100 иероглифов с ключевым указателем 糸 [sī] ‘шёлк’. В работе учёного династии Восточная Хань (25-220 гг.) Сюй Шэня (许慎) «Словарь китайских иероглифов» (Шовэнь цзецзы, 说文解字) зафиксировано 455 иероглифов, связанных с шёлком и шёлковой промышленностью; в «Словаре Юй-пянь» (玉篇) династии Сон (960-1279 гг.) – 925 иероглифов. В современном китайском языке встречаются также слова и идиомы, которые связаны с шёлком. Например, 衣锦还乡 ‘одеться в расшитые одежды и вернуться на родину’: иероглифом 锦 обозначается самая дорогая шёлковая ткань, поэтому первая часть идиомы 衣锦 обычно символизирует богатство и благородство [3, с. 105]. Названия шёлка встречается в сказках и других фольклорных текстах, в произведениях китайских поэтов, в пьесах, рассказах, повестях, романах и т. д. Можно сказать, что шёлк и китайская культура тесно связаны друг с другом [3, с. 106-110]. Китайское слово 丝绸 [sīchóu] образовано из двух слогоморфем 丝 ‘шёлк, шёлковый’ и 绸 ‘шёлковая ткань, шёлк, шёлковый’ [5, с. 664, 92].

Русь познакомилась с шёлковой тканью уже в X веке. В первой русской летописи «Повести временных лет» неоднократно упоминается слово *паволока*, которым называется дорогая ткань, полученная из Византии. Она высоко ценилась, в тексте её название стоит рядом с золотом и драгоценностями. Под 907 годом сообщается о походе киевского князя Олега на Царьград, в результате которого Русь взяла с византийцев дань: «И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье». Паволоки получила в дар княгиня Ольга после крещения в Константинополе. Их же в качестве дани получали от византийских правителей киевские князья Игорь и Святослав [6].

Слово *паволока* образовано от корня *волок-*, как и *наволочка*, *оболочка*, *выволочка* и др. Однако у лексемы была нечёткая, диффузная семантика, ею называлась любая дорогая ткань. Позже это слово вышло из употребления, сохранившись как историзм и в народной речи. В. И. Даль так дефинирует слово: «Ткань, бумажная и шёлковая, привозная, дорогая, чем обволакиваются либо одеваются» [7, с. 6]. Со значением ‘шёлк’ оно фиксируется в иркутских говорах: Дочь попа была вся в паволоках [8, с. 112]. В белорусском языке слово имеет значение ‘покрывало’ [9, т. 3, с. 182], в сербском языке павлака – ‘наволочка’ [10, с. 737].

В русский язык слово шёлк пришло в XIII веке. Оно встречается в памятнике древнерусской литературы «Слово (Моление) Даниила Заточника», написанном в период с 1213 по 1236 год как обращение к переяславско-суздальскому князю Ярославу Всеволодовичу, в крещении Фёдору (1190-1246). Автор пишет: «Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть <...>» [11, с. 251]. В данном тексте паволокой называется шёлковое покрывало (или даже одеяло), в другом отрывке уточняется, что оно должно быть длинным. Отметим, что в этом отрывке в слове шолкы отражается третья лабиализация (ёканье), свидетельствующая о мягком произношении шипящего, при этом ещё не наступило смягчение заднеязычных.

У русского слова *шёлк* весьма сложная история. Китайское слово 絲 [sī] получило в соседних языках расширение: маньчжурское *sirghe*, монгольское *sirkek*. Именно в таком виде оно стало известно уже в VI веке, когда в 552 году агенты из Византии, выдававшие себя за монахов, контрабандой вывезли тутовых червей и листья шелковицы из Китая. В греческом языке появилось слово σῆρες ‘шёлк’, от которого были образованы топоним и этноним Σῆρες ‘Китай, китайцы’. У греков эти слова были заимствованы латинянами: *sericus*, *Sēres* [12, с. 504; 13, с. 321]. Буквально этот топоним понимался как ‘Государство, богатое шёлком’ [14, с. 21].

У византийцев были сложные отношения со скандинавами, которые проникали к ним с севера через Русь (варяги) и с юга по Средиземному морю (норманны). В «Повести временных лет» рассказывается, как князь Владимир Красно Солнышко около 978 года отправил в Царьград варягов, предупредив заранее императора: «И посла пред ними слы, глаголя сие цесареви: «Се идуть к тебѣ варязи, не мози ихъ дѣржати в городѣ, или то створят ти въ градѣ, яко здѣ, но расточи я раздно, а семо не пушай ни единого» [6]. В XI–XII вв. отмечаются военные столкновения между Византией и норманнами, а также порой их совместные действия против мусульман [15, с. 134–136]. Некоторые из норманнов осели в Византии и стали родоначальниками аристократических византийских фамилий [16].

Норманны говорили на древнескандинавском языке, на базе которого сформировались норвежский, исландский, шведский, датский и некоторые другие языки [17]. Вероятно, у греков или римлян они заимствовали название шёлка, преобразовав его в *silki*. В IX веке в древневерхненемецком языке встречается лексема *silecho* [9, с. 4: 423], около 1300 года фиксируются древнеанглийские слова *seoloc*, *sioloc* ‘шёлк, шёлковая ткань’ [18]. Из какого-то из скандинавских языков восточные славяне заимствовали название шёлка, закономерно преобразовав его в *шылкь*. Переход скандинавского [s] в древнерусское [ш] представлено и в других скандинавизмах в русских словах: арханг. *шкойда* ‘мелкий дождь на море, мокрый снег с туманом’ < норв. *skodda*, швед. *skadda* ‘туман, густой пар’, *шнека* ‘вид вооружённого судна’ < др.-сканд. *snekkja* ‘длинное судно’ [9, т. 4, с. 449, 462]. Затем возникли формы рус. *шёлк*, укр. *шовк*, белор. *шоўк*. Так китайское слово 絲 [sī], перейдя не менее чем через 4 языка, каждый раз видоизменялось в них, но сохранило исходную семантику. Отметим, что в западнславянских языках название этой ткани восходит к немецкому метафорическому обозначению *Gottawebbi* ‘божественная ткань’ [19, с. 202] (указание на красоту, дороговизну ткани и на её использование во время богослужения): чеш. *hedvábí*, словац. *hodváb*, польск. *jedwab* (отсюда также белор. *ядваб*).

В России первые шаги к созданию собственного шелкоткацкого ремесла были сделаны в конце XVI века при царе Фёдоре Иоанновиче, пригласившем в Москву итальянского мастера Марка Чипони, знавшего, как ткать бархат и парчу. Он основал первую шёлковую фабрику [20, с. 155]. В 1717 году в Москве были открыты шёлковые фабрики братьев Петра и Лазаря Лазаревых, Даниила Земского. Активно внедрял шелководство в стране Пётр I. 30 мая 1700 года он поручил астраханскому воеводе И.А. Мусину-Пушкину «переписать деревья (тутовые), находящиеся у жильцов в Астрахани <...> и заводить сады большие. Учинить же наказ крепкий, чтобы никто под смертной казнию тутовых дерев не сек. А велеть тутовые деревья в Астрахани разводить <...>». В 1718 году армянский купец Сафар Васильев получил царскую грамоту на устройство первого в России частного шёлкового завода на реке Терек. Вокруг завода возникло грузино-армянское поселение, которое сначала получило название Сарафанниково от видоизменённого имени купца, затем стало станицей Шелковской. Так слово шёлк проникло в топонимию России. Позже эта лексема стала основой многих урбанонимов в городах страны: Шёлковые улицы имеются в Москве, Красноярске, Махачкале и др.

В 1720 году по царскому указу был учрежден астраханский казенный «шелководный завод» на реке Ахтубе [22, с. 22]. Для организации работы из Астрахани прибыли два армянина-шелководы, которые привезли с собой грену – кладку яиц бабочек тутового шелкопряда (павлиноглазки). Весной 1721 года был получен первый ахтубинский шёлк [23, с. 59]. Однако первые опыты производства шёлка на Нижней Волге были незначительны. Ахтубинский завод давал не более 3 пудов шёлка [24, с. 343].

Следующая попытка возродить шелководство связана с именем астраханского губернатора генерал-майора Никита Афанасьевича Бекетова, который имел неподалёку от Царицына имение Отрада. Он осмотрел территорию бывшего шелководного завода и обнаружил богатые заросли тутовника. Рядом был построен небольшой сарай, из Астраханской садовой конторы прибыл с греной шелковод, он вскоре собрал 1890 коконов, из которых было получено 87 золотников белого и жёлтого шёлка (371 г) [25, с. 345]. Вскоре сёла Безродное (Верхнеахтубинское) и Среднеахтубинское были заселены экономическими крестьянами, которым поручалось заниматься разведением шелкопряда. В 1773 году здесь проживало 5 тысяч душ муж-

ского пола [там же]. Однако крестьяне предпочитали заниматься скотоводством, рыбной ловлей, а шелковичных червей, как свидетельствует побывавший там известный учёный-энциклопедист Пётр Симон Паллас (1741-1811), опрыскивали солёной водой, чтобы те погибали (см.: [25, с. 64; 26]). Пожелание П. С. Палласа о том, чтобы эта местность «самою богатою многочисленною и полезнейшею областью всего государства, словом российским Гиланом учинилась» [27, с. 301], не было осуществлено.

В дальнейшем шелкоткачество переместилось в Москву и Подмоскowie. В 1769 году там появилась даже деревня Шёлковая, крестьяне которой подали в Государственную мануфактур-коллегия заявления о том, что они «хотят производить ткачество разных шелковых материй и платков <...>». В 1769 году в Богородском уезде было 4 крупных и много мелких шёлковых фабрик. Известно, что изготовлением шёлковых лент занимался в первые годы своей деятельности известный в дальнейшем русский предприниматель и меценат Савва Васильевич Морозов (1770-1860) вместе с женой и детьми [28]. Шёлк после начала его производства в России шёл в основном на одежду русской знати, а также использовался на нужды церкви: «Из шёлка шили праздничные одежды священников, покровы на русские православные иконы, завесы для икон» [29, с. 473-474].

Постепенно шёлк получил широкое распространение в жизни русского народа. Его номинация получила развитие семантики, стала полисемантом, она образовала большое деривационное гнездо. Слово шёлк в русском литературном языке имеет несколько значений: '1. Вещество, выделяемое гусеницами тутового шелкопряда и загустевающее на воздухе в виде тонких нитей. 2. Пряжа, нитки из такого вещества или из искусственного, синтетического волокна. 3. Ткань из такой пряжи, таких ниток или из искусственного, синтетического волокна. / Разг. О мягком, покладистом человеке и его характере. 4. Обычно мн. Одежда из такой ткани. 5. То, что мягкостью, блеском и т.п. напоминает такие нитки или ткань' [30, с. 1494]. Используется сложное слово шёлк-сырец 'такое вещество, получаемое при размотке коконов'. Поговорку В долгу, как в шелку использует по отношению к человеку, который много и/или многим должен [там же]. Эта лексема используется в сравнительных оборотах: кожа, словно шёлк; волосы – чистый шёлк; трава, будто шёлк, небо, как синий шёлк.

От слова шёлк с помощью суффикса -ов- образовано прилагательное шёлковый. Оно имеет три значения: '1. Связано с первыми тремя значениями слова шёлк. 2. То же, что шелковистый. 3. Разг. Кроткий, послушный' [там же]. В фольклорных текстах возможен перенос ударения на второй слог: – Неужели ты завянешь, травушка шелковая? / Неужели не вспомнешь, дура бестолковая [31, с. 113]. Из народной речи эта акцентная форма проникает в художественный текст, прежде всего опирающийся на фольклор: На избенку эту брёвнышки / Он один таскал сосновые... / И вились у Иванушки / Русы кудри, как шелковые... (Н. А. Некрасов, «Орина, мать солдатская») [32, с. 162].

В прилагательном шелковистый тот же суффикс -ов-, что и у шёлковый, становится интерфиксом, к которому добавляется суффикс -ист-, придающий слову значение 'наделённый тем, что названо производящей основой' [33, с. 282]. Дериват получает значение 'похожий на шёлк (по виду или на осязание); блестящий, мягкий, гладкий' [30, с. 1494]. От прилагательного образуются наречие шелковисто и существительное шелковистость [там же].

Из тюркских языков было заимствовано слово арабского или арамейского происхождения тут для обозначения южного дерева с мелкими съедобными плодами [9, т. 4, с. 126-127]. Чаше использовалось словосочетание тутовое дерево и дериват тутовник [30, с. 1354]. В диалектной казачьей речи это слово было преобразовано в тютина [35, с. 602]. После того, как листья этого дерева стали использовать для кормления шелковичных червей, для него от прилагательного шёлковый с помощью суффикса -ица было образован фитоним шелковица, который, в свою очередь, стал производящей основой для прилагательного шелковичный. Возможно, на форму слова повлиял ныне редко встречающийся дериват тутовница [30, с. 1354]. Насекомое, которое используется в шелководстве, было названо сложной лексемой, образованной путём сложения с помощью интерфикса -о- основы шёлк- со вторым глагольным компонентом с нулевой суффиксацией [34, с. 270]: шелкопряд.

Несколько единиц используется для наименования человека, занятого производством шёлка, и процессов изготовления шёлка. С помощью суффикса -ик от основы прилагательного образовано слово шелковик. Процесс изготовления шёлка разделяется на несколько этапов, для каждого из которых имеются отдельные наименования, образованные путём основосложения с суффиксацией и без неё: 1) разведение шелкопряда (шелководство, шелковод); 2) размотка коконов для получения шёлка-сырца (шелкомотание, шелкомотальня, шелкомотальный, шелкомотальщик); 3) производство шёлковой пряжи из коконов, не поддающихся размотке (шелкопрядение, шелкопрядильный); 4) получение кручёного шёлка (шелкокручение);

5) выработка ткани из шёлковой нити (шелкоткачество, шелкоткач, шелкотканый, шелкоткацкий). Многие из этих лексем относятся к терминам, не получивших широкого распространения в языке; они не представлены в текстах художественной и публицистической литературы. К ним, вероятно, можно отнести и слова шелковина 'шёлковое полотно' (адъективный дериват шелковинный), шелковинка 'шёлковая нитка; ворсинка шёлка' [30, с. 1494], а также шелковидный, шелкопечатный, шелкоотделочный, шелкообрабатывающий и др. [там же].

Мы должны также упомянуть о Великом шёлковом пути – караванной дороге, связывавшей Восточную Азию со Средиземноморьем. По этому пути вывозились самые разные китайские товары, но постепенно главным из них стал шёлк. Этот путь впервые был проложен из тогдашней китайской столицы Сианя до античного города на Евфрате Дура-Эвропас (Δούρα Ἐυρώπης) и далее до Средиземного моря во времена династии Западной Хань (206 г. до н. э. – 24 г. н. э.). Эта дорога описывалась во многих географических и исторических текстах, начиная с Псевдоарриана (третья четверть I века н. э.) [36] и позднеллинистического географа и астронома Клавдия Птолемея (около 100 – около 170), но сам термин появился в трудах немецкого геолога и географа Фердинанда фон Рихтгофена (1833-1905), который побывал в 1860-е годы в Китае в составе прусского посольства, а с 1868 по 1872 год объездил 13 китайских провинций. Вернувшись в Пруссию, он 5 мая 1877 года выступил на заседании Берлинского географического общества с сообщением «О среднеазиатских шёлковых путях до 2 в. до Р. Х.», в котором использовал термин *Seidenstraße*, *Seidenstraßen* в единственном и множественном числе. Эта статья была опубликована в сдвоенном 5-6-м номере «Сообщений Берлинского географического общества» [37]. В том же году вышла его книга о Китае, в которой эти термины были им также использованы [38, с. 566, 672]. Подробно анализируется деятельность Фердинанда фон Рихтгофена в статье, опубликованной в американском специальном полугодовом издании «The Silk Road (Шёлковый путь)» [39]. Вскоре термин был переведён на другие европейские языки (рус. Шёлковый путь, англ. The Silk Road, фр. Route de la soie, ит. Via della seta, исп. Ruta de la seda, польск. Jedwabny Szlak и др.), стал известным в Китае (丝绸之路), к нему было добавлено определение великий.

Долгое время термин оставался историко-географическим понятием, пока Китай не заявил о своих проектах «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской шёлковой путь XXI века», объединённых в 2013 году в мегапроект (инициативу, стратегию) «Один пояс – один путь». По состоянию на 30 января 2021 года, Китай подписал соглашения о сотрудничестве в рамках этой инициативы со 140 странами и 31 международной организацией. Так термин, рождённый в XIX веке, ворвался в XXI век и стал важным фактором политической и экономической жизни всего мира. Опубликовано огромное число научных и публицистических статей об этой китайской стратегии (см., например: [40; 41; 42; 43; 44]). Проведён круглый стол «Экономический пояс Шёлкового пути: реальность и перспективы», материалы которого были опубликованы в журнале «Восточная аналитика» [45, с. 7-119].

Таким образом, уже в эпоху Хуан-ди, или Жёлтого императора (黃帝), 2600 лет до н. э., в Китае существует шёлковое производство. По легенде, шёлк придумала китайская императрица и жена Жёлтого дракона Лэй Цзу (嫫祖). Ткань получила название 𦉰 [sī] 'шёлк'. Это слово было заимствовано соседними народами: маньчжурское *sirghe*, монгольское *sirkek*. От них в VI веке название ткани в форме σῆρες было заимствовано византийцами, от которых оно пришло в латинский язык: *sericus*, *Sēres*. В Византии или Риме с этой тканью и её названием в IX-X веках познакомились скандинавы, преобразовав слово в *silki*. От них лексема попала к восточным славянам в форме шьлкъ, заменив прежнее слово паволока, у которого была нечёткая семантика. У восточных славян возникли формы рус. шёлк, укр. шовк, белор. шоўк. С конца XVI века в России начинает развиваться производство шёлка, сначала на Северном Кавказе и в низовьях Волги, а затем в центре страны. Появилось большое количество терминов, связанных с этой промышленностью. Слово шёлк вошло в русский литературный язык, приобрело метафорические и метонимические переносные значения, стало широко использоваться во всех стилях языка, в разных художественных, публицистических, научных произведениях. В истории отмечен Великий шёлковый путь, который проходил от китайского города Сианя до Средиземного моря. В XXI веке он нашёл своё продолжение в китайской стратегии «Один пояс – один путь».

Библиографический список

1. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. I. Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина, под общ. ред. Р. В. Вяткина. Вступ. ст. М. В. Крюкова. Изд. 2-е, исправ. и доп. М.: Изд. фирма «Вост. литер.» РАН, 2001. 415 с. (Памятники письменности Востока. XXXII, 1).

2. 邢声远. 丝绸的故事. – 济南: 山东科学技术出版社, 2019. – 133页
3. 徐映荃, 张克勤, 赵荟菁. 文化丝绸. – 苏州: 苏州大学出版社, 2016. 190页
4. Виноградова, А.Н. Традиционное искусство Востока. Москва: Эллис Лак, 1997. 359 с.
5. 外研社精编俄汉俄词典 / 王维国等编. 北京: 外语教学与研究出版社, 2011.
6. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб: Наука, 1996. 667 с. (Литературные памятники).
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. М.: ГИИНС, 1955. 556 с.
8. Словарь русских народных говоров. Вып. 25 / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Л.: Наука, 1990. 352 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. М.: Прогресс, 1986-1987.
10. Jurančič, J. Srpskohrvatsko-slovenski slovar. 2. razširjena izd. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1972. 1320 s.
11. Соколова Л.В. К характеристике «Слова» Даниила Заточника (реконструкция и интерпретация первоначального текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 46. Л.: Изд-во АН СССР, 1993. С. 229-255.
12. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка: Пособие для учителя. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
13. Семёнова А.В. Этимологический словарь русского языка. Москва: ЮНБЕС, 2003. 703 с.
14. 王冀青. 关于“丝绸之路”一词的词源. 敦煌学辑刊. 2015. №2. 页码 21-26
15. Византийский словарь: в 2 т. [сост., общ. ред. К. А. Филатова]. Т. 2. СПб: Амфора; РХГА, Изд-во Олега Абышко, 2011. 590 с.
16. Серен Е. А. Эмиграция норманнов в Византию и «Тагмы франков» (XI в.) // Античная древность и средние века. Вып. 32. Екатеринбург, 2001. С. 163-174.
17. Стеблин-Каменский М.И. История скандинавских языков / Отв. ред. акад. В.Ф. Шишмарёв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 340 с.
18. https://www.etymonline.com/search?q=silk&ref=searchbar_searchhint
19. Králik L'. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: Veda, 2015. 702 s.
20. Алимизраев Н.Я. Шелководство в Ставропольской губернии в XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2009. Вып. 2. С. 155-159.
21. Fan Lizhu. The Cult of the Silkworm Mother as a Core of a Local Community Religion in a North China Village: Field Study in Zhiwuying, Baoding, Hebei / Lizhu Fan // The China Quarterly: Journal for Study of China (London). 2003 (Jun.). No. 174: Religion in China Today. P. 350-372.
22. Плодоводство в России: Исследования и материалы. Вып. XIII: Плодоводство в Астраханской губернии / Сост. В. В. Пашкевич. СПб: тип. П.П. Сойкина, 1911. 387 с.
23. Кистенев В.В. Возникновение шелкоткацких и суконных предприятий в Среднем и Нижнем Поволжье при Петре I // Вестник Самарского гос. ун-та. 2007. №5/1(55). С. 57-62.
24. Б-в (Бычков, А. Ф.). Собственноручное письмо Петра Великого / Б-в (А. Ф. Бычков?) // Русский вестник. 1889, январь. [№1]. С. 343-346.
25. Башлыкова Т.А. Были заволжского края: Исторические очерки. Волгоград: Ком. по печати и инф., 1999. 264 с.
26. Гусарова Е.В. Зачем Петру I нужен был шёлк // Петровское время в лицах. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 37-43.
27. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третья, половина вторая. 1772 и 1773 годов. Санкт-Петербург: Импер. акад. наук, 1788. 480 с.
28. Маслов Е.Н. Ручное ткачество // https://www.bogorodsk-noginsk.ru/narodnoe/4_promysly2.html
29. Ли Сяонань. К истории шёлка в Китае и его распространения в Россию по Великому шёлковому пути // Новые идеи нового века: матер. междунар. научной конф. Т.1. Владивосток: Изд-во ТОГУ, 2010. С. 470-475.
30. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб: Норинт, 1998. 1534 с.
31. Судаков Г.В. Названия любимого человека в вологодских частушках // Вестник Череповецкого университета. 2016. №6(75). С. 111-120.
33. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем в 15 т. Т. 2. Ленинград: Наука, 1981. 447 с.
34. Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. Москва: Просвещение, 1973. 304 с.

35. Словарь донских говоров Волгоградской области / Авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брыкина, В.И. Супрун; под ред. Р. И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.
36. Бухарин М.Д. Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»: Текст, перевод, комментарий, исследования. СПб: Алетейя, 2007. 440 с.
37. Richthofen F. von. Über die zentralasiatischen Seidenstrassen bis zum 2. Jh. n. Chr. / F. von Richthofen // Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin / Herausgegeben von Dr. G. von Boguslawski. 1877. B. IV. No 5 u. 6. S. 96-122.
38. Richthofen F., von. China. Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien. 5 Bänder. Bd. 1 / F. von Richthofen. Berlin: D. Reimer, 1877. XLIV. 758 S.
39. [Waug, D. C.] Richthofen's "Silk Roads": Toward the Archaeology of a Concept (From the Editor's Desktop) / [D. C. Waugh] // The Silk Road: The Bridge between Eastern and Western Cultures (Saratoga, CA, USA). Summer 2007. Vol. 5 No 1. P. 1-10.
40. Островский А.В. Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути» как путь к международному экономическому сотрудничеству // Азия и Африка сегодня. 2019. № 2. С. 8-12.
41. Шимов В.Н. «Экономический пояс Шёлкового пути» как транспортный маршрут и глобальный проект развития // Белорусский экономический журнал. 2019. № 2. С. 4-14.
42. Чубаров И.Г. Пять составляющих внешнеэкономического курса Китая «Один пояс, один путь» // Международная аналитика. 2018. № 3 (25). С. 45-58.
43. Авдокушин Е.Ф. Тигр прыгнул, дракон взлетел – проект «Один пояс – один путь»: теория и практика // Вопросы новой экономики. 2015. № 4. С. 4–17.
44. Косоруков А.А. Великий шелковый путь в конкурентном пространстве мировой политики // Национальная безопасность / nota bene. 2019. № 2. С.191-211.
45. Круглый стол «Экономический пояс шелкового пути: реальность и перспективы»: материалы / Ред.-сост. к.п.н. Н.К. Семёнова // Восточная аналитика. 2018. №3. С. 7-119.

References

1. Sima Qian. Historical notes (Shi ji). T. I. Per. with kit. and comment. R. V. Vyatkin and V. S. Taskin, under the general editorship of R. V. Vyatkin. Introduction by M. V. Kryukov. 2nd edition, correction. and additional M.: Publishing house of the firm "East. lit." RAS, 2001. 415 p. (Monuments of the writing of the East. XXXII, 1).
2. 邢声远. 丝绸之路的故事. – 济南: 山东科学技术出版社. 2019. – 133页
3. 徐映荃, 张克勤, 赵荟菁. 文化丝绸. – 苏州: 苏州大学出版社, 2016. 190页
4. Vinogradova, A.N. Traditional art of the East. Moscow: Ellis Luck, 1997. 359 p.
5. 外研社精编俄汉俄词典 / 王维国等编. 北京: 外语教学与研究出版社, 2011.
6. The tale of bygone years / podgot. text, trans., art. and commentary by D. S. Likhachev; edited by V.P. Adrianova-Peretz. 2nd ed., ispr. and add. St. Petersburg: Nauka, 1996. 667 p. (Literary monuments).
7. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Vol. III. M.: GIINS, 1955. 556 p.
8. Dictionary of Russian folk dialects. Issue 25 / Editor-in-chief F. P. Sorokoletov. L.: Nauka, 1990. 352 p.
9. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. In 4 t. / Trans. with him. and an additional O. N. Trubacheva. M.: Progress, 1986-1987.
10. Jurančič, J. Srpskohrvatsko-slovenski slovar. 2. razširjena izd. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1972. 1320 s.
11. Sokolova L.V. To the characteristic of the "Words" of Daniel Zatochnik (reconstruction and interpretation of the original text) // Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. Vol. 46. L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1993. pp. 229-255.
12. Shansky N. M. A brief etymological dictionary of the Russian language: A Teacher's Manual. 2nd ed., ispr. and add. M.: Enlightenment, 1971. 542 p.
13. Semenova A.V. Etymological dictionary of the Russian language. Moscow: UNVES, 2003. 703 p.
14. 王冀青. 关于“丝绸之路”一词的词源. 敦煌学辑刊. 2015. №2. 页码 21-26
15. The Byzantine Dictionary: in 2 vols. [comp., total. ed. K. A. Filatov]. Vol. 2. St. Petersburg: Amphora; RHGA, Publishing house of Oleg Abyshko, 2011. 590 p.
16. Seren E. A. Emigration of Normans to Byzantium and the "Tagmas of the Franks" (XI century) // Ancient antiquity and the Middle Ages. Issue 32. Yekaterinburg, 2001. pp. 163-174.

17. Steblin-Kamensky M.I. History of Scandinavian languages / Ed. Academician V.F. Shishmarev. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1953. 340 p.
18. https://www.etymonline.com/search?q=silk&ref=searchbar_searchhint
19. Králik L'. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: Veda, 2015. 702 s.
20. Alimirzaev N.Ya. Sericulture in Stavropol province in the XIX century. // Bulletin of St. Petersburg University. Series 2: History. 2009. Issue. 2. pp. 155-159.
21. Fan Lizhu. The Cult of the Silkworm Mother as a Core of a Local Community Religion in a North China Village: Field Study in Zhiwuying, Baoding, Hebei / Lizhu Fan // The China Quarterly: Journal for Study of China (London). 2003 (Jun.). No. 174: Religion in China Today. P. 350-372.
22. Fruit growing in Russia: Research and materials. Issue XH: Fruit growing in the Astrakhan province / Comp. V. V. Pashkevich. St. Petersburg: P.P. Soykin's type, 1911. 387 p.
23. Kistenev V.V. The emergence of silk-weaving and cloth enterprises in the Middle and Lower Volga region under Peter I // Bulletin of the Samara State University. 2007. No.5/1(55). pp. 57-62.
24. B-v (Bychkov, A. F.). A handwritten letter from Peter the Great / B-v (A. F. Bychkov?) // Russian Bulletin. 1889, January. [№1]. From 343-346.
25. Bashlykova T.A. Were of the Volga region: Historical essays. Volgograd: Press and Inf. Com., 1999. 264 p.
26. Gusarova E.V. Why did Peter I need silk // Peter's Time in the faces. St. Petersburg: Publishing House of the State. Hermitage, 2003. pp. 37-43.
27. Pallas P.S. Travel to different provinces of the Russian state. Part three, half two. 1772 and 1773. St. Petersburg: Imperial. Academy of Sciences, 1788. 480 p.
28. Maslov E.N. Manual weaving // https://www.bogorodsk-noginsk.ru/narodnoe/4_promysly2.html
29. Li Xiaonan. On the history of silk in China and its spread to Russia along the Great Silk Road // New Ideas of the New Century: mater. International Scientific Conference Vol. 1. Vladivostok: Publishing House of TOGU, 2010. pp. 470-475.
30. The great explanatory dictionary of the Russian language / Comp. and ch. ed. S. A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 1998. 1534 p.
31. Sudakov G.V. The names of a loved one in Vologda ditties // Bulletin of Cherepovets University. 2016. No. 6(75). pp. 111-120.
32. Nekrasov N. A. The complete collection of works and letters in 15 vols. 2. Leningrad: Nauka, 1981. 447 p.
33. Zemskaya E.A. Modern Russian language: Word formation. Moscow: Prosveshchenie, 1973. 304 p.
34. Dictionary of the Don dialects of the Volgograd region / Author-comp. R.I. Kudryashova, E.V. Brysina, V.I. Suprun; edited by R. I. Kudryashova. Ed. 2nd, reprint. and add. Volgograd: Publisher, 2011. 704 p.
35. Bukharin M.D. of the unknown author "The Periple of the Eritrean Sea": Text, translation, commentary, research. Saint Petersburg: Aleteya, 2007. 440 p.
36. Richthofen F. von. Über die zentralasiatischen Seidenstrassen bis zum 2. Jh. n. Chr. / F. von Richthofen // Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin / Herausgegeben von Dr. G. von Boguslawski. 1877. B. IV. No 5 u. 6. S. 96-122.
37. Richthofen F., von. China. Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien. 5 Bänder. Bd. 1 / F. von Richthofen. Berlin: D. Reimer, 1877. XLIV. 758 S.
38. [Waug, D. C.] Richthofen's "Silk Roads": Toward the Archaeology of a Concept (From the Editor's Desktop) / [D. C. Waugh] // The Silk Road: The Bridge between Eastern and Western Cultures (Saratoga, CA, USA). Summer 2007. Vol. 5 No. 1. pp. 1-10.
39. Ostrovsky A.V. The Chinese project "The Economic Belt of the Silk Road" as a path to international economic cooperation // Asia and Africa today. 2019. No. 2. pp. 8-12.
40. Shimov V.N. "The economic belt of the Silk Road" as a transport route and a global development project // Belarusian Economic Journal. 2019. No. 2. pp. 4-14.
41. Chubarov I.G. Five components of China's foreign economic course "One belt, one road" // International Analytics. 2018. No. 3 (25). pp. 45-58.
42. Avdokushin E.F. The tiger jumped, the dragon took off – the project "One Belt – one Way": theory and practice // Issues of the new economy. 2015. No. 4. pp. 4-17.
43. Kosorukov A.A. The Great Silk Road in the competitive space of world politics // National security / nota bene. 2019. No. 2. pp.191-211.
44. Round table "The economic belt of the Silk Road: reality and prospects": materials / Ed.-comp. PhD N.K. Semenova // Eastern analytics. 2018. No.3. pp. 7-119.

УДК 81-13

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.41.54.003

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Институт экономики, математики и информационных технологий

кандидат филологических наук, доцент кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций

Измайлян Д.Б.

Россия, г. Москва, тел. 89161137153

e-mail: diana.izma@gmail.com

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Economics, Mathematics and Information Technology

The chair of political and legal disciplines and social communications

PhD, associate professor

Izmailyan D.B.

Russia, Moscow, tel. 89161137153

e-mail: diana.izma@gmail.com

Д.Б. Измайлян

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ФРЕЙМОВ

В статье обсуждается роль корпусных исследований в современной лингвистике. Показываются объяснительные возможности корпусных методов в дискурсивном анализе текстов СМИ, в частности, описывается соединение инструментариев корпусного и когнитивно-дискурсивного подходов в процессе отбора и анализа языковых данных в рамках фреймового исследования сообщений СМИ. Корпусно-ориентированный дискурсивный подход к реконструкции фреймов состоит из последовательных аналитических этапов, переходящих от количественных к качественным методам исследования и приводящих к образованию концептуальных категорий, или фреймов. Функционально-методологические возможности корпусных менеджеров Word List, Keywords, Collocates и Concordances посредством автоматического отбора высокочастотных лексических единиц и ключевых слов, демонстрации их сочетаемости и ближайшего контекстуального окружения позволяют выделить стратегические фрагменты текста для последующего интерпретативного анализа. Этап качественно ориентированного анализа основан на кодировании автоматически отобранных ранее фрагментов текста с целью выделения приёмов фреймирования, т.е. эксплицитно выраженных лексических элементов текста, и приёмов аргументации, т.е. имплицитных причинно-следственных связей высказываний. Объединяясь в контексте единой сюжетной линии, приёмы фреймирования и приёмы аргументации отображают заложенные в тексте фреймы, или фрейм-наборы, позволяющие понять, как осмысливается и интерпретируется в СМИ определенная социально значимая проблема или тема и какое потенциальное воздействие она имеет на аудиторию. Статистическая репрезентативность языкового материала и эмпирическая проверяемость исследования, обеспеченные корпусным инструментарием, позволяют достоверно сделать вывод о существовании в данном типе функционирования языка как привилегированных, так и непривилегированных дискурсов, предоставляя тем самым доказательство как популярных, так и непопулярных форм осмысления освещаемой в СМИ проблемы или темы.

Ключевые слова: триангуляция, корпусные исследования языка, анализ дискурса, язык СМИ, фреймовый анализ, фрейм

D.B. Izmailyan

THE USE OF CORPUS LINGUISTICS TECHNIQUES IN FRAMING ANALYSIS

The paper discusses the role of corpus studies in modern linguistics. The issue of integrating methods of corpus linguistics into discourse analysis of mass-media texts is addressed. Specifically, the corpus-assisted discourse studies approach to selecting and analysing language data within framing analysis of mass-media discourse is presented as an effective analytical tool. The corpus-assisted discourse studies approach to reconstructing media frames consists of successive analytical stages that involve moving back and forth between quantitative and qualitative techniques of analysis and leading to the emergence of conceptual categories, or frames. The methodological corpus functions of Word List, Keywords, Collocates and Concordances by means of automatic selection of high-frequency lexical units and key-

words, demonstration of their co-occurrence and immediate co-text make it possible to highlight strategic text extracts for subsequent interpretative analysis. The stage of qualitative analysis is based on coding the previously selected text extracts in order to detect framing devices, i.e. explicit lexical elements of the text, and reasoning devices, i.e. implicit causal reasoning behind statements. Combined under the heading of an overarching idea, these framing devices and reasoning devices display underlying frames, or frame packages, which help to understand how a certain socially relevant issue or topic is made sense of and interpreted in the media and what potential impact it may have on the audience. The statistical representativeness of the linguistic data-set and the empirical replicability of the study provided by the corpus toolkit allow us to reliably conclude that both privileged and unprivileged discourses can be observed in this type of language functioning, thereby providing evidence for both popular and unpopular forms of understanding the issue or topic covered in the media.

Keywords: triangulation, corpus-based language studies, discourse analysis, mass media text, framing analysis, frame

Принцип методологической триангуляции, или комбинации нескольких методов исследования (или форм данных), в изучении одного социального явления широко применяется в социогуманитарных исследованиях с 1980-х годов [1; с. 22]. Переход к новым методам познания в рамках теории социального конструкционизма привел к эклектичному подходу в научном исследовании, для которого характерно объединение самых разных методологий, техник и приёмов, усиливающих друг друга ради получения более объёмной картины события. Нынешний век цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities) продолжает тенденцию к переплетению научных сфер, актуализируя потребность в соединении традиционных методов изучения социальных реалий с новыми информационно-коммуникационными технологиями сбора и анализа данных. Стремительное распространение корпусных технологий и статистических тестов в гуманитарных науках вообще и в языковедческих в особенности ведёт к обогащению знания междисциплинарного характера, что проявляется как в теоретических исследованиях, так и в практических разработках. Так, корпусная лингвистика как методология становится все более популярной среди лингвистических дисциплин, в т.ч. в социолингвистике, лингводидактике, переводоведении, лексикографии, описательной лингвистике и др [2; 3].

Когнитивная лингвистика также стремится к объединению с корпусной в целях создания «интегрированной методологии в двух современных парадигмах - когнитивной и корпусной» [4]. В исследованиях зарубежных лингвистов-когнитологов методы эмпирической науки становятся составной частью лингвистического описания, что уравнивает в правах эксперимент и корпусные данные [5; 6; 7]. На фоне активного развития программных систем в когнитивно-коммуникативных исследованиях последнего десятилетия широко используется корпусно-ориентированный подход к анализу дискурса (corpus-assisted discourse studies CADS, corpus-informed critical discourse studies CICDA). В условиях общего объекта исследования – употребления, т.е. узуса, технологии корпусной лингвистики расширяют объяснительные возможности когнитивно-дискурсивного подхода в той мере, в какой доказательная сила количественного метода служит достоверной эмпирической основой для существования в языке определенного явления как части серийной дискурсивной практики [8]. Примером успешного соединения инструментариев корпусной лингвистики и когнитивно-дискурсивных подходов можно считать исследования фреймов в текстах СМИ, при которых реконструкция фреймов на базе дискурсивного анализа материалов СМИ обеспечивается статистическим механизмом корпусного менеджера [9].

В современной науке выделяют ряд преимуществ такого интегрированного подхода к качественным интерпретативным исследованиям, как фреймовый анализ. Во-первых, корпусные исследования языка отличаются большей репрезентативностью выборочных данных, на сбор и обработку которых требуется существенно меньше ресурсов (в человеко-часах). Извлечение тех же данных вручную (например, посредством простого просмотра текстов и выделения примеров) может превратиться в довольно трудоёмкий процесс, растянувшись на месяцы или даже годы. Одновременно надежность, достоверность и проверяемость исследования, обеспеченного компьютерным инструментарием, позволяют избегать той субъективности и неполноты в отборе и анализе материала, которыми часто страдают описания, основанные исключительно на интроспекции исследователя [10; 11]. Во-вторых, путем автоматического отбора регулярно повторяющихся случаев словоупотребления, относящихся к определенной теме или проблеме, анализ корпуса выявляет привилегированные дискурсивные практики, предоставляя тем самым доказательства популярных или укоренившихся форм осмысления данной проблемы. Эти повторяющиеся паттерны показывают, что оценочные значения

являются не просто личными, идиосинкратическими конструкциями реальности, но и широко распространены в дискурсивном сообществе и создают определенную ментальную рамку для оценки и интерпретации событий. Так, например, укоренившееся в общественном сознании слово, фраза или конструкция могут послужить толчком к зарождению культурного стереотипа. Наконец, при помощи корпусных технологий становятся доступными текстовые элементы, свидетельствующие о существовании в данном типе речи неприоритетных дискурсов, которые могут быть упущены из виду в мелкомасштабном исследовании. Возможность зафиксировать факты, которые остаются скрытыми при «интуитивном» подходе к отбору и анализу текстов, является особенно актуальной для фреймового анализа сообщений СМИ, где идентификация всех возможных фреймов, как основных (*dominant / lead frames*), так и вспомогательных (*secondary / complementary frames*), одинаково значима для всестороннего понимания исследуемой проблемы [12; с. 43]. Так, основные и вспомогательные фреймы, или приоритетные и неприоритетные дискурсы, фактически указывают на ситуацию, при которой одни аспекты описываемых событий в СМИ упоминаются, а другие - нет; либо к одним аспектам авторы привлекают внимание, другие же при этом, наоборот, отодвигают на второй план.

В рамках корпусно-ориентированного дискурсивного подхода эффективным инструментарием для реконструкции фреймов в текстах СМИ являются такие функционально-методологические параметры корпусных менеджеров, как *Word List*, *Keywords*, *Collocates* и *Concordances*, позволяющие изучать составы частотного списка и ключевых слов, их сочетаемость и ближайшее контекстуальное окружение в корпусе текстов. Анализ частоты употребления слов – это способ выявления коммуникативно значимых языковых единиц внутри одного корпуса [13]. Несмотря на то, что частотность имеет немаловажное значение, она даёт лишь поверхностное представление о тексте, обнажая не более чем верхушку айсберга смыслового содержания корпуса. После лемматизации словоформ самостоятельных частей речи и удаления тех слов частотного списка, которые относятся к несамостоятельным частям речи (предлоги, союзы) либо являются дейктическими единицами (личные и указательные местоимения, наречия с семантикой места и времени), или же выполняют грамматические функции (вспомогательные глаголы, артикли), более информативным способом определения тематического наполнения корпуса становится выявление ключевых слов через сопоставление двух текстовых массивов.

Анализ ключевых слов позволяет обозначить содержательную направленность текста или корпуса, а также определить основные идеи и стилистические предпочтения автора. Ключевые слова выделяются через статистически значимую частотность в одном корпусе относительно другого корпуса, что позволяет статистически достоверно зафиксировать центральные понятия в содержании первого корпуса и рассматривать их как ключевые в данном корпусе. Эти ключевые понятия, хоть и не выявляют сразу же фреймы, но указывают на ведущие темы и проблемы, вокруг которых фреймы конструируются. Список ключевых слов формируется следующим образом: при сопоставлении двух массивов текстов выделяются статистически значимые слова в Корпусе-1, при этом Корпус-2 представляет некоторую норму и используется в качестве справочного. Если слово статистически чаще встречается в Корпусе-1 по сравнению со справочным корпусом, то можно сделать вывод, что такое слово имеет высокую значимость в данном типе речи и заслуживает более подробного изучения. К числу наиболее распространенных инструментов статистической оценки, на основе которых выделяются слова, встречаемость которых в одном корпусе выше, чем в другом, относят функцию логарифмического правдоподобия (*log-likelihood*) или критерий хи-квадрат (*chi-squared*).

Следующая методологическая процедура основана на вычислении статистически значимых коллокатов - высокочастотных языковых единиц, расположенных в пределах указанного диапазона слева и справа от ключевого слова. Несмотря на отсутствие в корпусной лингвистике единого мнения относительно оптимального диапазона, компьютерные программы, как правило, устанавливают по умолчанию окно на уровне пяти слов с каждой стороны от анализируемого (ключевого) слова. Возможность выявления коллокатов, а именно регулярно повторяющихся и типичных для данного текста или корпуса лексических сочетаний в связи с выделенными ранее ключевыми темами и понятиями, позволяет сделать вывод о тех значениях и ассоциациях, которые использовались участниками коммуникации снова и снова для осмысления и интерпретации освещаемых вопросов или событий. Для извлечения статистически значимых коллокатов и определения степени их устойчивости применяются такие статистические меры, как коэффициент взаимной информации (MI), функция логарифмического правдоподобия (*log-likelihood*), Т-критерий (*T-score*) и др. При сравнении частотности коллока-

тов в пределах указанного диапазона с размером корпуса, выбранный статистический критерий подтверждает существование связи между двумя словами в данном типе функционирования языка.

И наконец, ещё одна корпусная функция, отображающая конкордансы (контексты) языковых единиц, применяется для более детального изучения ближайшего окружения извлеченных ранее ключевых слов и их коллокатов, выявления повторяющихся случаев словоупотребления в широких контекстах и автоматического сбора выделенных фрагментов текста для последующего интерпретативного фреймового анализа. Иными словами, данная процедура, позволяющая исследователю целенаправленно перемещаться между автоматически отобранными языковыми данными и внимательно изучать извлеченные ранее статистически значимые ключевые слова и устойчивые коллокаты в контексте, даёт возможность наблюдать и оценивать объективированное в тексте содержание как части доминирующей дискурсивной практики. Фрагменты текста, используемые для идентификации фреймов, как правило, включают предложение, содержащее ключевое слово и устойчивый коллокат, а также предыдущее и последующее предложения.

Несмотря на эффективность количественных методов в вопросах повышения достоверности за счет снижения возможного субъективного влияния исследователя, необходимость применения фоновых культурных знаний для интеграции контекстуального значения в процесс выявления и анализа фреймов требует дальнейшей исследовательской проверки на интерпретируемость результатов [14; с. 343]. Интерпретативные возможности фреймового анализа, позволяющего сделать вывод о приоритетных и не приоритетных дискурсах и когнитивно-коммуникативных структурах, стоящих за использованием языка в тексте, основаны на кодировании извлеченных посредством корпусного инструментария фрагментов текста. Ввиду «абстрактной природы фреймов», состоящих не только из эксплицитных элементов текста, но и из имплицитного скрытого значения, процедура кодирования происходит в несколько этапов [15]. На первом этапе в каждом фрагменте текста выделяются приёмы фреймирования (framing devices) и приёмы аргументации (reasoning devices). Приёмы фреймирования - это элементы лексического уровня текста, выраженные эксплицитно и организующие риторическую структуру сообщения; приёмы аргументации отражают глубинные причинно-следственные связи высказываний, чаще выраженные имплицитно. Оба типа приёмов вплетены в ткань коммуникативного процесса на разных его уровнях, в т.ч. публичного дискурса, процессов производства и восприятия информации, и поэтому показывают не только то, о чём именно говорят, но и то, как об это говорят, как осмысливается и интерпретируется тема или событие, а также какое потенциальное воздействие эта тема или событие имеет на общественное сознание.

На втором этапе выделенные приёмы фреймирования и приёмы аргументации сопоставляются на предмет сходства или различия и объединяются в коды на более высоком уровне абстракции уже безотносительно к текстам. Сокращение количества кодов до уровня более крупных культурных концептов обусловлено возможностью применения фреймов с высокой степенью абстракции в других исследованиях, в связи с чем данный этап характеризуется более глубоким изучением литературы по исследуемой тематике. Общая идея, логично связывающая воедино выделенные приёмы фреймирования и приёмы аргументации на данном уровне абстракции, и представляет собой реконструированный фрейм, или фрейм-набор (frame package). Фрейм-набор состоит из основного фрейма - центральной, ключевой идеи, раскрывающей смысловое значение одного из аспектов исследуемой проблемы или события; общего определения аспекта проблемы или события; причинно-следственного механизма развития событий; описания морально-этической стороны вопроса; и, наконец, наглядных примеров лексического уровня текста, способных вызывать в общественном сознании определённую казуальную последовательность.

На третьем этапе создаётся матрица фреймов (frame matrix), которая впоследствии может меняться и дополняться в ходе анализа языковых фактов и верификации смысловых значений. По строкам матрицы выстраиваются фрейм-наборы, а в колонках - описание фрейма по выделенным исследователем приёмам фреймирования и приёмам аргументации, с помощью которых фрейм проявляется и представляет определённую проблему или событие. Так, матрица фреймов, наглядно демонстрирующая взаимопроникновение приёмов фреймирования и приёмов аргументации в рамках единой сюжетной линии, становится основной целью и конечным продуктом фреймового исследования.

В двух независимых исследованиях М. Тури и С. Роджерс [16] и М. Тури и Н. Котейко, посвященных репрезентации финансового кризиса Греции в британской прессе, авторы используют два разных методологических подхода к идентификации и анализу фреймов в текстах СМИ. М. Тури и её

коллеги сопоставляют результаты, полученные в ходе традиционного контент-анализа, с результатами, выявленными посредством корпусно-ориентированного дискурсивного подхода. Главный вывод британских исследователей заключается в том, что если классический контент-анализ позволяет установить частотность определенных интерпретаций, а именно причинно-следственных факторов финансового кризиса и распределения ответственности среди участников события, то фрейм-наборы, полученные с помощью корпусного инструментария, способны проявить значения на скрытых уровнях коммуникативного процесса и, таким образом, воссоздать более целостную картину, построенную через более широкий культурный и медийный контекст и обусловленную субъективностью публикаций отдельных журналистов. Применительно к этому авторы когнитивно-корпусного исследования обсуждают возможность наблюдения за стремлением средств массовой информации не столько описывать, сколько оценивать и интерпретировать общественно значимые события в той мере, в какой эти оценочные структуры резонируют с существующими в данном дискурсивном сообществе формами осмысления освещаемого события.

Следует также отметить, что результаты обоих исследований показывают определенную степень совпадения между эмпирически извлеченными фреймами в процессе корпусно-ориентированного анализа и заранее заданными фреймами, составляющими основу для кодирования фрагментов текста в рамках контент-анализа. Матрица фреймов, разработанная по итогам корпусного анализа, содержит те же категории, что были использованы в ходе контент-анализа для определения провокационной политики Евросоюза, повлекшей за собой финансовый кризис в Греции, и для обозначения Евросоюза и правительства Греции в качестве ответственных субъектов текущих событий. Аналогичным образом были охвачены в описаниях фрейм-наборов возможные последствия кризиса и некоторые предложения по его разрешению. Эти совпадения сообщают дополнительную уверенность в достоверности результатов М. Тури и Н. Котейко, поскольку они согласуются с соответствующей теоретической базой, которая легла в основу кодов М. Тури и С. Роджерс.

Однако потенциальный эффект фрейминга достигается за счёт кодирования скрытого содержания, формируемого культурным контекстом, в котором были созданы новостные сюжеты. Если говорить о греческом финансовом кризисе, то эта проблема касается той особой роли, которую Великобритания играет в отношениях с Европейским союзом, а также культурных ценностей и устойчивых убеждений британцев относительно европейской политики и исторических нарративов. Так, многообразные описания, отраженные в статистически значимых фрейм-наборах матрицы, соответствуют скептицизму, традиционно выражаемому политиками, СМИ и представителями общественности по отношению к Европейскому союзу; и также общей неприязни к европейскому проекту. Отчасти это связано с предполагаемыми угрозами, исходящими от других культур [17]. Например, данные опросов общественного мнения, проводимых в рамках проекта «Евробарометр», свидетельствуют о том, что в Великобритании поддерживается самый высокий уровень евроскептических настроений в Европе. Более того, в отличие от таких стран, как Италия или Греция, Великобритания никогда не демонстрировала идеологическую приверженность европейской интеграции. Скорей, это была вера в то, что объединение принесёт стране выгоду (фактически этим Великобритания и руководствовалась при вступлении в Евросоюз). В условиях ограниченной выгоды неудивительно, что европейский проект не получил должной поддержки. В других фрейм-наборах представления о Германии как экономически сильном государстве, но также «великом злодее с жёсткой рукой» перекликаются с историческими нарративами и воспоминаниями о Второй мировой войне. В более широком смысле Европейский союз стал своего рода полем сражения стран-участниц в контексте осмысления британскими СМИ кризиса в Греции. Подобная форма репрезентации актуальных событий соответствует профессиональной интенции журналистов, поскольку акцент на конфликте определяет и повышает значимость материала для СМИ.

Итак, корпусно-ориентированный дискурсивный подход к реконструкции фреймов в текстах СМИ рассматривается как совокупность методологических возможностей, состоящих из последовательных аналитических этапов, переходящих от количественных к качественным методам исследования. Каждый предыдущий этап последовательно дополняет последующий и приводит к появлению концептуальных категорий, или фреймов. Процессы кодирования фрагментов текста, разработки фрейм-наборов и формирования матрицы фреймов - это качественно-ориентированный интерпретативный анализ, требующий применения контекстуального подхода к тексту, оценивающий прагматический уровень словоупотребления. Извлекая контекстуальное значение, на данном этапе важно по-

нять, как раскрывается основная сюжетная линия текста и как осмысливается освещаемое событие или проблема. Поскольку интерпретативность реализуется посредством не только профессионального знания исследователя, но и интуитивного, уровень субъективности, присущий такому анализу, снижается за счёт стратегического отбора фрагментов текста на базе статистических мер корпусного функционала Word List, Keywords, Collocates и Concordances. Возможность автоматической идентификации фрагментов текста через анализ высокочастотных лексических единиц, ключевых слов, коллокатов и их контекстного употребления позволяет с большей точностью и глубиной выделить приёмы фреймирования и приёмы аргументации, лежащие в основе коммуникативного процесса, что может быть проблематично или даже невозможно при традиционном типе фреймового анализа.

Библиографический список

1. McNeill P. Research methods. Second Edition. London: Routledge, 1990. 225 с.
2. Плунгян В.А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/10/23/corpus/> (дата обращения: 01.09.2017).
3. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.
4. Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной. М.: Языки славянской культуры, 2015. 344 с.
5. Борискина О.О. Корпусное исследование языка: мода или необходимость? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 24–27.
6. McEnery T., Hardie A. Corpus Linguistics: Method, theory and practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 294 с.
7. Baker P. Using Corpora in Discourse analysis. London et al.: Continuum, 2006. 198 с.
8. Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 34–37.
9. Touri M., Koteyko N. Using corpus linguistic software in the extraction of news frames: towards a dynamic process of frame analysis in journalistic texts // International Journal of Social Research Methodology. 2014. № 18(6). С. 601–616.
10. Чилингарян К.П. Корпусная лингвистика: теория vs методология // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 196–218.
11. Донина О.В. Криптоклассные данные для определения меры межязыковой эквивалентности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 108–110.
12. Nisbet M.C., Brossard D., Kroepsch A. Framing Science: The Stem Cell Controversy in an Age of Press/Politics // Harvard International Journal of Press/Politics. 2003. № 8(2). С. 36–70.
13. Борискина О.О., Шилихина К.М. Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике // Политическая наука. 2017. № 2. С. 30–53.
14. Измаилян Д.Б. Методологические возможности когнитивно-корпусного подхода к реконструкции фреймов в масс-медиа дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 3 (46). С. 342–346.
15. Van Gorp B. Strategies to take subjectivity out of framing analysis // Doing news framing analysis: Empirical and theoretical perspectives / под ред. P. D'Angelo & J. Kuypers. NY: Routledge, 2010. С. 84–109.
16. Touri M., Rogers S.L. Europe's Communication Deficit and the UK Press: Framing the Greek Financial Crisis // Journal of Contemporary European Studies. 2013. № 21(2), С. 175–189.
17. McLaren, L. Public support for the European Union: Cost/benefit analysis or perceived cultural threat? // The Journal of Politics. 2002. № 64, С. 551–566.

References

1. McNeill P. Research methods. Second Edition. London: Routledge, 1990. 225 p.
2. Plungian V.A. Why modern linguistics must be corpus-based. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/10/23/corpus/>
3. Plungian V.A. Corpus as a tool and as ideology: on some topics of modern corpus linguistics // Russian language and linguistic theory. 2008. № 2 (16). P. 7–20.
4. Methods of cognitive analysis of word semantics: corpus-computer approach / Ed. by V. I. Zabolotkina. Moscow, 2015. 344 p.
5. Boriskina O.O. Corpus-based research of language: a fashionable trend or a must? // Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2015. № 3. P. 24-27.
6. McEnery T., Hardie A. Corpus Linguistics: Method, theory and practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 294 p.
7. Baker P. Using Corpora in Discourse analysis. London et al.: Continuum, 2006. 198 p.
8. Chernyavskaya V.E. Discourse analysis and corpus approaches: a missing evidence-based link? Towards qualitative and quantitative approaches in language studies // Issues of cognitive linguistics. 2018. № 2. P. 34–37.
9. Touri M., Koteyko N. Using corpus linguistic software in the extraction of news frames: towards a dynamic process of frame analysis in journalistic texts // International Journal of Social Research Methodology. 2014. № 18(6). P. 601-616.
10. Chilingaryan, K.P. Corpus Linguistics: Theory vs Methodology // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2021. 12(1). P. 196—218.
11. Donina O.V. Cryptotype data in measuring inter-language equivalence // Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2015. № 1. P. 108-110.
12. Nisbet M.C., Brossard D., Kroepsch A. Framing Science: The Stem Cell Controversy in an Age of Press/Politics // Harvard International Journal of Press/Politics. 2003. № 8(2). P. 36-70.
13. Boriskina O.O., Shilikhina K.M. Corpus methods in the political discussion in linguistics // Political science. 2017. № 2. P. 30–53.
14. Izmailyan D.B. Towards methodological application of a cognitive corpus approach to reconstructing frames in mass media discourse // Cognitive studies of language. 2021. Volume 3 (46). P. 342-346.
15. Van Gorp B. Strategies to take subjectivity out of framing analysis. In Doing news framing analysis: Empirical and theoretical perspectives / Ed. by P. D'Angelo & J. Kuypers. NY: Routledge, 2010. P. 84–109.
16. Touri M., Rogers S.L. Europe's Communication Deficit and the UK Press: Framing the Greek Financial Crisis // Journal of Contemporary European Studies. 2013. № 21(2), P. 175–189.
17. McLaren, L. Public support for the European Union: Cost/benefit analysis or perceived cultural threat? // The Journal of Politics. 2002. № 64, P. 551–566.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODS OF TEACHING LANGUAGES

УДК 81

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.89.85.004

*Воронежский государственный университет
доктор филологических наук,
доцент кафедры теоретической и прикладной
лингвистики*

Меркулова И.А.

Россия, г. Воронеж, тел. + 79204102569

e-mail: igel1@yandex.ru

Voronezh State University

Doctor of Philology

*Associate Professor of the Theoretical and Applied
Linguistics Department*

Merkulova I.A

Russia, Voronezh, tel. + 79204102569

e-mail: igel1@yandex.ru

И.А. Меркулова

ОБУЧАТЬ ИЛИ УЧИТЬ – ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС, ИЛИ О НЕОЛОГИЗМАХ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена рассмотрению номинаций, принятых в современной образовательной системе. В качестве источника материала выступает “Словарь корпоративных смыслов московской системы образования”, опубликованный в 2018 году. Рассмотрение педагогического дискурса с лингвистической точки зрения представляется важным и необходимым, так как в сферу образования вовлечены и специалисты (учителя, преподаватели), и неспециалисты (ученики, родители). Используется метод анализа словарных дефиниций и сочетаемости таких новых понятий, как *тьютор*, *ментор*, *диссеминация*, *циклограмма*, а также привычных слов в непривычном окружении (*услуга*, *ландшафт*), определяется семантическая разница между «учить» и «обучать». Выявляются основные тенденции, формирующие направления лексико-семантического развития номинаций в педагогической сфере: замена традиционных привычных и понятных наименований чужеродными заимствованиями; активное вовлечение слов, используемых в медицинской и экономической терминологии; повсеместное и неоправданное использование аббревиатур. Статья поднимает дискуссионные вопросы лингвоэкологии, связанные с целесообразностью бездумной замены традиционных обозначений новомодными кальками, широким распространением новой терминологии преимущественно иноязычного происхождения, необходимостью столь активного продвижения аббревиации в официально-деловой речи, обслуживающей педагогическую сферу.

Ключевые слова: неологизмы, педагогический дискурс, семантический анализ, дефиниция, лингвоэкология.

I.A. Merkulova

TEACH OR LESSON - THAT IS THE QUESTION, OR ABOUT NEOLOGISMS IN PEDAGOGICAL DISCOURSE

The article is devoted to the review of the nominations, which is adopted in the modern educational system. The source of the material is the “Dictionary of corporate meanings of the Moscow education system”, published in 2018. Consideration of the pedagogical discourse from a linguistic point of view is important and necessary because both specialists (teachers, lecturers) and non-specialists (students, parents) are involved in the field of education. The method of analysis of vocabulary definitions and compatibility of such new concepts as tutor, mentor, dissemination, cyclogram, as well as familiar words in an unfamiliar word combination (service, landscape) is used and the semantic difference between “teach” and “tutor” is determined. The main tendencies that form the directions of the lexico-semantic development of nominations in the pedagogical sphere are revealed: replacement of traditional familiar and understandable names with foreign borrowings; active involvement of words used in medical and economic terminology; widespread and unjustified use of abbreviations. The article discusses the questions of linguoecology related to the advisability of thoughtless-

ly replacing traditional names with newfangled tracing papers, the widespread use of new terminology of predominantly foreign language origin, the need for such active promotion of abbreviations in official business speech serving the pedagogical sphere.

Key words: neologisms, pedagogical discourse, semantic analysis, definition, linguoecology.

Одно из определений педагогического дискурса гласит, что «педагогический дискурс - это тип институционального дискурса, организуемого в рамках учебного заведения, то есть в условиях институционального общения учителя и учеников, преподавателя и студентов; он закрепляется в социальных правилах, ритуалах, формулах и нормах, имеющих речевое выражение» [1, с. 10].

Рассмотрение педагогического дискурса с лингвистической точки зрения представляется важным и необходимым, так как в сферу образования вовлечены и специалисты (учителя, преподаватели), и неспециалисты (ученики, родители). Именно «речевое выражение», а точнее номинация предметов, явлений, действий претерпевает в последнее время регулярные изменения, при которых привычные слова и выражения заменяются на непривычные, зачастую непонятные.

Помощь в толковании новых понятий может оказать опубликованный в 2018 году «Словарь корпоративных смыслов московской системы образования» [2].

Как отмечено в предисловии, «словарь преследует цель упорядочения и прояснения существенно обновившейся за последние годы и продолжающей динамично развиваться терминологической системы московского образования». [2, с. 1]. В словаре собрано и описано более 120 единиц – слов и словосочетаний, которые могут считаться ключевыми для современной московской системы образования. Удивительно только, что московская система образования – это нечто самостоятельное и особенное. И почему тогда нет воронежской, казанской, самарской систем образования? Все-таки сочетание «система образования» регулярно и стандартно употребляется по отношению к государству, стране.

Основным методом исследования является анализ дефиниций неологизмов педагогического дискурса и их сочетаемости, представленных в этом и других лексикографических источниках.

Цель исследования заключается в выявлении тенденций, формирующих направления лексико-семантического развития номинаций в педагогической сфере.

Обратимся к основным терминам педагогического дискурса. Участники педагогического дискурса – учитель и ученик. *Учитель, преподаватель, педагог* - лицо, профессионально занимающееся обучением кого-л. При этом семантику этих слов, учитывая частотные употребления, можно уточнить по следующим признакам. Так, слово *учитель* употребляется преимущественно к тем, кто работает с детьми в школе. Слово *преподаватель* употребляется преимущественно по отношению к лицам, работающим в высшем или профессиональном учебном заведении; *педагог* – лицо, профессионально занимающееся не только преподавательской, но и воспитательной работой. В русском языке есть также слово *воспитатель* для того, кто работает с детьми в дошкольном учреждении и формирует растущего человека. Профессиональные же навыки может формировать *наставник*. Отдельно обозначена профессия спортивного педагога (*тренер*) и человека, который учит конкретным навыкам (*инструктор*). Для подготовки к экзаменам в частном порядке обращаются к помощи *репетитора*. У дворян в дореволюционной России к воспитанию и домашнему обучению детей часто привлекались *гувернеры* и *гувернантки*, обычно иностранцы. Есть еще термин для обозначения человека, являющегося высшим авторитетом для ученика в особых областях знания – *гуру*. В английском языке есть *mentor* – *a wise and trusted counselor* (WEUD) – наставник, использовавшееся в русском языке с отрицательной коннотацией. Ее мы находим, например, в «Большом толковом словаре»: МЕНТОР, -а; м. (обычно ирон.) О ком-л., постоянно поучающем, настаивающем, навязчиво воспитывающем ● По имени воспитателя сына Одиссея из поэмы Гомера "Одиссея". Менторов никто не любит. Говорить тоном ментора. <Менторский, -ая, -ое. М. тон беседы. М-ое воспитание. М-ая роль. Менторски, нареч. Поучать м. Разъяснять м. что-л.

[<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BE%D1%80&all=x>]. Но в «Словарь корпоративных смыслов московской системы образования» оно включено уже без всякой стилистической окраски: МЕНТОР – директор московской школы, который имеет опыт эффективного управления образовательной организацией, и в этом качестве выполняющий роль наставника для другого директора в подготовке и реализации управленческих проектов и развитии его профессиональных управленческих компетенций. См. тжж. менторство, Ассоциация менторов. Менторы – это признанные в педагогическом сообществе лидеры образования, которые готовы поде-

литься своим опытом и заинтересованы в повышении качества управленческой деятельности своих коллег. [2, с. 27].

К новым заимствованиям в обозначении учителя следует отнести сегодня слово *тьютор*. Согласно упомянутому словарю, ТЮТОР – 1) педагог-консультант, который предоставляет помощь учащимся в профессиональном самоопределении, выстраивании индивидуальной образовательной траектории и организации их внеурочной активности. См. тж. тьюторство. *Для проведения классных часов по формированию у учащихся культуры выбора и техникам самоопределения мы пригласили профессиональных тьюторов.* 2) в рамках инклюзивного образования – педагог, сопровождающий ребёнка с ограниченными возможностями здоровья во время учебного процесса и предоставляющий ему разнообразную помощь в организации обучения и социального взаимодействия. См. тж. Тьюторство. *Обычно на начальном этапе адаптации более 50 % учебного времени ребёнок с аутизмом проводит в общеобразовательном классе, получая необходимую поддержку тьютора в выполнении учебных заданий и выстраивании общения с одноклассниками.* 3) преподаватель-консультант, который обеспечивает методическую поддержку учебных курсов в цифровой образовательной среде: (проводит индивидуальные и групповые консультации, проверяет и комментирует письменные домашние работы, проводит онлайн-семинары и др.). См. тж. Тьюторство. *Портал «Образование на русском», созданный Институтом Пушкина, позволяет изучать русский язык как самостоятельно, без тьютора, так и с профессиональной поддержкой тьютора.* [2, с. 48]. Ольховская А.И. полагает, что «слово тьютор функционирует в российской образовательной среде в двух основных режимах: 1) режиме языкового престижа и семантически неопределенного употребления и 2) режиме наименования новой педагогической деятельности по поддержке дистанционного интернет-обучения» [3, с. 427]. На наш взгляд, первый режим является определяющим.

Наименования учеников в русском языке также вариативны, хотя и уступают количественно наименованиям учителей. В качестве дифференциальных семантических признаков может выступать ступень обучения (*школьник, пятиклассник, студент, второкурсник, аспирант, магистр*), вид учебного учреждения (*курсант, семинарист, гимназист*), отношение к периоду обучения (*выпускник*). Хотя в последнее время все типы учеников объединены одним словом – *обучающийся*.

ОБУЧАЮЩИЙСЯ – физическое лицо, осваивающее образовательную программу. (Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации").

В «Литературной газете» в свое время были напечатаны такие стихи.

Я теперь не ученик –
Вот несчастье.
Посмотрите на дневник:
Я – причастие.

Да и в школу я теперь
Уж не вхож –
Там живет какой-то зверь
МБОУ СОШ.

[А. Калинина. Лит. газ., 2013, № 42, с.16].

Так есть ли разница в действиях *учить (учится)* и *обучать (обучаться)*?

Неоднократно отмечалось, что приставочные глаголы в русском языке играют особую роль в создании многочисленных нюансов и дополнительных смыслов.

Обратим внимание на приставку *об-*, которая различает эти слова. Ее семантика описывалась в работе А.Д. Кошелева [4]. Автор считает, что почти все частные значения приставки *о-/об(о)* сводятся к трем общим значениям: «внешнее действие» (идти-обойти), «тотальное действие» (стучать-обстучать), «новое качество» (деревенеть-одеревенеть). Описывая ряд неагрессивных глаголов, в числе которых и *обучить*, автор отмечает, что такие разные глаголы как *обругать, обслужить, обласкать, обхаживать, ознакомить* и др. имеют общее свойство: 'X осуществил мотивирующее действие в отношении Y-а, находясь в позиции "не близкий", "внешний" к Y-у'. Ясно, что во всех этих случаях воздействие X- на Y-а не очень велико» [4, с. 80].

В продолжение темы, Н.Р. Добрушина предлагает еще более абстрактное описание этой приставки (формальную схему), подчеркивающую, что приставка *об-* выражает периферийное воздействие. Например, в паре *мыть-омывать* (*Остров омывают воды Средиземного моря*), глагольное дей-

ствие направлено на внешнюю часть (периферийную область) острова. Сказать *Море моет остров* невозможно [5]. Проводя аналогию, можно предположить, что в паре *учить-обучать* с той же постановкой складывается похожая ситуация. *Обучать* – действие охватывает объект, но по периферии, поверхностно. Можно *учиться математике* и *обучаться математике*, но степень проникновения в предмет будет различной.

“Учиться” в словаре В.И. Даля – это еще и “*упражняться по своей воле*”. Вот почему носитель языка выбирает вариант *Я научился*, но не *Я обучился*, по крайней мере, в значении ‘обучил сам себя’.

“Учить” (учиться) больше относится к знаниям, затрагивает мыслительные процессы, “обучать” (обучаться) – к навыкам и их практическому применению. *Каждый день с рассвета и до темна Комариков обучал свою роту бросать гранаты, ходить в атаку, незаметно подползать к условному противнику, стрелять из винтовок и пулеметов, уничтожать танки* (Ильенков В.П. Большая дорога <https://www.litmir.me/br/?b=243074&p=57>).

Сам же процесс обучения сегодня также называется оказанием образовательных услуг.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ – деятельность, осуществляемая образовательными организациями как на возмездных, так и на безвозмездных основаниях, результатом которой является интеллектуальное, нравственно-психологическое и физическое развитие учащихся. *С целью удовлетворения разнообразных образовательных потребностей общества расширяется сеть дополнительных платных образовательных услуг.* [2, с. 31-32].

Согласно Большому толковому словарю, “УСЛУГА, -и; ж. 1. Действие, приносящее помощь, пользу другому. *Дружеская у. Оказать услугу соседу. Просить об услуге. Помнить о сделанной услуге.* 2. только мн.: услуги, услуг. Работа, выполняемая для удовлетворения чьих-л. нужд, потребностей, при обслуживании кого-л. *Предлагать свои услуги. Отказываться от чьих-л. услуг. Быть при ком-л. для услуг. Не ценить чьи-л. услуги.* // Система хозяйственных или других удобств, предоставляемых кому-л. *Коммунальные услуги (отопление, освещение и т.п.). Услуги связи. Бытовые услуги. Услуги по доставке билетов на дом. Банк представляет различные услуги вкладчикам.* 3. собир. Устар. Прислуживающие люди, прислуга. *Находиться в услуге у кого-л. Кого-л. окружала подобострастная у.* ♦ Медвежья услуга (см. Медвежий). *Готовый к услугам* (см. Готовый). К вашим (твоим) услугам. Выражение вежливости, говорящее о чьей-л. готовности быть полезным кому-л.” [6, с. 1399].

Частотные словосочетания: коммунальные услуги, услуги автосервиса, услуги косметолога, – все они предполагают активность только со стороны субъекта, того, кто будет эту услугу оказывать. Для объекта же важна лишь его платежеспособность. Образование же обоюдный процесс, затрагивающий и субъекта и объекта и подразумевающий активность “потребителя услуги”, вовлеченность его в сам процесс.

К сфере услуг, кстати, стали относить и культуру, и искусство. Трудно не согласиться со словами известного актера и художественного руководителя Государственного театра наций Евгения Миронова: “Сейчас еще идут обсуждения, чтобы вынести все на суд президента. Но самое главное, это чтобы культуру вывели из категории сферы услуг. Это означает, что мы не прачечная и не булочная, мы создаем некий продукт, отношение к которому должно быть иное, это не материальные ценности, но это тот культурный фонд, который остается потом надолго, если это настоящее произведение искусства” [<https://news.myseldon.com/ru/news/index/190244275>].

Ступени (степени) образования в высшей школе также получили новые обозначения: бакалавриат, специалитет, магистратура.

“Хочу обратить ваше внимание на мертворожденное слово «специалитет», – пишет профессор А.А. Кретов, – Чем оно лучше специальности, специализации и зачем оно вообще нужно? Но даже оно выдаёт с головой своих создателей: если нас лишили «специалитета», то что дали взамен? Не-«специалитет», а это и есть признание того, что людей лишили возможности получать специальность и становиться специалистами, а вместо этого предложили становиться недоучками с «красивым» иностранным названием бакалавр, имеющее также значение „холостяк“ и „бобыль“, т.е. честно обозначающее человека не ставшего (ещё или уже) полноценным мужчиной и полноценным членом общества. Вот и вынуждены студенты, чтобы стать полноценными специалистами, поступать в магистратуру” [7, с. 18]. Кстати, не везде значения слов «бакалавр» и «магистр» понимают одинаково. Например, во Франции и Испании степень бакалавра присваивают выпускнику полной средней школы.

В отдельных странах магистр сродни российскому профессору. Удивительно, с какой легкостью мы скопировали не только номинации, но и артефакты. Например, вручение магистерских дипломов сопровождается облачением в мантии и квадратные шапочки.

Еще одна тенденция – замена привычных традиционных наименований на новые, более модные. Так, *направления развития* стали *векторами развития*, *типы деятельности* – *типами активностей*, *междисциплинарные связи* – *конвергентным образованием*, *план мероприятий* – *дорожной картой*. Деятельность педагогов-новаторов теперь именуется принятым в йоге словом практики. *Через платформу «Московская электронная школа» и учителя, и ученики, и их родители получают доступ к лучшим практикам, лучшим сценариям уроков, созданным ведущими педагогами столицы* [2, с. 24]. Таким образом происходит диссеминация педагогического опыта.

Чем можно объяснить введение медицинской терминологии в сферу образования? ДИССЕМИНАЦИЯ (от лат. Disseminare – рассеивать), обсеменение, термин, употребляемый для обозначения тех случаев, когда из какого-либо местного инфекционного очага происходит распространение возбудителей процесса как в пределах того или иного органа (напр. Бронхогенная Д. тbc легких), так и по всему организму, по его кровеносной и лимф. системам [https://big_medicine.academic.ru]. Сразу вспоминается чеховское: “Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном”.

И это не единичный пример взаимодействия педагогического и медицинского дискурсов. Есть и другие.

САМООБСЛЕДОВАНИЕ – проводимый образовательной организацией анализ основных показателей её деятельности, который позволяет оценить качество и эффективность работы образовательной организации и определить направления, по которым возможно её улучшение. *Самообследование ведёт к выявлению благополучных и проблемных областей в жизни школы, что позволяет определить направления работы по повышению эффективности образовательного процесса* [2, с. 43].

ЦИКЛОГРАММА – подробная программа циклически повторяющейся в течение определённого срока деятельности с указанием времени осуществления каждого из её отдельных элементов, составных частей — как способ рациональной организации такой деятельности и управления ею. *Современный директор школы планирует свою деятельность в форме недельной или месячной циклограммы, распределяя мероприятия по основным направлениям своей деятельности* [2, с. 54].

Есть еще метапредметная диагностика, профильные пробы, ранняя профилизация.

Значительно расширило свою сочетаемость прилагательное “образовательный”. Это стандарт, организация, технология, возможности, среда, политика, пространство, кластер, ландшафт и даже логистика.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ – общая картина образовательной инфраструктуры определённой территории, состоящая из совокупности образовательных организаций разных типов, видов и профилей, комплекса предоставляемых ими образовательных услуг, различных групп заказчиков и потребителей этих услуг, а также системы управления образованием и финансирования образовательных программ. *Развитие инновационной и цифровой экономики в начале XXI века серьёзно изменило сложившийся образовательный ландшафт не только в России, но и во всём мире. Наиболее заметное изменение в образовательном ландшафте России последних лет – укрупнение ОО: возникновение многопрофильных образовательных комплексов и федеральных университетов* [2, с. 32]. Складывается впечатление, что образовательным может быть все, что угодно.

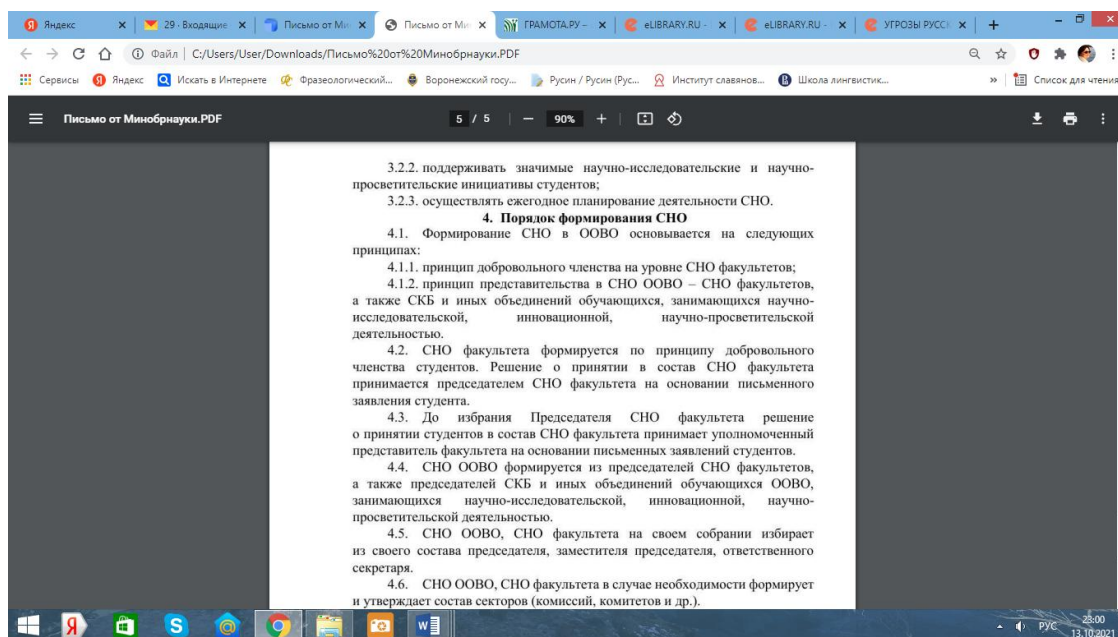
И наконец, пример новой единицы измерения.

ЧЕЛОВЕКО-КРУЖОК – факт обучения одного школьника по программе дополнительного образования. *Создание информационной системы «Единый сервис записи» позволило городу измерять численность обучающихся по программам дополнительного образования не только подсчетом суммы количества обучающихся по каждой программе дополнительного образования, но и определять количество детей, охваченных программами дополнительного образования, в общей численности детей школьного возраста. В итоге, определены ключевые показатели, измеряющие численность обучающихся по программам дополнительного образования: «человеко-кружок» и уникальный обучающийся.*

Чрезмерное использование аббревиатур – еще одна современная тенденция педагогического дискурса. ФГОС ВПО – федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования, КИМ – контрольно-измерительный материал (по-старому, экзаменацион-

ный билет); ОО – образовательная организация; СОШ (МОУ СОШ) – средняя общеобразовательная школа, а также МУДОСН СДЮШОР, ГАОУМОДОД, МОЦДОД, МБОУЛ "ВУВК им.А.П.Киселева"

Приведем скриншот свежего документа Министерства образования и науки (рисунок). Трудно не отметить неудобства при чтении этого документа, не говоря уже о затрудненном понимании смысла.

Скриншот письма Минобрнауки

Таким образом, с легкой руки двух министерств – науки и высшего образования и просвещения, а также педагогических чиновников – происходят следующие изменения в области номинации понятий, связанных с системой образования:

- замена традиционных привычных и понятных в силу прозрачности внутренней структуры наименований чужеродными заимствованиями, делающими мысль нечеткой и непонятной;
- активное вовлечение медицинской и экономической терминологии;
- повсеместное и неоправданное использование аббревиатур.

Не хочется думать, что это происходит сознательно, и те, кто осуществляет и поощряет эти нововведения действуют так специально. Однако вопрос целесообразности и обоснованности принимаемых решений остается открытым. Бесконечная смена стандартов и программ мешает преподавателям и учителям *учить*, а студентам и школьникам *учиться*.

Библиографический список

1. Яхиббаева Л.М. Вторичность как онтологическая характеристика учебного текста и дискурса. Автореф. дисс...канд. филол. наук. Уфа, 2009. 26 с.
2. Словарь корпоративных смыслов московской системы образования / Г. Ф. Богачёва, А. И. Ольховская, М. К. Парамонова. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2018. – 68 с.
3. Ольховская А.И. Тьютор и тьюторство: о восприятии феномена в российской образовательной среде // Социальные коммуникации и эволюция обществ. Мат-лы V Международной научно-практической конференции. Под редакцией И.А. Вальдмана; Новосибирский государственный технический университет, 2016. С. 418-427.
4. Кошелев А.Д. Концептуальные значения приставок о-/об // Вопросы языкознания. – 2004. № 4. С. 68-101.
5. Добрушина Е. Р. Метафорическая приставка или периферийное воздействие (К вопросу о семантике приставки о- / об(о)-) // Вопросы русского языкознания Вып. XIII Фонетика и грамматика:

настоящее, прошедшее, будущее: к 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. Изд-во МГУ, 2009. С. 264-270.

6. Большой толковый словарь русского языка/ Гл.ред. С.А. Кузнецов. СПб.: "Норинт", 2004. 1536 с.

7. Кретов А.А. Угрозы русскому языку и противодействие негативным процессам //Экология языка и речи. Мат-лы VIII Международной науч. конференции. Отв. за выпуск Т.В. Махрачёва. Издательский дом "Державинский", 2019. С. 6-22

References

1. Yahibbaeva L.M. Secondary as an ontological characteristic of the educational text and discourse. Abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. Ufa, 2009. 26 p.

2. Dictionary of corporate meanings of the Moscow education system / G. F. Bogacheva, A. I. Olkhovskaya, M. K. Paramonov. - Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language, 2018. 68 p.

3. Olkhovskaya A.I. Tutor and tutoring: on the perception of the phenomenon in the Russian educational environment // Social communications and the evolution of societies. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Edited by I.A. Waldman; Novosibirsk State Technical University, 2016. Pp. 418-427.

4. Koshelev A.D. Conceptual meanings of prefixes o-/about // Questions of linguistics. 2004. No. 4. Pp. 68-101.

5. Dobrushina E. R. Metaphorical prefix or peripheral influence (On the question of the semantics of the prefix o- / about (o)-) // Questions of Russian linguistics Vol. XIII Phonetics and grammar: present, past, future: to the 50th anniversary of scientific activity of S. K. Pozharitskaya. - Publishing House of Moscow State University, 2009. Pp. 264-270.

6. The Great explanatory dictionary of the Russian language / Editor-in-chief S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: "Norint", 2004. 1536 p.

7. Kretov A.A. Threats to the Russian language and counteraction to negative processes //Ecology of language and speech. Materials of the VIII International Scientific Conference. Rel. for the release of T.V. Makhrachev. Publishing House "Derzhavinsky", 2019. Pp. 6-22.

УДК 372.881.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.11.60.005

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой
русского языка для иностранных учащихся
гуманитарных факультетов
Клобукова Л.П.,
Россия, г. Москва
e-mail: klobukov@list.ru;*

*Lomonosov Moscow State University
PhD, professor, Corresponding Member of the
Russian Academy of Education,
head of the department of the Russian language
for foreign learners of humanitarian faculties
Klobukova Lubov
Russia, Moscow
e-mail: klobukov@list.ru;*

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук, доцент
Ермакова О.Б.
Россия, г. Москва
e-mail: yermakovao@hotmail.com;*

*Lomonosov Moscow State University
PhD, associate professor
Ermakova Olga
Russia, Moscow
e-mail: yermakovao@hotmail.com;*

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук, доцент
Чернышенко Е.А.
Россия, г. Москва
e-mail: lena.podshivalova@gmail.com*

*Lomonosov Moscow State University
PhD, associate professor
Chernyshenko Elena
Russia, Moscow
e-mail: lena.podshivalova@gmail.com*

Л.П. Клобукова, О.Б. Ермакова, Е.А. Чернышенко

НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ РКИ

Настоящая статья посвящена актуальным проблемам профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных учащихся экономического профиля. В статье обобщается опыт авторов по организации профессионально ориентированного обучения в условиях очно-дистанционного и дистанционного преподавания. Подробно рассматриваются содержание социокультурного компонента коммуникативной компетенции иностранных экономистов, а также способы формирования профессионально ориентированной языковой среды средствами информационно-коммуникационных технологий. Исследователи приходят к выводу, что использование тщательно отобранных аутентичных материалов, обеспечивающих полноценное погружение учащихся в языковую среду, способствует высокой эффективности языкового обучения и помогает инофонам преодолеть трудности межкультурной коммуникации. Полученные результаты будут полезны методистам и преподавателям при подготовке профессионально ориентированных курсов РКИ, в первую очередь адресованных иностранным учащимся экономического профиля.

Ключевые слова: РКИ, профессионально ориентированное обучение, электронные средства обучения, языковая среда, аутентичные учебные материалы, коммуникативная компетенция, социокультурная компетенция, экономический профиль обучения.

L.P. Klobukova, O.B. Ermakova, E.A. Chernyshenko

NEW EDUCATIONAL TECHNOLOGIES AS THE MEANS OF FORMING A SOCIOCULTURAL COMPONENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE WITHIN TEACHING RUSSIAN FOR SPECIAL PURPOSES

This research is dedicated to the up-to-date issues of teaching Russian for special purposes (RSP) for students of Economic faculties. The paper summarizes the author's experience in teaching RSP within blended and distance learning. The authors give a precise analysis of what sociocultural component of communicative competence regarding foreign economists consists of and show how professionally orientated language learning environment can be created by means of ICT. They arrive at a conclusion that using of thoroughly selected authentic materials that enable foreign students to penetrate into language environment makes teaching more effective and helps foreign students to overcome difficulties of cross-cultural communication. The results of the research will be useful to specialists interested in producing RFS courses, mostly tailored for foreign students of Economic faculties.

Key words: RFL, Russian for special purposes (RSP), ICT, blended and distance learning, language environment, authentic learning materials, communicative competence, sociocultural competence, students of Economic faculties.

Формирование и развитие у иностранных учащихся навыков и умений успешной межкультурной коммуникации, эффективного межкультурного общения – это те конечные цели обучения, которые ставит перед собой любой преподаватель РКИ. И это не случайно. В лингвострановедении, вслед за Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, межкультурная коммуникация традиционно понимается как «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [1, с. 4]. Конкретизируя и развивая данный тезис, Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин подчеркивают, что «владение межкультурным общением и участие в нем предполагает владение страноведческими и социокультурными знаниями о стране и культуре носителей изучаемого языка, владение наиболее употребительной фоновой лексикой и нормами поведения представителей иноязычной культуры» [2, с. 160]. Именно поэтому, формируя коммуникативную компетенцию инофонов, преподаватели РКИ традиционно значительное внимание уделяют ее социокультурному компоненту.

В этой связи необходимо особо подчеркнуть, что задача формирования социокультурной компетенции возникает не только в процессе обучения русскому языку общего владения, но и в ходе профессионально ориентированного обучения РКИ. Заметим, что данное направление в теории и методике преподавания РКИ в настоящее время только начинает формироваться. Это связано с тем, что при обучении русскому языку общего владения содержание социокультурной компетенции в значительной степени носит универсальный характер: на сегодняшний день оно научно описано и представлено в рамках Требований к различным уровням общего владения РКИ [см., напр., 3, 4]. Что же касается профессионально ориентированного обучения РКИ, то проведенное нами исследование показывает, что в этом случае содержание социокультурного компонента коммуникативной компетенции всецело определяется профилем обучения инофона и получаемой им специальностью.

Таким образом, цель настоящей статьи – показать, как в рамках дистанционного обучения русскому языку иностранных учащихся-экономистов может быть организовано формирование их профильной социокультурной компетенции и преодоление возможных трудностей межкультурной коммуникации в их будущем профессиональном общении средствами новых образовательных технологий. Рассмотрим данную проблему сквозь призму компонентов содержания социокультурной компетенции, традиционно выделяемых специалистами в области теории и методики преподавания РКИ [2, с. 322].

Важнейшим компонентом социокультурной компетенции инофона являются, как известно, «социокультурные знания – сведения о стране изучаемого языка, духовных ценностях и культурных традициях, особенностях национального менталитета» [2, с. 322]. С точки зрения экономического профиля обучения сюда, конечно, следует отнести сведения исторического и географического характера, которые во многом определяют специфику экономической деятельности в Российской Федерации. Актуальной социокультурной информацией для данного контингента учащихся является также знакомство с видными российскими экономистами, государственными деятелями, экспертами, с со-

держанием их идей экономического характера и отношением к ним носителей русского языка и русской культуры.

Во-вторых, в содержание социокультурной компетенции включается личностное отношение инофона к фактам иноязычной культуры. Очевидно, что этот компонент содержания социокультурной компетенции напрямую связан с предыдущим, поскольку для выбора успешной стратегии межкультурной коммуникации иностранный учащийся-экономист должен быть хорошо знаком с обсуждаемыми реалиями российской экономической действительности, он должен уметь предвидеть возможность их разных (порой полярных) трактовок, уметь тактично выражать свою позицию, избегая острых споров.

Эти коммуникативные задачи приводят к третьему, традиционно выделяемому, компоненту содержания социокультурной компетенции – опыту общения. В нашем случае данный компонент предполагает способность инофона выбрать оптимальный стиль профессионального общения и верную трактовку явлений российской экономической культуры.

Конечно, в ходе профессионально ориентированного обучения РКИ нельзя забывать и о таком важном компоненте социокультурной компетенции инофона, как владение различными способами применения языка, что предусматривает, в частности, корректное употребление социально маркированных языковых единиц в различных ситуациях профессионального общения.

В рамках дистанционного профессионально ориентированного обучения РКИ успешное формирование социокультурного компонента коммуникативной компетенции учащихся абсолютно реально благодаря грамотному моделированию с помощью электронных средств обучения аутентичной языковой среды и методически организованному погружению в нее инофонов.

Кратко остановимся на понятии языковой среды.

Необходимо подчеркнуть, что А.А. Леонтьев поставил вопрос о сущности языковой среды и ее роли в интенсификации учебного процесса по овладению русским языком как иностранным еще в 1983 г., т.е. задолго до появления электронных средств обучения. А.А. Леонтьев определял языковую среду как «языковое (речевое) и социально-культурное окружение учащихся в стране изучаемого языка» [5, с. 60]. Но, когда мы говорим о профессионально ориентированном обучении РКИ, в понятие языковой среды необходимо включить и то профессиональное окружение, в котором окажется будущий иностранный специалист в России как в стране осуществления своей профессиональной деятельности. Именно эти реалии языковой среды и будут формировать профессионально обусловленный социокультурный компонент коммуникативной компетенции, о котором говорилось выше.

Однако следует признать, что в XXI веке методисты включают в понятие языковой среды не только реальное языковое и социально-культурное окружение инофона, но и виртуальное пространство. Сегодня методисты говорят о «новой, альтернативной среде существования современного человека». Очевидно, что речь идет об информационно-коммуникационной среде, которая «трансформирует наши привычные представления о коммуникации и социальных отношениях» [6, с. 99]. Таким образом расширяются возможности и каналы межкультурной коммуникации, в том числе и профессионально ориентированной.

Наш опыт использования дистанционных образовательных технологий показал, что естественную языковую среду может с успехом дополнить и даже заменить смоделированная с помощью электронных средств обучения языковая среда. Лингвометодические основы разработки подобных дистанционных и очно-дистанционных курсов профессионально ориентированного обучения РКИ описаны, в частности, в [7, 8, 9, 10]. Здесь же отметим только, что электронная обучающая среда в подобных курсах используется не только для формирования и совершенствования лексико-грамматических и рецептивных речевых навыков, но и для развития и совершенствования у инофонов профессионально ориентированных коммуникативных умений творческого характера, что существенно оптимизирует процесс обучения, повышая его эффективность. В случае очно-дистанционного курса развитие творческих коммуникативных умений осуществляется на этапе очного профессионального общения учащихся с преподавателем.

Важным дидактическим свойством электронной языковой среды должна, конечно, являться аутентичность. При этом, говоря об аутентичности, мы имеем в виду не только работу инофонов с аутентичным текстовым материалом, что, безусловно, важно для формирования корпуса профессионально ориентированных социокультурных знаний (о чем было сказано выше). Если мы хотим подготовить наших учащихся к успешному межкультурному общению, перед нами стоит задача опреде-

ленной адаптации и включения в учебный процесс самой естественной языковой среды, отражающей, в частности, разные коммуникативные роли, актуальные для инофона, различную иерархию коммуникантов в ходе реального профессионального общения и под.

Основной задачей профессионально ориентированного обучения РКИ будущих экономистов является овладение учащимися навыками и умениями межкультурной коммуникации в 1) учебной, 2) научной и 3) собственно профессиональной сферах общения. При этом в учебную и научную сферы общения студенты вовлечены естественным образом, а значит, органичному овладению нормами межкультурной коммуникации способствует окружающая их языковая среда. Что же касается третьей – профессиональной – сферы общения, то она существует для инофонов только в учебных заданиях: актуальные для данной сферы коммуникативные умения не используются учащимися в их реальной речевой деятельности. Именно поэтому для инофонов, осваивающих профессионально ориентированный курс РКИ, так важно смоделировать с помощью информационных технологий аутентичную языковую среду собственно профессионального характера и создать условия для активного речевого взаимодействия с ней.

Другими словами, речь идет о создании для учащегося условий освоения актуального для него фрагмента аутентичной языковой среды в целях успешного взаимодействия с ним в ситуациях реальной межкультурной коммуникации. Заметим, что применительно к этой задаче роль новых образовательных технологий трудно переоценить. Именно новые электронные средства обучения позволяют моделировать актуальный для заданного контингента учащихся фрагмент языковой действительности.

Однако, чтобы эта модель соответствовала реальным коммуникативным потребностям инофонов и действительно повышала эффективность обучения, методист-разработчик должен решить следующие задачи: во-первых, отобрать, во-вторых, определенным образом сгруппировать актуальные для конкретных учащихся элементы языковой среды, соответствующие коммуникативным потребностям и языковым возможностям инофонов. И, конечно, третья – важнейшая – задача заключается в том, чтобы методически организовать на этой базе интенсивную профессионально ориентированную коммуникацию иностранных учащихся.

Продemonстрируем, как реализация принципа аутентичности языковой среды средствами новых образовательных технологий в ходе дистанционного профессионально ориентированного обучения РКИ учащихся экономического профиля способствует преодолению трудностей межкультурной коммуникации.

Безусловно, задача преподавателя заключается в том, чтобы дидактически организовать виртуальную обучающую среду, поэтому учебные материалы располагаются таким образом, чтобы формирование языковых навыков и развитие речевых умений осуществлялись наиболее эффективным образом. Аутентичные учебные материалы (как письменные, так и устные) сопровождаются предтекстовыми, притекстовыми и послетекстовыми упражнениями и заданиями, направленными на снятие возможных лексических и грамматических трудностей. В соответствии с важной задачей формирования у иностранных учащихся предметного компонента их коммуникативной компетенции, все ресурсы группируются вокруг определенной темы, освоение которой начинается со знакомства и отработки в упражнениях правил употребления базовой и специфической для данной темы лексики. Например, для темы «Особые экономические зоны» важной составляющей активного словаря инофонов являются такие термины, аббревиатуры и сложные слова, как *резидент*, *СЭЗ* (специальные экономические зоны), *ОЭЗ* (особые экономические зоны), *научно-производственный*, *туристическо-рекреационный*, *госфинансирование*, *инвестпрограмма*, *соцразвитие* и др. При этом в ходе учебного процесса лексика рассматривается, конечно, не изолированно, а в рамках актуального грамматического материала. Так, например, для темы «Особые экономические зоны» актуальным оказывается такой грамматический материал, как «выражение цели» и «употребление пассивных и активных конструкций».

На этапе предтекстовой работы получают освещение стилистически маркированные языковые элементы, которые являются частотными для той или иной темы. Инофоны знакомятся с этими единицами, осмысливают сферу их употребления, получают рекомендации по включению их в свой рецептивный или продуктивный словарь. Например, известно, что страдательный (пассивный) залог малоупотребителен в русском языке; пассивные конструкции воспринимаются носителями языка как маркированно книжные. Однако в текстах, типичных для таких экономических тем, как «Структура

фирмы» или «Договорная деятельность фирмы», пассивные конструкции являются нормой. Особую группу профессионально маркированной экономической лексики составляют также слова, образованные путем сложения с сокращением первого элемента, типа *капфонд*, *инвестпрограмма*, *госфинансирование*, *финмониторинг*, *госзакупки*. Несмотря на частотность этих и подобных им единиц в языке экономики, в словари они, как правило, не входят. Стоит также отметить, что указанные единицы принадлежат неформальной стороне профессионально ориентированного общения. Они могут встречаться в устной речи и даже в текстах СМИ, но они не используются в официальных документах. Очевидно, что знание подобной профессионально маркированной лексики, а также принципов ее образования и функционирования, будет способствовать успешной профессиональной межкультурной коммуникации иностранных учащихся экономического профиля.

Далее на материале аутентичных текстов письменного и устного характера, отобранных с учетом коммуникативных потребностей учащихся в рамках предметного минимума по изучаемой дисциплине, инофоны органично погружаются в профессионально ориентированную языковую среду. Включение подобных текстов в курс профессионально ориентированного обучения РКИ служит началом организации для иностранных учащихся аутентичного средового пространства и формирования профессиональной социокультурной компетенции. Так, например, в рамках темы «Особые экономические зоны» инофоны узнают 1) о типах особых экономических зон в России, 2) об особенностях их функционирования, 3) об их роли в экономике РФ, 4) знакомятся с некоторыми конкретными особыми экономическими зонами. Попутно заметим, что тема «Особые экономические зоны» предваряется темой «Экономико-географическая характеристика России», что способствует систематизации актуального материала – формированию причинно-следственных связей между географическими и экономическими российскими реалиями.

Послетекстовые задания сформулированы таким образом, чтобы проверить адекватность понимания письменного и звучащего текстов (т.е. развиваются рецептивные умения инофона), а также создать лексическо-грамматическую и предметную базу для развития навыков и умений в продуктивных видах речевой деятельности, на которые ориентирована последующая творческая самостоятельная работа учащихся. Например, после прослушивания аутентичного звучащего текста об особой экономической зоне «Алабуга» учащимся предлагаются коммуникативные задания такого типа: «Вы вернулись с бизнес-форума, на котором состоялась презентация особой экономической зоны «Алабуга». Примите участие в рабочем совещании на фирме: ответьте на вопросы своих коллег, которые хотят больше узнать о специфике этой зоны и о тех преимуществах, которые она предлагает резидентам».

В рамках творческой самостоятельной речевой деятельности учащиеся в соответствии со сценарием, разработанным методистом, начинают активно взаимодействовать с аутентичной профессиональной языковой средой, смоделированной средствами электронного обучения: при выполнении творческих коммуникативных заданий они опираются на реальные сетевые ресурсы, где они должны найти дополнительную информацию по изучаемой теме, изложить полученную информацию в тезисной форме или в виде доклада, подготовить презентацию для коллег и т.д. Подобные задания направлены на моделирование разноплановой межкультурной коммуникации, когда инофон выступает в разных коммуникативных ролях и приобретает тот самый опыт общения (о котором мы говорили выше), овладевает на реальном речевом материале нормами использования различных языковых единиц.

Анализ типичных для экономической сферы ситуаций общения показал, что аутентичная языковая среда для учащихся экономического профиля должна включать следующие компоненты, формирующие социокультурную компетенцию.

1. В рамках курса профессионально ориентированного обучения РКИ инофоны знакомятся с важнейшими реалиями современной российской бизнес-среды:

- принципами наименования российских фирм и предприятий,
- наиболее крупными игроками российского бизнеса (такими, как Газпром, Роснефть, Сбербанк, Сибур-холдинг и т. п.),
- наиболее влиятельными персонами в области экономики и бизнеса – министрами, экспертами, главами крупных компаний и банков.

2. Не менее важно познакомить будущих экономистов с устройством информационно-коммуникационной составляющей российской бизнес-среды. Здесь следует учитывать три аспекта:

- знакомство с авторитетными массмедиа – источниками экономической информации (профильными изданиями типа «Ведомости» или «Коммерсантъ», сетевыми ресурсами (РБК Daily, headhunter), новостными передачами телевизионных каналов НТВ, Россия-24, РБК и под.);
- выступления в СМИ влиятельных экономических деятелей, успешных бизнесменов, руководителей крупных компаний, а также аналитические обзоры экономических и финансовых экспертов;
- цифровое пространство бизнес-среды: Интернет-сайты, страницы в социальных сетях, каналы на Youtube и др. средства самопрезентации крупных компаний.

Вся эта информация, безусловно, составляет актуальную для экономистов социокультурную компетенцию и формирует аутентичную языковую среду, с которой они должны научиться эффективно взаимодействовать.

И последнее, о чем необходимо сказать, обсуждая проблему формирования социокультурного компонента коммуникативной компетенции в рамках дистанционного профессионально ориентированного преподавания РКИ. Перед методистами стоит очень важная задача отбора и каталогизации типичных для аутентичной языковой среды реальных ситуаций профессионального общения, которые соответствуют коммуникативным потребностям учащихся. Так, например, иностранные учащиеся-экономисты в рамках творческой самостоятельной работы участвуют в таких типичных для бизнес-среды аутентичных ситуациях общения, как собеседование, анализ и написание резюме и мотивационного письма, деловые переговоры, презентация своей компании, выступление в качестве эксперта в какой-либо отрасли экономики или бизнеса и т. д. Кроме того, именно на этом материале они осваивают нормы делового этикета, необходимые им для адекватного и успешного межкультурного общения на русском языке с коллегами и партнерами по бизнесу.

Особо подчеркнем, что коммуникативные задачи, которые учащиеся решают в ходе учебного процесса, эффективно готовят их к участию в предстоящей им реальной профессиональной деятельности. Так, например, студентам предлагается проанализировать диаграмму, отражающую состояние российской экономики; прокомментировать деятельность компании, опираясь на данные таблицы; подготовить письменный обзор функционирования какого-либо сегмента российского рынка с опорой на реальную, аутентичную инфографику и т. д. Продуманное и тщательно организованное средствами информационных образовательных технологий столкновение иностранных учащихся с подобными коммуникативными ситуациями и аутентичными ресурсами (текстами, аудио- и видеоматериалами, новостными каналами, профильными сайтами, инфографикой и под.) обеспечивает успешное формирование социокультурного компонента коммуникативной компетенции инофонов, а следовательно способствует преодолению возможных трудностей межкультурной коммуникации в ходе их будущей профессиональной деятельности.

В заключение отметим, что лучше всего цели моделирования аутентичной языковой среды вообще и формирования социокультурного компонента коммуникативной компетенции в частности отвечают цифровые обучающие платформы типа Google Класса, Moodle и др., на базе которых преподаватель имеет возможность создать учебный курс, с одной стороны, обладающий свойством адаптивных обучающих программ, а с другой – выступающий как библиотека методически организованных аутентичных ресурсов (текстов, аудио- и видеоматериалов, новостных каналов, профильных сайтов, инфографики и под.), обеспечивающих полноценное погружение учащихся в языковую среду и создающих обширную базу межкультурного взаимодействия, что, бесспорно, способствует высокой эффективности языкового обучения.

Библиографический список

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1973. 248 с.
2. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. М.: Русский язык. Курсы, 2018. 496 с.
3. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень / Нахабина М.М. и др. 2-е изд., испр. и доп. М. – СПб: “Златоуст”, 2001. 32 с.
4. Требования по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение. Второй вариант / Н.П. Андрушина и др. [Электронный ресурс]: электронный аналог печатного издания – 2-е изд. М. – СПб. : Златоуст, 2009. 32 с. Режим доступа: <http://www.zlat.spb.ru>.

5. А.А. Леонтьев. Обучающие функции языковой среды и проблема интенсификации включенного обучения // Русский язык за рубежом. 1983. № 4. С. 60–63.
6. А.Н. Богомолов, Л.А. Дунаева. Аутентичный текст и аутентичная языковая среда в обучении РКИ // Русский язык за рубежом. 2018. № 5. С. 94–100.
7. Ермакова О.Б., Подшивалова (Чернышенко) Е.А. Виды и функции комментариев в дистанционном обучении русскому языку как иностранному (на примере системы дистанционного обучения Lesen HQ) // Болгарская русистика. София. 2016. № 1.
8. Клобукова Л.П., Вашик К., Вешманн Л. Лингвометодические основы очно-дистанционного профессионально ориентированного обучения русскому языку учащихся экономических факультетов и вузов Германии // Русский язык за рубежом. Специальный выпуск «Русистика Германии». 2017. С. 67-72.
9. Клобукова Л.П., Ермакова О.Б., Чернышенко Е.А. Особенности методики формирования коммуникативной компетенции иностранных учащихся экономического профиля в режиме очно-дистанционного обучения (на материале темы Организационная структура фирмы) // Язык, литература, культура. Актуальные проблемы изучения и преподавания. Сб. науч. и науч.-метод. ст. Т. 14. М.: МАКС Пресс, 2018.
10. Клобукова Л.П., Ермакова О.Б., Чернышенко Е.А. Из опыта цифровизации обучения русскому языку иностранных учащихся экономического профиля // Теория и практика обучения русскому языку как иностранному в цифровую эпоху. М.: Сам Полиграфист, 2020. С. 14–23.

References

1. Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V.G. Language and Culture: Linguistic and Regional Studies in Teaching Russian as a Foreign Language. Moscow, 1973. 248 p.
2. Azimov, E.G., Shchukin, A.N. Dictionary of Methodical Terms and Definitions. Moscow, 2018. 496 p.
3. State Educational Standard in the Russian as a Foreign Language. Basic Level. Saint-Petersburg, 2001. 32 p.
4. Requirements in Russian as a Foreign Language Proficiency. First Level of General Proficiency. Saint-Petersburg, 2009. 32 p. URL: <http://www.zlat.spb.ru> (accessed – 28.02.2022).
5. Leont'ev, A.A. Learning Functions of the Language Environment and the Problems of Intensification of Included Learning. Russian Language Abroad, 1983, 4: 60-63.
6. Bogomolov, A.N., Dunaeva, L.A. Authentic Text and Authentic Language Learning Environment in the Teaching Russian as a Foreign Language. Russian Language Abroad, 2018, 5: 94-100.
7. Ermakova, O.B., Podshivalova (Chernyshenko), E.A. Types and Functions of Commentaries in Distance Teaching of Russian as a Foreign Language (Case Study of LMS Lesen HQ). Bulgarian Rusistics (Bolgarskaia rusistika). Sofia, 2016, 1. pp. 77-89
8. Klobukova, L.P., Waschik, Klaus, Weschmann, Leo. Linguistic and Methodological Foundations of Blended Learning of Russian as a Foreign Language for Special Purposes for Students of Economic Faculties and Colleges in Germany. Russian Language Abroad, 2017. pp. 67–72.
9. Klobukova, L.P., Ermakova, O.B., Chernyshenko, E.A. The Specific Methods of Developing Communicative Competence of Foreign Students in Economics within Blended Learning (Case Study of the Topic «Organization Structure of the Company»). Language, Literature, Culture. Up-to-date Aspects of Learning and Teaching: collection of scientific and methodological papers. Moscow, 2018, v. 14. pp. 161-183.
10. Klobukova, L.P., Ermakova, O.B., Chernyshenko, E.A. The Experience in Digitalization of Process of Teaching Russian to Foreign Students in Economics. Theory and Practice of Russian as a Foreign Language Education in the Digital Era, 2020. pp. 14-23..

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 821.161.1.0

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.51.90.006

*Центральная библиотека имени Н.В. Гоголя
кандидат филологических наук,
библиотекарь
Шестакова Е.Ю.
Россия, г. Северодвинск, тел. +7 (8184) 53-14-96
e-mail: shestakova.lena2013@yandex.ru*

*N.V. Gogol Central Library
Candidate of philological sciences
librarian
Shestakova E.Yu.
Russia, Severodvinsk, tel. +7 (8184) 53-14-96
e-mail: shestakova.lena2013@yandex.ru*

Е.Ю. Шестакова

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПЕЙЗАЖНЫХ ОПИСАНИЙ В ЭМИГРАНТСКИХ РАССКАЗАХ О ДЕТСТВЕ И.С. ШМЕЛЕВА

Статья посвящена раскрытию особенностей хромотопической структуры пейзажных описаний в рассказах о детстве писателя русского зарубежья Ивана Сергеевича Шмелева. Аналитическим материалом исследования послужили произведения «Как мы летали», «Кошкин дом», «Весенний плеск», «Тени дней», «Весенний ветер», «Христова всенощная», «Яичко», созданные в 1923–1929 гг. Методы интерпретации, наблюдения, сопоставления и обобщения позволили наиболее полно раскрыть обозначенную тему работы. Полученные результаты показали, что специфика пейзажных описаний в эмигрантских рассказах И.С. Шмелева, актуализирующих тему детства, заключается в обращении к тематике главных православных праздников. Образы Пасхи и Рождества, пасхальный хромотоп, сопряженные с ними образы солнца, сада, мотивы счастья воссоздают в произведениях тему «золотого» детства. Писатель использует особый художественный прием, заключающийся во взаимопроникновении дискурсов героя-ребенка и взрослого повествователя, что позволяет отобразить широкие и разнообразные пейзажные картины. Пейзажи в произведениях наполняются богатой звуковой, обонятельной и визуальной образностью. Тема «утраченного рая», соединенная с образами счастливого, безмятежного детства и благословенной России, возникает в рассказах благодаря ностальгической тональности, свойственной повествовательному плану зрелого рассказчика. Важной особенностью пейзажных описаний в текстах явилось сближение реалистического и символично-идеалистического наполнения образно-мотивной структуры. Анималистические и орнитологические образы рассказов соединились с мотивами духовной чистоты, доброты, красоты, внутренней свободы, душевного полета, невинности, непорочности, со всей очевидностью проявляющимися при изображении детских персонажей. В рассказах нашли воплощение авторские представления о близости природы и человека, детства и России.

Ключевые слова: пейзажные описания, эмигрантские рассказы, образ ребенка, тема детства, Иван Сергеевич Шмелев.

E.Yu. Shestakova

FEATURES OF THE CHRONOTOPIC STRUCTURE OF LANDSCAPE DESCRIPTIONS IN EMIGRANT STORIES ABOUT THE CHILDHOOD OF I. S. SHMELEV

The article is devoted to the disclosure of the features of the chronotopic structure of landscape descriptions in the stories about the childhood of the writer of the Russian diaspora Ivan Sergeevich Shmelev. The analytical material of the study was the works «How we Flew», «Cat's House», «Spring Splash», «Shadows of Days», «Spring Wind», «Christ's Vespers», «Egg», created in 1923–1929. Methods of interpretation, observation, comparison and generalization allowed us to fully reveal the designated topic of the work. The results obtained showed that the specificity of landscape descriptions in the emigration stories of I.S. Shmelev, which actualize the theme of childhood, is to refer to the theme of the main Orthodox holidays. The images of Easter and Christmas, the Easter chronotope, the images of the sun, the garden, and the motifs of happiness associated with them recreate the theme of the "golden" childhood in the

works. The writer uses a special artistic technique, which consists in the interpenetration of the discourses of the child hero and the adult narrator, which allows you to display a wide and diverse landscape paintings. Landscapes in the works are filled with rich sound, olfactory and visual imagery. The theme of "paradise lost", combined with images of a happy, serene childhood and blessed Russia, appears in the stories due to the nostalgic tone inherent in the narrative plan of a mature narrator. An important feature of landscape descriptions in the texts was the convergence of the realistic and symbolic-idealistic content of the figurative-motivic structure. The animalistic and ornithological images of the stories are combined with the motifs of spiritual purity, kindness, beauty, inner freedom, spiritual flight, innocence, purity, which are clearly heard when depicting children's characters. The stories embody the author's ideas about the closeness of nature and man, childhood and Russia.

Keywords: landscape descriptions, emigrant stories, the image of a child, the theme of childhood, Ivan Sergeyevich Shmelev.

Творчество писателя русского зарубежья Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950), приходящееся на период эмиграции, отмечено очевидно нарастающим интересом к теме памяти об утраченной России и всему, что с ней связано, – детству, родному дому, семье, природе. Описания, реализующие авторские представления о национальном пейзаже, становятся неотъемлемой составляющей художественного мира шмелевских рассказов периода эмиграции, объединенных мотивом воспоминаний о Родине и детских годах. Произведениям «Как мы летали» (1923), «Кошкин дом» (1924), «Весенний плеск» (1925), «Тени дней» (1926), «Весенний ветер» (1927), «Христова всенощная» (1927–1928), «Яичко» (1929) помимо бесспорной ретроспективной направленности, присуще выразительное автобиографическое начало.

Близость героя-ребенка рассказа «Как мы летали» автору выражена в усложненной дискурсивной структуре – взаимопроникновении повествовательного плана взрослого рассказчика и перспективы детского взгляда на мир и описываемые события. Доминирующая перспектива маленького героя сменяется оценочными суждениями зрелого повествователя, значительно расширяющего ограниченную пространственно-временную перспективу детского знания. Соединение в одной фразе («Мы живем на большом дворе, – его уже нет теперь») [1; с. 246] настоящего и прошлого времени определяет специфику пейзажного пространства, с одной стороны, как предельно узкого, «детского», собственного для все умалющего детского мировидения, и, с другой стороны, как большого, широкого, характерного для восприятия взрослого рассказчика, чья хронотопическая и повествовательная позиции находятся далеко за пределами понимания героя-ребенка. Причем зрелый повествователь не стремится занять лидирующую позицию, уступая место детскому взгляду на окружающее природное пространство, в котором выделяются «садишка, с яблоньками и березками без верхушек, сараюшки и погреба, колодец, в который можно звонко плевать, и очень большая лужа» [1; с. 246]. Выразительное уточнение («в который можно звонко плевать») привносит в текст юмористическое начало, характерное для пейзажных описаний, данных с точки зрения героя-ребенка.

Своеобразие образа природы в рассказе определяет отчетливо проступающий пасхальный хронотоп, обозначенный уже в начале произведения («Итак, дел было на Пасхе») и получающий дальнейшее развитие в уточнении («Был последний день Пасхи, суббота <...>»), образах «сияющего солнца», «трезвона на колокольнях», «зеленеющих березок в саду», «цветных гроздей шаров», «празднично висевших сахарных яичек», «горок красных и лиловых яиц» [1; с. 246–250]. Дискурс зрелого повествователя дополняет пейзажную картину, увиденную из перспективы героя-ребенка, включает в художественную канву произведения ностальгические мотивы («Пасха, милая, далекая Пасха!»), усиленные визуальными образами-детальными («красные скорлупки», «по-особенному радостные лотки с апельсинами») и звуковыми образами («треск пистолетиков, гнусавый писк жестяных дудок, пиликающие гармонии приодевшихся и уже захмелевших мастеровых!») [1; с. 250]. В контексте пасхального хронотопа решены и тема детства, и тема природы, и мотив радования о мире. Воскликание взрослого рассказчика («Чудесно! Праздник!») [1; с. 251], образ бегущих детей, пересекающих пространство подобно летящим птицам, «играющее солнце», буквально заливающее все вокруг, воссоздают образ счастливого, радостного детства.

Образы птиц в рассказе сопряжены с детскими образами, выражают авторское понимание внутренней природы детства, мироощущения и мироустройства ребенка. Реалистические образы голубей появляются в эпизоде «лови в петельку, на крупу» [1; с. 248] Васькой и Драпом – друзьями главного героя. Мальчики преследуют сугубо прагматичные цели – отдать их «аптекарью <...> по пятаку за голубя» [1; с. 248]. Вместе с тем образ голубя и, шире, птицы в произведении многогранен,

помимо реалистического плана он обретает символическое истолкование. Проступающее в эпизоде бега героев-детей уподобление птицам, их увлечение ловлей голубей реализует семантику духовной чистоты, доброты, красоты, внутренней свободы и душевного полета. В обрисовке темы детства проступают черты невинности, непорочности, богодухновенности.

Образ детства в тексте рассказа неразрывно связан с образом «нового сада», лишенного зимнего белого безмолвия, весеннего, пасхального, радостного, полного ярких красок («А теперь дорожки были желтенькие, зеленела трава, сверкал пруд, деревья тронулись в зелень», «Всюду развевались сине-красные флаги и важно колыхались грозди цветных шаров. По дорожкам <...> прилично попрыгивали дети в красных и синих шапочках») и выразительных звуков («<...> а за проволочными сетками шустро перепархивали птицы») [1; с. 251–252]. Цветовая гамма пейзажной зарисовки обнаруживает сходство с детским рисунком, в котором отсутствуют сложные полутона и колористические переходы, она прежде всего апеллирует к детскому мироощущению. Мотив окрыляющего счастья пронизывает пространственные описания образа «нового сада», восходящего к образу «золотого детства».

Рассказ «Как мы летали», в частности, эпизод пребывания героев в Зоологическом саду, включает широкую анималистическую и орнитологическую образность. Некоторые из животных и птиц (медведи, обезьяны, филин) представлены схематично, как бы скользь: мальчики ненадолго останавливаются возле клеток с животными, кормят «ситничком» медведя, «вырывают у обезьянки сочную морковку из лапки и съедают» ее, «сталкивают филина с камня» [1; с. 252–253]. Встреча героев со слоном описана более подробно и получает особое содержательно-смысловое наполнение. Центральным персонажем эпизода со слоном становится Драп, замороженно наблюдающий за трапезой животного. Между мальчиком и слоном устанавливается необычная связь, сначала имеющая оттенок шутки (животное снимает с ребенка картуз, а затем водружает его обратно на голову), но затем перерастающая в глубокую внутреннюю близость, в основе которой лежит искреннее сопереживание. Рассказчик размышляет: «Не почувал ли он невеселую жизнь Драпа?! Может быть, плешинки на Драповой голове что-нибудь сказали ему? Кто знает <...> Может быть, в серых, грустных глазах Драпа было что-то особенное, что понял огромный слон, много выдавший, потерявший свою свободу. Ведь и Драп был в неволе <...>» [1; с. 255]. Тема душевной близости животного и человека задается в эпизоде поедания слоном пасхального яйца, отданного ему Драпом. Животное разделяет с мальчиком радость Светлого Праздника, восстанавливая гармонию, утраченную в результате отпадения человека от Бога и поврежденности природы. Образ «утраченного рая» получает развитие в размышлениях героя-ребенка, включающих образы «веселого солнца» и тему безмятежности и любви: «Сюда не придет Прохор, не шваркнет колодкой и не пообещает отмотать Драпу голову» [1; с. 263].

Тема «утраченного рая» углубляется в эпизоде наказания маленького рассказчика. Пространственная оппозиция определяет своеобразие воссозданной ребенком пейзажной картины, соединяющей реалистический и идеальный планы. Олицетворенные образы «звезд», «заглядывающих в темницу через молоденькие душистые листочки старого тополя», воспринимаются обитателями «темно-синего простора» [1; с. 263]. Все эти образы составляют хронотоп «счастливого места». Пространственная горизонталь воображаемого «рая» объединяется с вертикальной протяженностью, подхваченной образами «счастливого сада», «где необычная жизнь, где все другое» [1; с. 263]. Реальность выстраивается как антиномичная локация, в границах которой существует «насмешник Гришка» и «надоевший», «будничный двор» [1; с. 263]. Рассказчик настойчиво рисует образ земного «миратемницы», в котором вынужден страдать и мучиться ребенок.

Хронотоп «счастливого места» сосредотачивается также в просторах деревни Бронницы – родины Драпа, актуализованной как идиллическое пространство. Мотивы изобилия («<...> ловят прямо руками огромных раков, где сена столько, что не уложить в наши сараи, а зимой такие горы снега, что санки катятся целый час. <...> Там целые поля сладкого гороху, огурцов сколько хочешь, а грибов и брусники столько, что не унесешь»), сказочности («Там, в его лесах, живут волки, всякие, злые и добрые»), тема близости человека и природы («Там ночью пасутся лошади, и Драп сторожит их у огонька, на речке. Там можно всю ночь печь в горячей золе картошку и есть напролет всю ночь. Там сороки трещат на каких-то ригах») [1; с. 264] составляют живописную картину-мечту. Детская греза рассыпается из-за вмешательства реальных событий: «Только теперь изба у него забита, мать померла, а всех их, пятерых братьев, роздали в люди – в сапожники и по трактирам в мальчишки» [1; с. 264–268].

Прием пространственной антитезы развивается по мере расширения детской картины-мечты. Образ «счастливого места» изменчиво локализуется «за морями, где горячая Африка», у «черных народов, ефиопов», «турок» [1; с. 264], во Франции, в Троице-Сергиевой Лавре и даже в цыганском таборе. Финал рассказа строится как череда бинарных оппозиций: «необычная жизнь» / «скудная, жуткая подчас жизнь»; «сказочный сад» / «серое лицо», «сурово смотрит»; «Африка», «леса», «далекое небо», «француз», «веселые яркие шары», «слоны под жарким солнцем, в зеленых лесах», «нарядные дети», «музыка», «флаги», «ясные трубы» / «старый двор, развалившиеся сараи, угрозы, крики» [1; с. 268]. Завершающий пейзажный образ произведения – «солнца», которое «взойдет» и «опять засверкает» [1; с. 268], отсылает к особенностям миропонимания и мироощущения героя-ребенка. Несмотря на беды и невзгоды, дети сохраняют оптимистичность, радостный, светлый взгляд на жизнь и людей.

Образ природы, данный из перспективы героя-ребенка, изображается в неоконченном рассказе И.С. Шмелева «Кошкин дом». Пейзажные описания состоят из простых предложений, максимальная упрощенность синтаксических конструкций призвана передать особенности детского мышления и восприятия: «Звездочки и темная ночь, забор, снег, лес за забором и в лесу – Кошкин дом. <...> Днем там очень светло, все белое. Много снегу, там много снегу, что (и) больно смотреть, когда светит солнце. <...> только бегают собаки, можно утонуть. Там на деревьях к вечеру слетаются галки и так кричат, что через окна слышно» [2; с. 246]. Автор прибегает к приему «неправильной» детской речи, приближая изображенные природоописания к мироощущению четырехлетнего Миши: «Дом странный. Человеков там нету, и даже дворников нет» [2; с. 246]. Пейзажные картины выдержаны в логике детского миропонимания: «Если посмотреть – все снег и снег, и кусты и собачьи дырки от ног» [2; с. 246]. Колористическая палитра природных образов предельно скудна, в ее обозначении использованы преимущественно черный («черная земля», «черный дом»), серый («серая кошка») и красный («крыша красная») цвета, доступные для детского понимания.

Образы «звезд – глазок Божьих», которые «смотрят, как злые люди обижают добрых, и за это быв(ает) гром и пожары от молнии» [2; с. 246], выявляет заемность суждений маленького героя о мире, влияние народных представлений (прежде всего няни) на его взгляды и воззрения. В рассказе конюха Антипа, которого навещает Миша, все, окружающее человека, – «живое», обладает способностью «жаловаться, плакать» (метла) [2; с. 249], чутко улавливать скорый приход смерти (ворота соскакивают с петли, собака лает, самовар гудит, тараканы покидают дом). В русском народном представлении, близком детскому миропониманию, предметы, насекомые, животные не только олицетворены, но одухотворены. Конь Чалый, по словам Антипа, «будет скучать» [2; с. 250], если убрать крест из конюшни. И.С. Шмелев изображает «единосущность и тварность живого и неживого, их взаимодополнительность для Божьего универсума» [3]. Образ дома в рассказе рисуется в едином гармоничном сосуществовании людей (героя-ребенка, Домны, мухи, тараканов), охваченных благословием Господа. Образ лампы и мотив тепла освящают домашнее пространство, детству ребенка даются определения «чистое», «святое», «радостное» [2; с. 255].

Мотив радости и пасхальный хронотоп определяют специфику пейзажных описаний в рассказе «Весенний плеск». Пасхальные дни на чужбине удивляют рассказчика отсутствием подъема, просветленности, ликования в окружающем природном мире и собственной душе. «Чужая река», спокойная и ровная («Она идет полноводно, ровно, как месяц тому, как год»), совершенно равнодушна к Светлому Празднику («Не засмеется, не зашумит») [4; с. 107]. Образ тумана, окутывающего реку («дымно-молочная в мутный вечер»), передает авторское ощущение нереальности окружающего пространства, призрачности природы. «Чужая река» не способна выразить пасхальную радость, ассоциирующуюся с образом «весеннего плеска», а «черные сучья чужих деревьев» не пропускают небесное «золото голубое» [4; с. 107], остаются безжизненными, бездуховными, невыразительными, тусклыми.

Настоящую пасхальную радость рассказчик способен ощутить, только мысленно вернувшись в собственное детство: «Надо закрыть глаза – и через узенько-узенькую щелку, через деревья, глядеть на небо» [4; с. 107]. Ментальный хронотоп возникает как картина-воспоминание, ключевыми образами которой становятся «великая лужа, на черном дворе», «перезвон пасхальный», «сосульки», «утки», «сад», «тополя», «кот», «куры», «голуби». Доминирующим в этом образе-ретроспекции является солнце, оно «исколото лучами» снег, «вспыхивает» на крыльях уток, «плещется» в «лужицах голубых», «золотит» тополиные почки, «слепит всюду», «купается с облачками, с утками» [4; с. 107–110]. Образ солнца получает наиболее полную реализацию в мотивах игры, смеха («<...> оно играет

в колокола, гудит, и звенит, и плещет, и хочется заплесать, запрыгать. Играют – смеются колокола, и утки белыми крыльями, и куры, орущие на бревнах, и кот, махнувший на крышу в снег, и голуби, вдруг взметнувшиеся на хлопающих крыльях, и плещущая лужа, и тысячи солнц на ней. Все смеется, звенит, играет <...>», блеска, шумной радости («сочится стеклянным блеском», «И столько плеска кругом, и блеска, и гомона!») [4; с. 109]. По словам исследователя, «воображение ребенка одомаживает, приручает солнце, вовлекая величественное светило в водоворот повседневной бытовой жизни» [5; с. 88].

Образы солнца и счастливого детства, актуализированные в образах-мотивах золотого («золотятся на ней овсинки», «почки на них <...> золотятся», «золотая вода течет»), белого («белые утки», «белый ледок», «белые огоньки») и голубого цветов («голубовато снежком белеет», «лужицы голубые») [4; с. 107–110], воплощают тему России – «утраченного рая». Образ «золотого детства» выражается в россыпи образов-звуков (сосульки «звонко постукивают о бревна»), образов-чувств («Какая радость – этот немножко страшный переход по доскам, до сада!»), обонятельных («с запахами весеннего холодка», «тянет оттуда как будто печеным хлебом – навозом, лошадьё»), визуальных («<...> рухающих сосуллек, бугроватых. Налитые молочной мутью, ржавчиною янтарной, повисли они с сараев, <...> разлетаются в соль и блеск») и осязательных образах («Холодком покусывает с воды») [4; с. 107–110], присущих повествователю в детстве.

В радостное празднование Пасхи включается весь мир: и люди (Михаил, «который тесал лопаточку», «весь сияет»), и животные («<...> кот наш чего-то на солнце зябнет, – весны желает! Нынче и у него праздник»), и птицы («И сизые голубки ловят за хвостики друг дружку, кругами кружатся под сараем») [4; с. 108]. Все объединены любовью в Светлый День, герой-ребенок признается: «Я его (Михаила – Е.Ш.) очень люблю, и – лошадь за решеткой» [4; с. 109].

Мотив воспоминаний о детстве, смыкающийся с пасхальным хронотопом и пейзажными описаниями, фрагментарно включается в рассказ «Весенний ветер». Ретроспективный дискурс появляется в тексте, когда главный герой, Федя, наслаждаясь прекрасным весенним пасхальным днем, сравнивает свое настоящее состояние с детскими впечатлениями о «первой вербочке, золотом луче солнца, и в нем – воздушной восковой канарейке, первой радости жизни» [4; с. 274]. Образ солнца, мотивы радости и счастья, преобладающие в начальной пейзажной картине-воспоминании, повторяются в финале рассказа: «И вот, в забытии, в солнечном озарении, на луче, покачиваясь, сплывает к нему в сверканьях, сквозная, в колычках, клеточка с воздушною золотистою канарейкой <...> – первая радость детства» [4; с. 281].

Пасхальный хронотоп, соединенный с воспоминаниями о детстве и утраченной России, организует и пейзажные зарисовки в рассказе «Яичко». Пространственная оппозиция «чужое» пространство / «свое» пространство определяет специфику природоописаний в начале произведения. Зарубежная Пасха сопрягается с «каштанами в “свечках”», «жесткими деревьями», «плачущими сажей», по-осеннему дождливой весной, без «пробужденья» и «улыбки ясной» [6; с. 195]. На Родине Светлый Праздник всегда был связан с «пушистой вербой, березкой вольной, хлестающей по ветру», «снежком сквозистым», «крепким, свежим» воздухом, «хмурым холодком зимы», запахом «звездных ночей» и «мерзлым треском» [6; с. 195]. Состояние природы во время «русской» Пасхи воскрешает в памяти рассказчика пушкинские строки из романа «Евгений Онегин» [6; с. 195]. Образы «светлого, голубоватого неба», белых голубей, «крестов колоколен в блеске», «перезвона веселого» воссоздают картину одухотворенного, обожествленного пейзажа. Сакрализации подвергается и детство («Полог моей кровати дрожит, отходит, и голубое небо смотрит в блеске») [6; с. 196], осененное небесными солнечными лучами – Божиим благословением, и само дитя, свято хранящее великое сокровище – пасхальное яичко.

Мотив обожествления проецируется с внешней пейзажной зарисовки на «внутреннюю» – «панорамку», находящуюся в глубине «святого яичка», состоящую из образов «голубого и розового бесмертника», «комочков мха», «светозарного, с блистающей хоругвью», воскресающего «Христа из Гроба» [6; с. 196]. С образом яичка ассоциируются мотивы света («Свет от него, и ангел ласково глядит мне в сердце», «Я всматривался в эту панорамку до счастливых слез – и заливало светом») и защищенности от жизненных невзгод («Приходят ночи в бурях; хлещет в окна. Вот-вот погаснет огонек лампадки, и мои глаза, испуганные черной ночью, ищут <...> Где яичко? <...> Вон оно, <...> у киота. И мне не страшно») [6; с. 196]. В целом, как пишет исследователь, Пасха всегда «ассоциируется у автора с радостным, светлым детством» [7; с. 19].

Тема воскрешающих воспоминаний, соединенная с образами Преображения, Рождества и русской зимы, мотивами сна, детства, радости и утраты, становится ведущей в рассказе «Тени дней». Сам процесс воспоминаний интерпретируется как прекрасное сновидение, в котором фигурируют образы «яблочка-грушевки», подаренной псаломщиком Николаем Арсентичем, «звездного мерцания», «синеющей ночной улицы», «завивающихся горбами сугробов», «густо каркающей на березах вороне» [4; с. 188]. Сквозным в тексте становится образ одухотворенного пейзажа, получающего развитие в мотивах «детской просвирки», свечей, икон, храма, «книги в воске» [4; с. 188], лампадах. Мотивы сияния, розового цвета («от окон на снегу сиянье, на окнах розовое от лампадок»), тепла и уюта («Придешь – тепло, уютно, топится лежанка к ночи») [4; с. 188–189] воссоздают образ счастливого детства и благословенной России.

Образ обожествленной России прошлого появляется в очерке «Христова всенощная». Важными художественными деталями русского пейзажа в тексте становятся «полутемный уголок» в церкви, «тихие песнопения», лампады, объединенные в образе «светлой Божьей жизни» [6; с. 240]. Центральный образ произведения, всенощная служба в храме, на взгляд А.М. Любомудрова, определяет «три уровня “ощущения” автором богослужения»: «душевный», «национально-ностальгический» и «мистическо-духовный» [8; с. 257]. Совокупность образов «черного-черного осеннего вечера, с дождем», «черных долин», «черного окошка», «тьмы» [6; с. 240] выстраивает пространство Зарубежья. Образ-мотив черного цвета актуализирует негативную семантику чуждости, враждебности, небытия, бесприютности, бездомности. Образ дороги, в начале получающий реалистическое истолкование (путь рассказчика в общежитие русских мальчиков в Шавиле), по мере движения повествования обретает символично-иносказательное значение. Русские люди, потерявшие свой Дом (Родину, Бога), находятся в пути, стремятся отыскать временный приют. Образ «бездорожья», соотносимый с судьбой русского народа, осознается духовным блужданием, потерей настоящих ценностных ориентиров. Свет Христа, разогнавший мрак враждебного «чужого» пространства, указывает русскому человеку истинный путь, ведущий к духовному возрождению.

Образ «обездоленный детей», к которым «пришел Христос» [6; с. 244], получает обобщающее значение, включает не только апостолов, но и русских мальчиков, живущих в Шавиле, и, шире, всех русских людей. «Комнатка неведомого дома, при дороге» [6; с. 244], преодолевая свою ограниченность, распаивается до хронотопа России прошлой и настоящей. Тема детства вбирает образ русских людей – любимых детей Бога, «блудных сыновей», растерянных и обездоленных, ищущих Своего Отца, свой Дом во мраке чужбины.

Таким образом, своеобразие пейзажных описаний в рассказах И.С. Шмелева, посвященных теме детства и относящихся к периоду эмиграции, определяется включением в них пасхального хронотопа, образов Пасхи и Рождества, «играющего солнца», «нового сада», мотива окрыляющего счастья, в совокупности составляющих образ радостного, «золотого» детства. Взаимопроникновение повествовательных планов героя-ребенка и взрослого рассказчика позволяет раскрыть пейзажные картины во всей полноте и богатстве красок, запахов и звуков. Ностальгическая окрашенность дискурса зрелого повествователя привносит в художественную ткань рассказов тему «утраченного рая», воплощенную в образах счастливого детства и благословенной России. В пейзажных картинах и природной образно-мотивной структуре, представленной в произведениях, соединяются реалистический и символично-идеалистический планы. Широкая анималистическая и орнитологическая образность рассказов смыкается с мотивами духовной чистоты ребенка, доброты, красоты, внутренней свободы, душевного полета, невинности, непорочности, богодухновенности детства и России, темой душевной близости животного и человека. Пейзажные образы в текстах олицетворяются и одухотворяются. Хронотопическая структура пейзажных зарисовок содержит образ «счастливого места», «светлой Божьей жизни», связанной с образом Родины, антимомически противопоставленной пространству чужбины, наполненной «чернотой», «тьмой» и безрадостностью. Образы дороги, «бездорожья», «обездоленных детей» соотносятся с образом погубленной России и русским народом, потерявшим Дом (Родину, Бога) и стремящимся обрести Свет Христов.

Библиографический список

1. Шмелев И.С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 8 (дополнительный). Рваный барин. Рассказы. Очерки. Сказки. М.: Русская книга, 2000. 608 с.
2. Шмелев И.С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 6 (дополнительный). История любовная. Романы. Рассказы. М.: Русская книга, 1999. 512 с.
3. Есаулов И.А. Поэтика литературы русского зарубежья: (Шмелев и Набоков: два типа завершения традиции) // И.А. Есаулов. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1995. С. 238–266.
4. Шмелев И.С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Въезд в Париж. Рассказы. Воспоминания. Публицистика. М.: Русская книга, 1998. 512 с.
5. Дзыга Я.О. Образ солнца в творчестве И.С. Шмелева и К.Д. Бальмонта // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 153. Кн. 2. С. 86–96.
6. Шмелев И.С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 7 (доп.). Это было. Рассказы. Публицистика. М.: Русская книга, 1999. 592 с.
7. Макарова Л.А. Воцерковленная Россия в художественном изображении И.С. Шмелева: Малые жанры прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 28 с.
8. Любомудров А.М. Богоищущая душа. Духовное и мирское в творческой судьбе И.С. Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева: Статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 227–282.

References

1. Shmelev I.S. Collected works: in 5 vols. Vol. 8 (additional). A ragged gentleman. Stories. Essays. Fairy tales. Moscow, 2000. 608 p.
2. Shmelev I.S. Collected works: in 5 vols. Vol. 6 (additional). A love story. Novels. Stories. Moscow, 1999. 512 p.
3. Esaulov I.A. Poetics of Russian Literature Abroad: (Shmelev and Nabokov: Two Types of Completion of Tradition). The category of sobornost ' in Russian literature. Petrozavodsk, 1995. P. 238–266.
4. Shmelev I.S. Collected works: in 5 vols. Vol. 2. Entry to Paris. Stories. Memories. Journalism. Moscow, 1998. 512 p.
5. Dzyga Ja.O. The image of the Sun in the works of I. S. Shmelev and K. D. Balmont. Scientific notes of the Kazan University. Ser. Humanities. Vol. 153. Book 2. P. 86–89.
6. Shmelev I.S. Collected works: in 5 vols. Vol. 7 (add.). It was. Stories. Journalism. Moscow, 1999. 592 p.
7. Makarova L.A. Churchd Russia in the Artistic Image of I.S. Shmelev: Small Genres of Prose. Candidate dissertation. Moscow, 2007. 28 p.
8. Ljubomudrov A.M. A God-seeking soul. Spiritual and worldly in the creative fate of I. S. Shmelev. Spiritual path of Ivan Shmelev: Articles, essays, memoirs. Moscow, 2009. P. 227–282.

УДК 82-221

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.71.28.007

*Литературный институт имени А.М. Горького
аспирант кафедры новейшей русской
литературы*

*Халилов Р.О.
Россия, г. Москва
e-mail: lil987654321@yandex.ru*

*Maxim Gorky Institute of Literature and Creative
Writing
Postgraduate student of the Department of Modern
Russian Literature
Khalilov R.O.
Russia, Moscow
e-mail: lil987654321@yandex.ru*

Р.О. Халилов

СКРЫТАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИДЕЯ КОМЕДИИ «СИНИЙ ПЛАТОЧЕК» В.П. КАТАЕВА

Целью статьи является обнаружение скрытой художественной идеи пьесы «Синий платочек» – всеилии Бога на войне. В статье представлен выборочный анализ комедии В.П. Катаева «Синий платочек», который направлен на выявление художественных элементов пьесы, драматургических приемов, отражающих основу художественного замысла автора. В период создания произведения художественная идея о могуществе Бога на войне по объективным причинам не могла быть открыто сформулирована – автору пришлось «маскировать» ее под лирическую комедию положений. В исследовании применялись следующие методы: сравнение, обобщение, аналитическая работа с текстом, также использовались возможности социологического метода изучения литературы. По итогам анализа установлено, что идейно-художественной основой пьесы являются мотивы православно-христианской культуры. В частности, день Пасхи в произведении синхронизирует сюжетное и реальное пространство и время. Соединение реального времени и сценического, а также ряд православных символов побуждают воображение читателя видеть присутствие образа Бога в произведении. Находящаяся в области содержания идея автора воспринимается не как действие с набором средств комедийности и драматургических приемов (случайности, композиционный сдвиг, неожиданный поворот), а как чудо непостижимого действия Бога. В пьесе выявлены знаки, детали и художественные элементы, двойственность которых, с одной стороны, охватывает содержательную глубину комедии и маскирует замысел автора, с другой стороны, обогащает художественную идею автора о всеилии Бога на войне. Выявленная художественная идея пьесы открывает качественно иной уровень комедии «Синий платочек», а также дает возможность с ранее неизвестной стороны взглянуть на творчество Валентина Катаева. Материалы статьи могут быть использованы на лекциях по русской советской драматургии; на семинарах о драматургии В. Катаева, на лекциях о драматургии Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: В.П. Катаев, «Синий платочек», Пасха, Щеглы, комедия, Петушки, драматургия, хроно-топ.

R.O. Khalilov

THE HIDDEN ARTISTIC IDEA OF THE COMEDY "THE BLUE HANDKERCHIEF" BY V.P. KATAEV

The purpose of the article is to discover the hidden artistic idea of the play "The Blue Handkerchief" – the omnipotence of God in war. The article presents a selective analysis of V.P. Kataev's comedy "The Blue Handkerchief", which is aimed at identifying the artistic elements of the play, dramatic techniques that reflect the basis of the author's artistic idea. During the creation of the work, the artistic idea of the power of God in war for objective reasons could not be openly formulated – the author had to "disguise" it under a lyrical sitcom. The research uses the following methods: comparison, generalization, analytical work with the text. The study used the possibilities of sociological methods of studying literature. According to the results of the analysis, it was found that the ideological and artistic basis of the play is the motives of Orthodox Christian culture. In particular, Easter Day in the work synchronizes the plot and real space and time. The combination of real time and stage time, a number of Orthodox symbols encourage the reader's imagination to see the presence of the image of God in the work. The author's idea, which is in the field of content, is not perceived as an action with a set of means of comedy and dramatic techniques (accidents, compositional shift, unexpected turn) and as a miracle of the incomprehensible action of God. The play reveals signs, details and artistic elements, the

duality of which, on the one hand, covers the meaningful depth of the comedy and masks the author's intention, on the other hand, enriches the author's artistic idea of the omnipotence of God in war. The revealed artistic idea of the play opens a qualitatively different level of the comedy "Blue Handkerchief", and also gives an opportunity to look at the work of Valentin Kataev from a previously unknown side. The materials of the article can be used at lectures on Russian Soviet dramaturgy; at seminars on V. Kataev's dramaturgy, at lectures on the dramaturgy of the Great Patriotic War.

Keywords: V. P. Kataev, "Blue handkerchief", Easter, Goldfinches, comedy, Cockerels, drama, chronotope.

Комедия «Синий платочек» была закончена Катаевым в конце 1942 года. В феврале 1943 года была опубликована в журнале «Октябрь» [1; с. 7-30]. В том же году комедия была поставлена на сцене Куйбышевского драматического театра. В основу сюжетной линии комедии положен рассказ Катаева «Фотографическая карточка», напечатанный в газете «Правда» за октябрь 1942 года [2; с. 4].

С первой публикации этой комедии и по настоящее время мы не встретим сколько-нибудь серьезного анализа этого произведения. Критика, встретившая первые постановки комедии на сцене и ее публикацию в печати, к оценке произведения подошла односторонне и тенденциозно ([3; с. 3]; [4; с. 4]; [5; с. 3]). В. Фролов [6; с. 114-116], Л.П. Климова [7; с. 506], В.В. Огрызко [8; с. 341-342] в работах по творчеству Катаева о «Синем платочке» повторяют уже сказанное. Исследователи творчества Катаева Л.И. Скорино и Б.Е. Галанов пьесе «Синий платочек» не уделили должного внимания. В научных работах по творчеству Катаева о комедии «Синий платочек» не говорится или упоминается лишь в назывном порядке. Комедия «Синий платочек» неизменно входила в сборники сочинений и отдельные сборники драматургии Валентина Катаева.

Существует две редакции комедии: текст издательства ВУОАП (всесоюзное управление по охране авторских прав), 1942 год [9; с. 2-40] и все остальные редакции «Синего платочка», начиная с публикации пьесы в журнале «Октябрь» за 1943 год [1; с. 7-30]. В редакцию 1943 года автором внесены правки. Незначительные изменения редакции никак не повлияли на скрытую автором художественную идею произведения. Анализ комедии ведётся по публикации 1986 года, девятого тома собрания сочинений Катаева [10; с. 576]. С момента первого появления комедии «Синий платочек» в публичном пространстве и по настоящее время мы не встретили ни одной публикации, затрагивающей тему данной статьи.

В контексте маскировки идеи пьесы время действия в комедии (ремарки), так же как даты, времена года, встречающиеся в диалогах персонажей, автор приводит по старому стилю летоисчисления. Сцены, художественные элементы, драматургические приемы, используемые при анализе произведения, расположены в необходимой для исследования последовательности.

По объективным причинам Катаев открыто не мог воплотить в художественном произведении идею о всеисиие Бога на войне. Ключом к разворачиванию авторской идеи, к ее пониманию, будет обнаружение дня православной Пасхи в сюжете пьесы «Синий платочек». Хронотоп произведения охватывает период Великой Отечественной войны: осень 1942 – май 1943 года. Действие в комедии происходит в той же календарной фазе (год, время года, месяц и дни), что и время реальной жизни. Ежегодно православная Пасха отмечается в разные дни. Главный православный праздник Пасха в 1943 году проходил с субботы на воскресенье, с 24 на 25 апреля, и последующие дни Светлой седмицы. Дни Пасхи и Светлой седмицы присутствуют в сюжетном хронотопе произведения также с 24 на 25 апреля и последующие дни 1943 года.

Чтобы обнаружить дни Пасхи и Светлой седмицы, прежде всего необходимо установить хронологию произведения по годам и сезону. В ремарке к первому действию говорится: «Действие происходит частью в небольшом волжском городе Щеглы, частью на Центральном фронте. Октябрь-ноябрь 1942 года» [10; с. 424]. В ремарке к пятому, последнему действию комедии мы читаем: «Уличка в городе Щеглы. Скамеечка. Садик перед домом, где живут Ложкины. Два крыльца: одно – на улицу, другое – в садик. Весна. Сирень. Видна Волга, отражающая весеннее небо с облаками» [10; с. 459].

За осенью-зимой 1942 года в действии комедии наступает зима-весна 1943 года. Вместе с тем автор в произведении не указывает, какого года весна. Чтобы исключить всякое разночтение календарной хронологии по годам и времени года, автор дает уточняющее указание.

Зоя. Ксения Петровна из квартиры номер два?! Ой, не могу! (Хохочет.) Так ведь она старушка, бабушка! Ей семьдесят лет. [10; с. 466].

И еще:

Вася. Вы – Ксения Петровна? Ложкина? Город Щеглы, Кооперативная, десять, квартира два.

Бабушка. Я самая. Одна тысяча восемьсот семьдесят второго года рождения [10; с. 470].

Используя имеющиеся даты необходимо произвести несложный подсчет. Если действие комедии началось осенью 1942 года, и бабушка родилась в 1872 году и ей 70 лет, то третье-пятое действие комедии происходит как раз весной 1943 года.

Следующим шагом по обнаружению дней Пасхи в сюжете пьесы будет детализация хронологии по месяцам и дням. В третьем и четвертом действии комедии с первого дня появления Андрея в госпитале Даша дежурит у его постели. Обеспокоенная бессменным дежурством Даши, доктор Селявина обращается к Даше Ложкиной:

Селявина. Вы знаете, сколько вы не ложились? С двадцать четвертого числа. Шесть суток. Разве можно? [10; с. 453].

Встреча, исцеление, первая любовь Андрея и Даши проходят с 24 числа и последующие дни одного из месяцев весны. Автор не говорит, в какой из месяцев происходили эти события. Из весенних месяцев мы должны будем исключить март. Федя в Щеглах в пятом действии комедии, разыскивая Валю, обращается к проходящей мимо него девушке:

Федя. Вы посылку на фронт посылали?

Петрушкина. Посылала.

Федя. В конце марта?

Петрушкина. В конце марта. [10; с. 461].

Федя, продолжая разыскивать Валю, обращается к Зое:

Федя. Вы посылали на фронт посылку?

Зоя. Посылала.

Федя. Когда?

Зоя. В конце марта.

Федя. Правильно. (Про себя.) Она!

Зоя. Так это вы?..

Федя. Получил вашу посылку! [10; с. 463-464].

Из сюжета комедии мы знаем, что Федя, Андрей, Вася и военфельдшер Надя получили посылки и письма из Щеглов один-единственный раз и в один день. Это те посылки, в которых Федя получил синий платочек, Андрей – фото Даши, Вася – рисовые кубики, Надя – одеколон «Сирень». Если посылка Зоей была отправлена в конце марта и Федя ее получил, то появление Андрея в госпитале, его встреча с Дашей, самоотверженное дежурство Даши «с двадцать четвертого числа» [10; с. 453] никак не могут быть концом марта месяца (дополнительно март будет присутствовать в анализе одного из художественных элементов произведения).

Далее, если предположить, что 24-е число и еще шесть дней, о которых говорит доктор Селявина — это конец мая, то тогда восстановление здоровья после ампутации ноги у Андрея, встреча с танкистами и все пятое действие комедии могло состояться только летом, что противоречит ремарке к последнему пятому действию: «Весна, Сирень. Видна Волга, отражающая весеннее небо с облаками...» [10; с. 459]. В пятом действии мы находим уточняющую информацию о том, что события одного дня последнего действия происходят весной, не летом:

Зоя. Вас как звать?

Федя. Федя.

Зоя. Я согласна. (Кладет голову на его плечо. Мечтательно.) Федя... Я так и знала, что мы непременно встретимся и непременно будем сидеть весной на скамеечке... [10; с. 465].

Из вышесказанного, исключив март и май, становится ясно, что единственным месяцем весны третьего и четвертого действия комедии является апрель. Выяснив точную хронологию по году, сезону и месяцам, мы приходим к выводу, что дни, о которых говорит доктор Селявина («Вы знаете, сколько вы не ложились? С двадцать четвертого числа. Шесть суток. Разве можно?») [10; с. 453] это дни с 24 по 30 апреля 1943 года, которые включают 25-е число. День святой Пасхи в реальной жизни праздновался в 1943 году с 24 на 25 апреля. Автор в сюжете комедии под фразой Селявиной спрятал день Пасхи 25 апреля и последующие дни Светлой седмицы 1943 года. Синхронизировав сценическое и реальное пространство и время в дне Пасхи, автор указывает на незримое присутствие образа Бога в произведении.

После установления идейно-художественной опоры в сюжете пьесы – Пасха и послепасхальные дни – нам необходимо обратиться к тем элементам художественности, которыми автор изображает присутствие в произведении Высших сил – Бога. Второе действие заканчивается на том, что танки-

сты в морозный день конца зимы 1943 года уходят в бой с фашистами под городом Петушки. Третье действие начинается с того, что приблизительно через два месяца после событий в Петушках в Великую Субботу, 24-го апреля, в день перед Пасхой Даша и Зоя, работая в госпитале, узнают о прибытии в госпиталь смертельно раненного героя-танкиста Андрея Купавина прямо с фронта, с передовой. При нем – пробитая осколком, окровавленная фотография Даши и подпись на ней «Самому храброму». Даша отправила свою фотографию неизвестному бойцу на фронт, подписала ее «Самому храброму».

Даша. Много раненых нынче привезли?

Зоя. Восемь человек.

Даша. Есть тяжелые?

Зоя. Один очень тяжелый. Три ранения: в голову, в грудь, на два сантиметра от сердца, и в ногу. Особенно в ногу. Что-то невероятное. Какая-то каша из мяса и костей. Все время в бессознательном состоянии. <...> Номер 796. Гвардии сержант Купавин Андрей Николаевич. <...> (Рассматривает.) Смотри, чудесное лицо!

Даша. (смотрит). Простое. Веселое. Милое. Лицо героя. Неужели не выживет?

Зоя. «Карандаш, записная книжка, фотокарточка». Тоже пробита пулей. (Рассматривает.) Залита кровью. Какая-то девушка. (Вскрикивает.) Даша!

Даша. Что такое? Что случилось?

Зоя. «Самому храброму».

Даша. Где?

Зоя. Что-то невероятное.

Даша. Не может быть.

Зоя. Смотри.

Даша. Моя карточка! Он тут! [10; с. 448-449].

Автор продвигает хронотоп второго действия произведения к третьему. Сюжетно-композиционный сдвиг создает ощущение нереального. Автор перемещает смертельно раненного в бою с фашистами в Петушках Андрея с конца зимы на два месяца вперед, на 24-е апреля, к дню Пасхи. Сдвиг хронотопа, перемещение Андрея Купавина с конца зимы к дню Пасхи, является художественным приемом, демонстрирующим присутствие Высших сил. Бог видит веру и истовое желание Даши победить фашистов, желание Андрея пожертвовать собою ради этой победы – и в дни Пасхи и Светлой седмицы возвращает к жизни Андрея. Андрей и получившая богоданного «самого храброго» Даша обретают любовь. В чем-то похожий художественный прием мы можем наблюдать в повести Катаева «Жена» (1943). Вслед за похоронкой Андрея (тезки Андрея из «Синего платочка») приходит его опоздавшее письмо с фронта.

Следующий художественный элемент, которым автор демонстрирует всемогущество Бога, это психология персонажа. Второе действие комедии начинается с ремарки: «Конец зимы. Фронт. Блиндаж. Уютно горит печурка. Электрическая лампочка. Телефон. Перед поднятием занавеса слышна гармонь ...» [10; с. 433]. Все события во втором действии происходят в течение одного дня:

Телефонист. А ну, тихо! (В телефон.) Картошка слушает. Так. Понимаю. Сделаем. (Опускает трубку.) Хлопцы, там на КП только что привезли подарки. [10; с. 435].

Из ремарки понятно, что танкисты получили подарки в конце зимы 1943 года. Так же из первого действия нам известно, что посылки из Щеглов были отправлены осенью 1942 года («Действие происходит частью в небольшом волжском городе Щеглы, частью на Центральном фронте. Октябрь-ноябрь 1942 года») [10; с. 424].

Однако в пятом действии на отправке Зоей посылки из Щеглов на фронт в конце марта 1943 года, затем получении этой посылки Федей автор акцентирует внимание в двух сценах: Федя–Петрушкина и Федя–Зоя [10; с. 461-463]. Танкисты получили подарки один-единственный раз и в один день. В этот день Федя получил посылку с синим платочком, Андрей – фото Даши, Вася – рисовые кубики, Надя – одеколон «Сирень».

Налицо пространственно-временное рассогласование между первым-вторым действием с одной стороны, и пятым – с другой. То есть отправка подарков из Щеглов Зоей и Дашей, а также бабушкой и Валею осенью 1942 года и получение их Федей и танкистами в конце зимы 1943 года в сознании у Федей и Зои как бы передвигается на отправку подарков в марте 1943 года. Драматургический прием – сдвиг хронотопа (Фронт – тыл, Андрей – Даша) теперь действует применительно к Феде (Федя

— Зоя) и танкистам. Сдвиг хронотопа в сознании, соединяет всех персонажей в единое пространство и время. Дни, предвещающие Пасху, являются днями Великого поста. Предвещая драматическое будущее боя, Высшие силы покрывают фронтовое время, время перед боем для всех танкистов (Андрей, Федя, Вася, Надя) временем Великого поста, знаками указывают на это время. Компоненты постной еды телефонист несколько раз по ходу второго действия использует для шифровального разговора по спецсвязи:

Телефонист (в телефон). Редька? Говорит Картошка. В порядке. Проверка линии. Сельдерей? Говорит Картошка. В порядке. Проверка линии. Огурец? Говорит Картошка. В порядке. Проверка линии. (Опускает трубку.) [10; с. 435].

Находясь под покровами Высших сил (хронотоп конца зимы покрыт хронотопом Великого поста), танкисты уходят в бой с фашистами, по времени бой совпадает с концом Великого поста, и как итог – чудо Пасхи, появление смертельно раненного в этом бою Андрея 24-25 апреля в госпитале в Щеглах. К послепасхальному времени для Андрея, Даши, Зои и жителей Щеглов присоединяются Федя и танкисты.

Новый миропорядок Высших сил (календарная хронология – день Пасхи), смещение хронотопа (чудо Пасхальных дней, незримое присутствие образа Бога) в пятом, последнем действии создают ряд добрых и веселых комедийных обстоятельств и ситуаций.

Бабушка. Он мне такие ласковые письма с фронта писал. Как же, как же, Вася Девяткин! Говорят, он покушать любит. А мне, знаете, такие люди очень нравятся, которые с аппетитом. Я люблю, чтоб у меня в доме гости ели.

Федя. За это не беспокойтесь. Все подметет.

Бабушка. Как же, как же! Мне много про него рассказывали. И про все рассказывали. Про весь ваш танковый экипаж.

Федя. Кто же это вам все рассказывал?

Бабушка. Некто гвардии сержант Купавин.

Федя. Андрюша Купавин?

Бабушка. Совершенно верно.

Федя. Он тут, в Щеглах?

Бабушка. Да, в здешнем госпитале. Ему ногу ампутировали.

Федя. Что вы говорите?! Вот беда!.. А мы и не знали. Как же так? Надо сейчас же... Где этот госпиталь?

Зоя. Я как раз в нем работаю. Отсюда два шага. [10; с. 467].

Из диалога понятно, что жители Щеглов знали все о танкистах от Андрея Купавина и из писем Васи Девяткина. Вместе с тем, информированность персонажей друг о друге в пятом действии отсутствует. Отсекая ненужное и оставляя необходимое в сознании персонажей, Высшие силы создают обстановку взаимопонимания, среду единения, эмоциональный подъем всех персонажей, гармонизируют отношения между ними.

В пьесе скупо присутствует православная символика. Перемешанные с деталями обыденной обстановки православные символы почти не заметны. Синий платочек вынесен автором в название пьесы. Через все действие синий платочек проходит как драматургическая деталь, символ преданности любви. Песня «Синий платочек» несколько раз звучит в пьесе [10; с. 440, с. 463], этот предмет является символом любви как в песне, так и в произведении. Вместе с тем на православную Пасху, на праздники в честь Пресвятой Богородицы или в пост женщина надевает синий платок (без рисунков), цвет которого означает чистоту, непорочность.

Символическая цифра «три», в православии указывающая на три Ипостаси в пресвятой Троице, в произведении присутствует в разных вариантах:

Зоя. Один очень тяжелый. *Три ранения:* в голову, в грудь, на два сантиметра от сердца, и в ногу (здесь и далее курсив мой – Р.Х.) [10; с. 448].

Бабушка. <...> Сколько вдруг *солнца, зелени, молодости...* [10; с. 467].

Даша. <...> Ты для меня – *самый близкий, самый родной, самый дорогой* человек на свете [10, с. 479-480].

Символическая цифра «три» присутствует в количестве образов пьесы. Три танкиста и три женских образа, соединившись, нашли свою любовь: Андрей–Даша, Федя–Зоя, Вася–Надя.

Присутствие названий, цифр, деталей обыденной жизни автор использовал с целью создания содержательной полноты произведения, вместе с тем они являются маскировкой, создают путаницу, как бы уводят в сторону от обнаружения идеи автора. Приведем некоторые из них.

Автор, сближая сценическое и реальное время, подчеркивает условность действия в пьесе. Во втором действии танкисты, получая посылки, готовятся к решающему бою под городом Петушки. Вместе с тем известно, что в расположенном на востоке Московской области городе Петушки никаких боевых столкновений не было. Автор подводит читателя и зрителя к обобщению. События, изображаемые в комедии, могут произойти с любым человеком, в любом месте фронта и тыла.

Цифра 796 – порядковый номер бойца, прибывшего в госпиталь.

Зоя. Номер 796. Гвардии сержант Купавин Андрей Николаевич [10; с. 449].

При сложении всех трех цифр мы получим цифру 22. 22-е июня – день начала Великой Отечественной войны.

В комедии образ Васи Девяткина обладает амплуа ненасытного гурмана. Комедийную ситуацию, связанную со страстью Васи к еде, автор решает своеобразно. Вася опечален, узнав, что Ксении Петровне, женщине его мечты, любительнице вкусно готовить, семьдесят лет. Вася был в печали недолго. Ксения Петровна изготовила Васе гуся с яблоками (рождественский гусь – христианская европейская традиция).

В нашу задачу не входит установление общности комедии «Синий платочек» и произведений календарно-духовной литературы. Вместе с тем формально-содержательная структура комедии «Синий платочек» напоминает разновидность этого жанра. С.Ю. Николаева считает, что основными признаками пасхального произведения являются: «1. Приуроченность к комплексу пасхальных праздников; 2. духовное перерождение героя; 3. притчеобразность; 4. «документальность» (воспоминания «по аналогии»); 5. счастливая развязка» [11; с. 19]. С определенными оговорками наличие общих признаков этого определения дает основание говорить о сходстве комедии «Синий платочек» с произведениями пасхальной литературы.

Исходя из особенностей структуры хронотопа в произведениях пасхальной литературы, Николаева полагает, что ситуация «смысловой напряженности создается тогда, когда происходит столкновение реальности с идиллией. Зачастую этот переход осуществляется через страстные муки. Стремление к идиллии приведет в итоге к свершению чуда (“чуда перерождения”))» [11; с. 21]. Даша, отправляя на фронт свое фото с надписью «Самому храброму», представляет некий образ героя. Андрей, получив фото, мечтает о встрече с незнакомкой Дашей. Движение образа Даши к идеалу, Андрея – к мечте через муки – имеет свое воплощение в чуде их встречи и любви.

Развивая тему пространства в текстах пасхальной литературы, Николаева говорит: «Многие тексты построены по принципу зеркальности, что отражено уже в структуре пасхального пространства. В сюжетном развитии это может быть повторение какой-либо ситуации или испытание» [11; с. 20]. Неожиданно у Даши в руках оказывается «Война и мир», она читает Андрею отрывок трогательной сцены любви раненого Андрея Болконского и Наташи Ростовской [10; с. 458]. Сцена с раненым Андреем и Дашей зеркально отражает сцену из романа. Говоря о системе образов в пасхальной литературе, Николаева замечает: «Особое место в пасхальных произведениях принадлежит образу “Праведника”, который иногда может преображаться то в ребенка (пасхального херувима), то носить на себе страстную печать Христа» [11; с. 19]. Мальчик Валя хочет внести свой вклад в победу над фашистами. Валя своими руками вышивает и посылает синий платочек бойцу на фронт. Руками мальчика Бог творит чудеса. Синий платочек становится символом любви.

Устанавливая живую связь с читателем и зрителем через любимые народом песни «Синий платочек», «Землянка» [10; с. 447-448], фронтовое пространство и время, знаками и символами православно-христианской культуры, автор создает эмоциональную картину происходящего. Календарная хронология в сюжете указывает на день Пасхи в пьесе. В этот день, по православному преданию, на землю сходит Бог и могут происходить чудеса воскрешения. Например, православный верующий может воспринимать появление Андрея Купавина в госпитале не как драматургический прием (композиционный сдвиг, сюжетный поворот, неожиданная случайность) а как чудо его перенесения и воскрешения в день Пасхи. В православно-христианской культуре Бог – Вездесущ, Всемогуш, Вечен. Образ Бога присутствует во всей пьесе «Синий платочек» с экспозиции и до концовки. Это значит, что отправка подарков жителями Щеглов, получение подарков танкистами и, наконец, знакомство, встреча и любовь отправителей и получателей читатель, знакомый с православно-христианской куль-

турой, воспринимает не как действие драматургических (случайности, неожиданные повороты, сдвиги во времени) и комедийных средств, а как чудо божественного провидения. Находящийся в области содержания, в воображении и сознании читателя образ Бога, его всемогущество воздает должное танкистам и жителям Щеглов за истовое желание победы в войне.

Библиографический список

1. Катаев В.П. Синий платочек // Октябрь. 1943. № 2. С. 7-30.
2. Катаев В.П. Фотографическая карточка // Правда. 1942. № 259. С. 4.
3. Евсеев А. Под сиренью // Литература и искусство. 1943. № 16 (68). С. 3.
4. Заславский Д. Поточный метод в литературе // Правда. 1943. № 108. С. 4.
5. Ростоцкий Б. Заметки о комедии // Литература и искусство. 1943. № 40 (92). С. 3.
6. Фролов В. О советской комедии. М.: Искусство, 1953. 340 с.
7. Климова Л.П. Катаев // Очерки истории русской советской драматургии. Т.1. Л.: Искусство, 1963. С. 506-524.
8. Огрызко В.В. Циник с бандитским шиком. М.: Литературная Россия, 2015. С. 341-342.
9. Катаев В.П. Синий Платочек. РГАЛИ Ф. 2452, оп.3, ед. 1994, ВУОАП, 1942, С. 2 – 40.
10. Катаев В.П. Собр. соч. в 10 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1986. 576 с.
11. Николаева С.Ю. Пасхальный текст в русской литературе XIX века: дисс. ... канд. фил. наук. МПГУ. 2004. 264 с.

References

1. Kataev V. P. Blue handkerchief // Oktyabr'. 1943. No. 2. Pp. 7 — 30.
2. Kataev V. P. Photographic card // Pravda. 1942. No. 259. C. 4.
3. Evseev A. Under the lilac // Literature and Art. 1943. No. 16 (68). p. 3.
4. Zaslavsky D. The flow method in literature // Pravda. 1943. No. 108. p. 4.
5. Rostotsky B. Notes on comedy // Literature and Art. 1943. No. 40 (92). p. 3.
6. Frolov V. About Soviet comedy. Moscow: Iskusstvo, 1953. 340 p.
7. Klimova L. P. Kataev // Essays on the history of Russian Soviet drama. Vol. 1. L.: Iskusstvo, 1963. P. 506-524.
8. Ogryzko V. V. A cynic with bandit chic. Moscow: Literary Russia, 2015. pp. 341-342.
9. Kataev V. P. Blue Handkerchief. RGALI F. 2452, op. 3, ed. 1994, VUOAP, 1942, p. 2-40.
10. Kataev V. P. Coll. Op. in 10 v. Vol. 9. M.: Khudozhestvennaya Literatura, 1986. 576.
11. Nikolaeva S. Yu. The Easter text in the Russian literature of the XIX century: diss. ... candidate of Phil. sciences. MPSU. 2004. 264 p.

УДК 801.3=82(045/046):26
DOI 10.36622/AQMPJ.2022.86.27.008

Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук, доцент,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Кузьминых Е.О.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-900-928-52-23
e-mail: elshka-82@yandex.ru

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Новикова М.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-919-246-6211
e-mail: litra.novikov@yandex.ru

Voronezh State Technical University
Doctor of Philology, associate
professor, department chairman,
the chair of Russian language and cross-cultural
communication,
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor

Kuzminykh E.O.
Russia, Voronezh, tel. +7-900-928-52-23
e-mail: elshka-82@yandex.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor

Novikova M.V.
Russia, Voronezh, tel. +7-919-246-6211
e-mail: litra.novikov@yandex.ru

С.А. Скуридина, Е.О. Кузьминых, М.В. Новикова

МОСКВА В ВОСПРИЯТИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО, М.А. БУЛГАКОВА И С.А. ЕСЕНИНА

В данной статье рассматривается восприятие образа Москвы в творчестве Ф.М. Достоевского, М.А. Булгакова и С.А. Есенина, биографии которых так или иначе связаны с этим городом. Особое внимание авторы статьи обращают на встраивание образа московского пространства в контекст определенного времени. Как следствие, анализируется не только употребление самого топонима «Москва», но и московская топонимика, которая может быть связана с определенным временным срезом. Авторами статьи также рассматривается и субъективный план «московского текста», то есть отношение к Москве самих мастеров слова и их героев (если речь идет о прозе). В статье отмечается, что в романах Ф.М. Достоевского Москва во многом противопоставлена Петербургу и чаще всего олицетворяет прошлое; в произведениях М.В. Булгакова Москва постепенно приобретает мистические черты и помещена писателем в мифологический контекст, будучи рассматриваемой писателем как «второй Петербург» и одновременно как «второй Вавилон»; в поэзии Сергея Есенина «московское пространство» представлено главным образом в цикле «Москва кабацкая», в котором оно «вплетается» в самопредставление лирического героя и становится фоном, на котором разворачивается его внутренняя драма.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, М.А. Булгаков, С.А. Есенин, «московский текст», авторская биография.

S.A. Skuridina, E.O. Kuzminykh, M.V. Novikova

MOSCOW IN THE PERCEPTION OF F.M. DOSTOEVSKY, M.A. BULGAKOV AND S.A. ESENIN

The present article is an attempt to analyze how “Moscow text” is constructed by the Fedor Dostoevsky, Mikhail Bulgakov and Sergey Esenin whose biography is connected with Moscow in some way. Special attention is paid to the incorporation of the image of Moscow space into the context of a certain period of time. As a consequence, not only the usage of the name ‘Moscow’ is analyzed but also Moscow toponymy which can reflect the time phase. The authors of the article also consider a subjective component of “Moscow text”, that is the vision of Moscow of the writers and their characters (in the prosaic pieces). It is concluded that Moscow in Dostoevsky’s novels is opposed to St.-Petersburg and associated with the past; in Bulgakov’s writings the city is getting mystical treats being situated into the mythological context and sited as “the second Petersburg” and “the second Babylon” at the same time; in Esenin’s poetry “Moscow space” is presented mainly in the cycle “Tavern Moscow” in which it is integrated in the self-presentation of the lyrical hero being as a background of his inner drama.

Key words: F.M. Dostoevsky, M.A. Bulgakov, S.A. Esenin, “Moscow text”, author’s biography.

В XIX веке Москва в русском сознании становится олицетворением русской самобытности, антиподом Петербурга, выступающего образцом города западного типа и средоточием европейской культуры; на это указывает М.В. Отрадин в работе «Петербург в русском очерке XIX века» [1]. Подобная «оппозиция» двух городов потребовала осмысления и отражения в произведениях литературы. Неслучайно во всех произведениях Ф.М. Достоевского Москва и Петербург противопоставляются, например, в романе «Бесы» Степана Трофимовича Верховенского, занимающегося литературным творчеством, Варвара Петровна Ставрогина везет в Москву, «где у ней было несколько изящных литературных и ученых знакомств; но оказалось, что и Москва неудовлетворительна», в связи с чем «решено было ехать в Петербург без малейшего отлагательства» [2, т. 10, с. 20].

С 1820-30-х годов в русской литературе бытует петербургский миф («Медный всадник» А.С. Пушкина, «Петербургские повести» Н.В. Гоголя), и Ф.М. Достоевский, являющийся одним из создателей петербургского текста, к образу Москвы обращается нечасто. Тем не менее, топоним «Москва» упоминается практически в каждом романе писателя.

Неточка Незванова в одноименном романе попадает в Москву в дом старой тетки князя, который рассказчик именует «московским теремом», на обитательниц которого «смотрели как на хранительниц всех аристократических заветов и преданий, как на живую летопись коренного боярства» [2, т. 2, с. 190]. Подобный образ Москвы – хранительницы русской старины с боярским и купеческим бытом – возникает в романе «Бедные люди», где Быков говорит Вареньке Доброселовой, что в случае ее отказа «принужден будет жениться в Москве на купчихе» [2, т. 1, с. 100]. Макар Девушкин в последней своей речи в романе сетует: «Ах, зачем это он в Москве на купчихе не женился? Уж пусть бы он там на ней-то женился! Ему купчиха лучше, ему она гораздо лучше бы шла; уж это я знаю почему!» [2, т. 1, с. 106]. Как видим, с образом Москвы вводится в роман мотив судьбы, Москва предоставляет альтернативный вариант развития жизни. В повести «Белые ночи» жилец уезжает в Москву, предварительно уверив Настеньку: «Слушайте: я еду в Москву и пробуду там ровно год. Я надеюсь устроить дела свои. Когда ворочусь, и если вы меня не разлюбите, клянусь вам, мы будем счастливы» [2, т. 2, с. 125].

Судьбоносной становится встреча Дмитрия Карамазова и Катерины Ивановны Верховцевой, произошедшая в Москве, здесь же зарождается любовь Ивана к невесте Мити, Лиза Хохлакова влюбляется в Алешу Карамазова также в Москве («Милый Алеша, я вас люблю, люблю еще с детства, с Москвы...» [2, т. 14, с. 146], в Москве у Свидригайлова возникает мысль «добиваться руки Авдотьи Романовны и соперничать с господином Лужиным» [2, т. 6, с. 222]. Восприятие Москвы как города, где происходит зарождение чувств, связано с тем, что именно в Москве в XIX веке была главная ярмарка невест, куда из разных городов свозили девиц на выданье (вспомним пушкинскую Татьяну Ларину): «Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками», – замечает А.С. Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург».

В творчестве Ф.М. Достоевского начало жизни многих героев, получение образования связано также с Москвой: в Москве до приезда в Скотопригоньевск живут братья Карамазовы, Аркадий Долгорукий учится в пансионе Тушара, расположенном в Москве, Степан Трофимович Верховенский «воспитан был с самого малолетства в одном знатном доме в Москве и, стало быть, прилично» [2, т. 13, с. 16], Варвара Петровна Ставрогина воспитывалась «в благородном пансионе в Москве» [2, т. 10, с. 19]. Смердяков, отданный в Москву в ученье, возвращается в имение Карамазовых «превосходным поваром» и мечтает разбогатеть в

Москве: «Я, положим, только бульонщик, но я при счастье могу в Москве кафе-ресторан открыть на Петровке. Потому что готовлю специально, а ни один из них в Москве, кроме иностранцев, не может подать специально» [2, т. 14, с. 205]. Мечты Смердякова о богатстве соотносятся с сетованиями одного из заключенных Мертвого дома – Скуратова: «я не успел, братцы, настоящим образом в Москве разбогатеть. А очень, очень, очень того хотел, чтоб богатым быть. И уж так мне этого хотелось, что и не знаю, как и сказать» [2, т. 4, с. 71]. Желание разбогатеть не всегда реализуется законным путем, в связи с чем в романе «Преступление и наказание» упоминается заметка, размещенная в «Московских ведомостях» о том, «что в Москве целую шайку фальшивых монетчиков изловили» [2, т. 6, с. 126]. Как видим, можно говорить о ретроспективности и перспективности событий, связанных в текстах Ф.М. Достоевского с Москвой, настоящая же жизнь героев вписана в хронотоп каменного города – Петербурга («Бедные люди», «Преступление и наказание» и др.) или в провинциальный хронотоп – Мордасов, город Т., Скворешники, Скотопригоньевск («Дядюшкин сон», «Бесы», «Братья Карамазовы») [3].

Полагаем, что образ Москвы, видимый в романы Ф.М. Достоевским, автобиографичен: в Москве писатель родился, провел годы детства и раннего юношества, приезжал впоследствии по делам. В 1880 году в письме В.М. Каченовскому Ф.М. Достоевский писал, вспоминая пребывание в пансионе Чермака: «Бывая в Москве, мимо дома в Басманной всегда проезжаю с волнением» [2, т. 30 (1), с. 218].

Упоминание московских улиц с предельной точностью их топографического описания дает возможность Ф.М. Достоевскому ввести в художественный текст исторический хронотоп: Смердяков, желая разбогатеть, верен в своих расчетах, так как планирует обустроиться на одной из старинных центральных улиц Москвы – *Петровке*, которая «в XIX – начале XX в. стала одним из торговых центров Москвы, где возникли многочисленные лавки и «торговые галереи» (пассажи)» [4, с. 343]. *Кузнецкий мост* – основная торговая улица, где располагались во времена Ф.М. Достоевского модные магазины, поэтому после ревизии платья у Аркадия Долгорукого Татьяна Павловна везет его на эту улицу, о которой говорит Альфонсина: «на Кузнецком мосту, совсем рядом с магазином господина Андриэ, – вы, конечно, знаете: парижские новинки, модные изделия, белье, сорочки...» [2, т. 13, с. 277]. На *Арбате*, являющейся одной из самых аристократических улиц со второй половины XVIII века, располагается дом Фанариотовой.

Таким образом, в творчестве Ф.М. Достоевского Москва – символ патриархальной самобытности – чаще выступает олицетворением давно прошедшего, тогда как настоящее героев неразрывно связано с Петербургом.

В жизни и творчестве М.А. Булгакова особое место занимает Москва, ставшая не только местом обитания писателя и фоном для раскрытия сюжетов, но и полноправным героем его произведений. Полнота в описании конкретных деталей московского пространства, универсальность в изображении индивидуально-типического в облике столицы позволило исследователям говорить о Булгакове, как об одном из «основоположников, записавших первые страницы «московского текста» [5, с. 8], как о писателе, которому принадлежит «первейшее место в освоении именно московского космоса 20-х гг.» [6, с. 238].

В отличие от большинства исследователей, которые при изучении различных аспектов «московского текста» М.А. Булгакова опираются на такие произведения, как «Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце», «Мастер и Маргарита», мы посчитали возможным ограничить анализируемый материал малой прозой 1920-х годов и эпистолярным наследием писателя, так как именно здесь следует искать истоки главных тем, мотивов и образов, заложивших основу для формирования «московского текста» писателя.

Непосредственное погружение Булгакова в московское пространство произошло в 1921 году, когда он переезжает в столицу на постоянное место жительства, однако мечта о ней появилась у писателя значительно раньше. В письме от 31 декабря 1917 года он замечает: «Мучительно тянет меня вон отсюда в Москву, или в Киев, туда, где, хоть и замирая, но все же еще идет жизнь» [7, т. 10, с. 50]. Но, попав в Москву, писатель осознает, что его представления о ней далеки от реальности, «теперь она неузнаваема» [7, т. 1, с. 98].

Одним из ключевых эпитетов, описывающих его восприятие московской жизни является «*новый*». В письмах родным Булгаков замечает, что в Москве идет «бешенная борьба за существование и приспособление к новым условиям жизни» [7, т. 10, с. 65]; она «переходит к *новой, невиданной* в ней давно уже жизни – яростной конкуренции, беготни, проявлении инициативы и т.д. Вне такой жизни жить нельзя, иначе погибнешь» [7, т. 10, с. 65]. Знаковой характеристикой московского пространства становится движение: «Москва оживлена чрезвычайно. Движения все больше» [7, т. 10, с. 103], «до поздней ночи движение» [7, т. 10, с. 100], «зверская беготня» [7, т. 10, с. 219] и т.д. По мнению писателя, характер москвичей определяется движением – они «зубастые, напористые, летящие, спешащие, американизированные» [7, т. 1, с. 303].

Одной из узнаваемых характеристик Москвы является ее звучание. Первым звуком Москвы, описанной автором в «Записках на манжетах», становится «взрыв голосов» [7, т. 1, с. 145], которые характеризуют

ются автором, как демонические. Дальнейшие впечатления только усиливаются: «воздух звенит от гомона бесчисленных торговцев» [7, т. 1, с. 100], «режут воздух крики мальчишек», «слышится взвизгивание скрипок» [7, т. 1, с. 101], «авто свистят, каркают, как из пулемета стреляют» [7, т. 1, с. 164] и т.д. Звуки характеризуют московское пространство как хаотичное и дисгармоничное.

Столица «душная», люди в ней «задыхаются» [7, т. 1, с. 103]. Духота – это скорее температурная характеристика, нежели одорическая. Хотя запах Москва у Булгакова тоже имеет: она «чудная какая-то клоака» [7, т. 1, с. 107], где смешались «удушливые клубы» [7, т. 1, с. 213] сигаретного дыма, запах портвейна, махорки, масляной краски, жареного и духов.

Одной из особенностей Москвы следует считать цветовую неоднородность, пестроту. Столица видится писателю как «буйная гамма ярких красок» [7, т. 1, с. 99]. Ее пространство карнавалено, празднично, толпа в трамвае напоминает «пестрый маскарад» [7, т. 1, с. 165], «нельзя представить себе загадочную великую Москву 1923 отпечатанной в одну краску. Это спектр» [7, т. 1, с. 124]. Яркие краски Москвы соседствуют с описанием ее пространства как бездны, тьмы, которую рассеивает электрический свет и огонь. В художественном мире писателя электрический свет становится признаком антимира, а огонь имеет бесовскую природу, является частью эсхатологического мифа.

Пространство столицы перенасыщено товарами, трамваями, извозчиками, зданиями, но более всего оно наполнено человеческой массой. Создается ощущение, что столица – город узкий, тесный, а ее обитатели лишены индивидуальности: «на обледеневших тротуарах толчея пешеходов» [7, т. 1, с. 99], «пестрая, многолика масса» [7, т. 1, с. 165], «вечером на бульварах толчея» [7, т. 1, с. 167].

Выделенные нами черты Москвы противостоят основным жизненным ценностям автора, больше всего ценящего «покой» [7, т. 10, с. 83], обретение которого возможно только внутри дома. В письмах родным писатель неоднократно жалуется на бездомность, отсутствие чувства оседлости. Утрата домашнего пространства приводит к исчезновению из текстов писателя одной из основных составляющих «московского» мифа: представление о столице как о городе «домашнем» и «гостеприимном», что, по мнению Е.Е. Левкиевской, является чертой «ностальгической» Москвы [8, с. 828].

В столице дом лишается индивидуальности, его место занимает – жилище: в фельетоне «Москва 20-х годов» квартира – это помещение, напоминающее «телефонную трубку» [7, т. 1, с. 94]; в рассказе «Площадь на колесах» – это трамвай.

Наряду с Домом наивысшей духовной ценностью в аксиологической системе писателя является Храм. В символическом плане городское пространство «существует на трех уровнях – подземном, среднем и небесном. Связь города с небом и собственной небесной проекцией выражается главным городским храмом» [9, с. 110]. В фельетоне «Сорок сороков» рядом с торгующей Тверской и шумной Страстной площадью появляется упоминание о погибающих церквях: «Параскева Пятница глядит печально и тускло. Говорят, что ее снесут. Часовню, что была на маленькой площади, там, где Тверская скрещивается с Охотным и Моховой, уже снесли» [7, т. 1, с. 240]. Москва – город, не желающий сохранять свои духовные центры, что, как полагает Е.Е. Левкиевская, становится основной чертой «Второго Вавилона» (Идея, возникшая после революции внутри концепции Москва «Третий Рим» и в противовес ей <...> Сразу после революции “вавилонизация” началась с разрушения и осквернения московского архитектурного пространства, а именно того, которое имело особый сакральный смысл») [9, с. 829].

Сакральными центрами города остаются только Храм Христа Спасителя, едва ли не единственное место, где «пусто» и виден «воздушный столб до самого синего неба» [7, т. 1, с. 163], и Кремль, о котором Булгаков писал, как о своей «нежной и единственной любви» [7, т. 10, с. 130]. Кремль упоминается писателем в произведении «Москва краснокаменная», как место, откуда в тишине «разносится таинственный нежный перезвон» [7, т. 1, с. 166].

В немалой степени демонизации столицы в булгаковских текстах способствует частичное наложение московского и петербургского мифов. М. Золотоносов полагает, что «в булгаковских описаниях столицы акцент был сделан не на утверждающем пафосе (Москва-Третий Рим), а на мифологических чертах, не лишённых оттенков инфернальности (Москва-Второй Петербург)» [10, с. 159].

По мнению В.Н. Топорова, поставившего вопрос о существовании единого «петербургского текста», одной из особенностей Петербурга является его окраинное положение «на рубеже суши и моря», «мотивы тумана, дождя, сырости, слякоти, снега и т.п.» [11, с. 299]. Ю.М. Лотман, развивший концепцию, предложенную В.Н. Топоровым, разделил города на две больших группы: концентрические (Москва) и эксцентрические (Петербург).

В текстах М.А. Булгакова происходит наложение московского и петербургского мифов. Булгаковская Москва обретает черты эксцентрического города. Во-первых, она перестает быть городом-центром: «Конец.

Самый настоящий, всем концам конец. Больше ехать некуда. Это Москва» [7, т. 1, с. 144]. Во-вторых, с ней оказывается связан мотив торжества водной стихии: в фельетоне «Шансон Де-Этэ» во время дождя тонут женщины на Неглинной, в рассказе «Столица в блокноте», московский знакомый героя «тонет» в бездне города [7, т. 1, с. 212] и др. Наконец, на соответствие двух столиц в произведениях Булгакова указывают и явные текстологические и сюжетные параллели с произведениями писателей-творцов петербургского текста: Достоевского и Гоголя.

Стоит отметить, что московский текст М.А. Булгакова опирается не только на мифологемы *Москва – второй Вавилон* и *Москва-второй Петербург*, но и отсылает нас к традиционной городской мифологии сложившейся в дореволюционный период. По своему месторасположению Москва относится к концентрическим городам, одной из черт которых является расположение на горах. В очерке «Сорок сороков» автор мечтает влезть на Воробьевы горы, чтобы посмотреть «как горят сорок сороков на семи холмах, как дышит, блестит Москва, Москва-мать» [7, т. 1, с. 241], в «Записках на манжетах» верхней точкой пространства оказывается Дом Советов, с крыши которого видны маковки «сорока сороков», построенных на «семи холмах». В мечтах и памяти писателя столичное пространство сакрально. Духовная наполненность Москвы способствует актуализации базирующегося на теории «Москва-Третий Рим» представления о Москве как символе государственности. В фельетоне «Столица в блокноте» она названа «великой» [7, т. 1, с. 224], а в «Бенефисе лорда Керзона» – «Москва, город громадный, город единственный, государство, в нем только и можно жить» [7, т. 1, с. 264].

Из идеи «город-государство» проистекает идея Москва – «мать русских городов», которая находит воплощение в уже упоминаемом нами очерке «Сорок Сороков»: «Москва – мать, Москва – родной город» [7, т. 1, с. 234]. Вполне закономерно, что обозначенная нами мифологема «Москва-мать» формирует внутри себя мифологему «Москва-дом». Булгаков неоднократно в письмах и рассказах называет Москву домом.

Проанализировав особенности «московского текста» М.А. Булгакова, мы можем сделать следующие выводы. В «малой прозе» писателя сложно сосуществуют два лика столицы. Москва сакральная, являющаяся частью памяти и надежд писателя, имеющая явные черты концентрического города. В основе формирования этого образа города лежит теория «Москва – «третий Рим». Другое пространство столицы можно обозначить как Москва дьявольская, соотносящаяся с идеями «Москва – второй Вавилон» и «Москва – второй Петербург». Эксцентрическая модель города вобрала в себя такие черты как инфернальность, запутанность, странность, бездуховность.

Для С.А. Есенина Москва является особенно важным локусом, несмотря на то, что поэт прожил там сравнительно немного – всего девять лет своей жизни, многое он открыл для себя именно там: «работал в типографии <...> посещал собрания Суриковского литературного-музыкального кружка, получил неплохое образование в Университете Шанявского <...> создал «Орден имагинистов» [12, с. 120]. Во время поездки в Европу С. Есенин напишет своему другу и соратнику по перу А. Мариенгофу: «В голове у меня одна Москва и Москва. Даже стыдно, что так по-чеховски» [9, с. 274]. Несмотря на любовь к столице, на славу, обретенную во многом благодаря интересу московской публики, Москва сыграет неоднозначную роль в жизни поэта. В этом аспекте особенно важным становится цикл стихотворений С.А. Есенина «Москва кабацкая», задуманный в 1923 году, но увидевший свет только в 1924 году, за год до трагической смерти автора. После возвращения из Европы Есенин: «После заграницы я смотрел на страну свою и события по-другому» [13, с. 189].

Цикл «Москва кабацкая» включает четырнадцать стихотворений, из которых лишь в трех есть прямое упоминание Москвы («Ты прохладой меня не мучай...», «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «Я обманывать себя не стану...»), однако заголовок цикла дает осознание того, что действия происходят именно в столице. Москва в поэзии Есенина предстает многоаспектным городом. А. Мариенгоф отмечал, что С. Есенин «не умел писать и не писал без жизненной подкладки» [14, с. 68]. В стихотворении «Я обманывать себя не стану...» (1922 г.), герой делает попытку личностного самоосмысления: «Залегла забота в сердце мглистом / Отчего прослыл я шарлатаном? / Отчего прослыл я скандалистом?» [15, с. 83]. Период создания стихотворения приходится на время увлечения Есенина идеями имагинизма. Отсюда смена имиджа героя: «Я хожу в цилиндре не для женщины» [16, с. 170]. «Заметный издалика, сияющий отраженным светом цилиндр – это не просто головной убор, а знак исключительности <...> это метафора, включенная в игру парадоксальных антитез. Цилиндр эффектно диссонирует с крестьянским прошлым поэта» [17, с. 229]. Замена крестьянской рубахи на европейский костюм действительно принесет поэту славу по всей Москве и за ее пределами. Внешний антураж будет сопровождаться эпатажной манерой поведения, свойственной всем имагинистам: написание на стенах Страстного монастыря цитат из собственных стихотворений, замена табличек с подлинным названием московских улиц на таблички с собственной фамилией. Все это, несо-

мненно, укрепит в обществе образ «московского озорного гуляки» [15, с. 84]. Москва в восприятии поэта становится сценой, на которой он готов выступить в новом амплуа имажиниста.

Самоанализ лирического героя в синтезе с заявлениями о новом литературном витке в его творчестве можно увидеть и в стихотворении «Все живое особой метой» (1922 г.): «Если не был бы я поэтом, / То, наверное, был мошенник и вор <...> Беспокойная, дерзкая сила на поэмы мои пролилась/ <...> Как тогда, я отважный и гордый, / Только новью мой брызжет шаг...» [15, с. 80]. Поэтическое творчество становится спасительной силой для героя, выстраивая ему путь к славе, хотя сам герой не отрицает иного расклада в собственной жизни. Здесь вновь образ Москвы реализуется в сопоставлении с увлечениями героя имажинизмом. Интересно употребление такой лексемы как *вязь* – «старинное декоративное орнаментальное письмо, а также соединение, сплетение нескольких букв в один сложный знак» [18]. В данном контексте под вязью С.А. Есенин, скорее всего, подразумевает архитектурное письмо Москвы, а именно множество храмов и древних строений, вплетающихся в современный ландшафт города, создающий его общий облик. Процесс возведения города в этом смысле очень схож с поэтическим творчеством. Идея орнаментальной поэзии была изложена Есениным еще в 1918 году в философском трактате «Ключи Марии», где поэт отмечает: «Орнамент-это музыка. Ряды его линий в чудеснейших и весьма тонких распределениях похожи на мелодии какой-то одной вечной песни <...> никто так прекрасно не слился с ними <...> как наша древняя Русь» [19, с. 597]. Для поэта Москва становится поликодовым текстом. Об этом свидетельствует и другое его стихотворение «Да! Теперь решено. Без возврата»: «Я люблю этот город вязевый,/ Пусть обрызг он и пусть одрях./ Золотая дремотная Азия / Опочила на куполах» [15, с. 84]. Городской орнамент не мог остаться незамеченным героем Есенина, эта древняя мудрость, воплощенная в архитектурных строениях, становится источником вдохновения. Образ Москвы-сцены сменяется на образ Москвы, выступающей источником исторической памяти.

Одновременно с изменением состояния лирического героя, который претерпевает переход от «озорного гуляки» к глубоко страдающему и недовольному сложившейся действительностью человеку, появляется и двойственность в восприятии образа столицы. Этот переход наблюдается уже в ранее упомянутом стихотворении «Все живое особой метой» (1922 г.): «Если раньше мне били в морду, то теперь вся в крови душа» [15, с. 80]. Героя не веселит окружающая его действительность, что выражается введением в стихотворение лексемы *камень*: «Ничего! Я споткнулся о камень, / Это к завтраму все заживет» [15, с. 80]. В детских воспоминаниях камень – причина разбитого в драке носа, но вскоре ребяческие истории деревенских лет уступают место суровой реальности города Москва, где камень становится олицетворением общества («хохочущего сброда»). Метафорическое наполнение лексемы *камень* дает возможность достроить семантическое поле, воссоздав образ белокаменной Москвы, но на этот раз не хранилища древних традиций, а холодной и деспотичной локации. Как отмечает исследователь В.Н. Калущков: «Среди фольклорных образов Москвы выделяются властно-исторические образы столицы (белокаменная, Кремль, Красная площадь)» [20, с.4]. В городской локации камень становится частью города, властного и подавляющего личностное начало в человеке.

С подобным мы сталкиваемся и в стихотворении «Мир таинственный, мир мой древний»: «Вот сдавили за шею деревню / Каменные руки шоссе» [15, с. 80]. Здесь вновь выстраивается антитеза: город-деревня, где город вновь выступает каменным агрессором. Как отмечает А.А. Алексеева: «Москва кабацкая» создается Есениным в те дни, когда жизнь поэта поделена на «до» и «после», где «до» – это тишь и благодать родной рязанской земли, а «после» – мир городской, во многом чуждый деревенскому сердцу поэта [21, с. 104]. Действительно, многие стихотворения цикла выстраивают антитезу между райской, но утраченной деревенской жизнью, и гнетущей цивилизованной жизнью Москвы: «Город, город, ты в схватке жестокой / Окрестил нас как падаль и мразь. / Стынет поле в тоске волоокой, Телеграфными столбами да-вьясь» [15, с. 80] и др.

Описывая доминирующую агрессию города по отношению к исчезающей деревне, герой вовсе не выбирает роль борца и даже не стремится к возвращению в родную стихию. Осознавая, что только в деревне он был по-настоящему счастлив, герой, напротив, уходит от саморефлексии, смиряясь с идентификацией себя как «шарлатана», «скандалиста», «гуляки» и «похабника» [15, с. 84]. Именно Москва становится отправной точкой распространения «дурной славы»: «И известность моя не хуже, –/ От Москвы по парижскую рвань / Мое имя наводит ужас, / Как заборная громкая брань» [15, с. 98]. Здесь уже не идет речь об игре имажиниста, завоевывающего славу народа через скандал, это, скорее, реальная трагедия героя, смирившегося и поверившего в образ, им же созданный: «Было время, когда из предместья / я мечтал по-мальчишески – в дым, / Что я буду богат и известен / И что всеми я буду любим» [15, с. 98]. Но мечты сменяются реальным падением героя: «Я иду, голову свесив, / Переулком в знакомый кабак <...> Я такой

же, как вы пропащий, / Мне теперь не уйти назад» [15, с. 85]. Москва становится кабаком, в котором «пьют здесь, дерутся и плачут/ под гармоники желтую грусть» [15, с. 85]. Ю.Л. Прокушев отмечает: «Поэт как бы заставляет лирического героя «Москвы кабацкой» пройти один за другим круги своеобразного Дантова ада» [22, с. 17]. В таком случае последний круг ада Московской именуется «кабаком», смертельно опасным для лирического героя. Поэтому частотным становится мотив смерти: «На московских изогнутых улицах/ Умереть, зная, судил мне бог» [15, с. 85], «Что пришло процветать и умереть» [7, с. 83], «Друг мой, друг мой, прозревшие вежды / Закрывает одна лишь смерть» [15, с. 82], «Я хочу при последней минуте / Попросить тех, кто будет со мной, –/ Чтоб за все за грехи мои тяжкие, / За неверие в благодать / Положили меня в русской рубашке / Под иконами умирать» [15, с. 94]. Обращение к биографии писателя делает очевидным, что строки из стихотворений цикла стали пророческими: несмотря на то, что умер С. Есенин в Ленинграде, похоронен он на Ваганьковском кладбище в Москве.

Несмотря на название цикла «Москва кабацкая», где во многом центральным становится образ кабака как пристанища загубленной души героя, Москва для Есенина становится и городом, где происходит развитие творческого потенциала.

Таким образом, выбор деталей для выстраивания «московского текста», указывает на конкретно-исторический контекст, который может перерастать в мифологический; с другой – на субъективное отношение авторов к Москве, которое тесно связано как с подробностями их биографии, так и с особенностями психологии, мировоззрения и т.д. Каждый из исследуемых авторов вводит в свой художественный текст оригинальные хронологические пространственные приметы, хронологические образы, характеризующие Москву разных эпох.

Библиографический список

1. Петербург в русском очерке XIX века / Сост. М.В. Отрадин. Л., 1984. 375 с.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972–1988.
3. Скуридина С.А. Ономастические координаты старорусского и петербургского текстов Ф. М. Достоевского // Притяжение Севера: язык, литература, социум: материалы I Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. 2018. С. 580-589.
4. Имена московских улиц / сост. С.В. Евгенов, Г.К. Ефремов, В.Н. Крылов и др. М.: Московский рабочий, 1979. 564 с.
5. Голубков М.М. Мистический писатель. Москва и «московский текст» в модернистской эстетике М.А. Булгакова // Филологическая регионалистика. 2011. Вып. 1. С. 7-17.
6. Корниенко Н.В. Москва во времени (Имя Петербурга и Москвы в русской литературе 10-30х гг. XX в.) // Москва в русской и мировой литературе. Сборник статей. : Ин-т мир. лит. им. М. Горького Рос. акад. наук / под ред. Н.Д. Блудилина, С.А. Небольсина. М.: Наследие, 2000. С. 210–248.
7. Булгаков М.А. Собрание сочинений в 10-ти тт. М.: «Голос», 1995–1999.
8. Левкиевская Е.Е. Москва в зеркале современных православных легенд // Лотмановский сборник / ред.-сост. Е.В. Пермяков. М.: О.Г.И. РГГУ, 1997. Вып.2. С. 805–835.
9. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. 608 с.
10. Золотоносов М. «Родись второрождением тайным...» (Михаил Булгаков: позиция писателя и движение времени) // Вопросы литературы. 1989. № 4. С. 149–184.
11. Топоров В.Н. Петербург и «петербургский текст» русской литературы (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исслед. в обл. мифопоэтического: Избранное / ред. В.П. Руднев. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 259–367.
12. Савченко Т.К. «Лучше всего, что я видел в этом мире...»: Москва в жизни и творчестве Есенина // Москва и "московский текст" в русской литературе. Москва в судьбе и творчестве русских писателей: материалы межвузовского научного семинара / Под ред. Н.М. Малыгиной. М., 2010. С. 120-127.
13. Есенин С.А. Собрание сочинений в 3-х тт. Том III. М.: Правда, 1977.
14. Хуттунен Т. Имажинист Мариенгоф: Денди. Монтаж. Циники. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 272 с.
15. Есенин С.А. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1983. 432 с.
16. Есенин С.А. Собрание сочинений в 3-х тт. Том I. М.: Правда, 1977.
17. Лекманов О., Свердлов М. Сергей Есенин: биография. М.: Астрель: CORPUS, 2012. 608 с.
18. Вязь // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/brockhaus/%D0%92%D1%8F%D0%B7%D1%8C> (дата обращения – 10.04.2021).

19. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Издательство АЛЬФА_КНИГА», 2012. 719 р.
20. Калущков В.Н. О москвоцентричности российского пространства. Социально-экономическая география // Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 130-145.
21. Алексеева А.А. «Москва кабацкая» С.А. Есенина как художественное единство // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 3. С. 103-106.
22. Прокушев Ю.Л. Прозрения гения (Штрихи к портрету Героя Летописи) // Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Т.1. С. 17-18.

References

1. Petersburg in the Russian essay of the XIX century / Comp. M.V. Otradin. L., 1984. 375 p.
2. Dostoevsky F.M. Complete works in 30 volumes. L.: Nauka, 1972-1988.
3. Skuridina S.A. Onomastic coordinates of the Old Russian and St. Petersburg texts of F.M. Dostoevsky // Attraction of the North: language, literature, society: materials of the I International Scientific and Practical Conference. In 2 parts. 2018. pp. 580-589.
4. Names of Moscow streets / comp. S.V. Yevgenov, G.K. Efremov, V.N. Krylov, et al. M.: Moskovsky rabochy, 1979. 564 p.
5. Golubkov M.M. Mystical writer. Moscow and the "Moscow text" in the modernist aesthetics of M.A. Bulgakov // Philological regionalism. Russian Russian Literature 2011. Issue 1. pp. 7-17.
6. Kornienko N.V. Moscow in time (The name of St. Petersburg and Moscow in Russian literature of the 10-30s of the XX century) // Moscow in Russian and World literature. Collection of articles. : In-t mir. lit. im. M. Gorky Russian Academy of Sciences / edited by N.D. Bludilin, S.A. Nebolsin. M.: Heritage, 2000. pp. 210-248.
7. Bulgakov M.A. Collected works in 10 volumes. M.: "Voice", 1995-1999.
8. Levkievskaya E.E. Moscow in the mirror of modern Orthodox legends // Lotman collection / ed.-comp. E.V. Permyakov. M.: O.G.I. RGGU, 1997. Issue 2. pp. 805-835.
9. Encyclopedia of symbols, signs, emblems. M.: Eksmo; St. Petersburg: Midgard, 2005. 608 p.
10. Zolotonosov M. "Be born a secret rebirth ..." (Mikhail Bulgakov: the writer's position and the movement of time) // Questions of literature. 1989. No. 4. pp. 149-184.
11. Toporov V.N. Petersburg and the "Petersburg text" of Russian literature (Introduction to the topic) // Toporov V.N. Myth. The ritual. Symbol. Image: Explore. in the region of the mythopoetic: Favorites / ed. V.P. Rudnev. M.: Progress Group Publishing House, 1995. pp. 259-367.
12. Savchenko T.K. "The best thing I've seen in this world ...": Moscow in the life and work of Yesenin // Moscow and the "Moscow text" in Russian literature. Moscow in the fate and work of Russian writers: materials of the interuniversity scientific seminar / Edited by N.M. Malygina. M., 2010. pp. 120-127.
13. Yesenin S.A. Collected works in 3 volumes. Volume III. M.: Pravda, 1977.
14. Huttunen T. Imagist Marienhof: Dandy. Mounting. Cynics. M.: New Literary Review, 2007. 272 p.
15. Yesenin S.A. Selected works. M.: Art. lit., 1983. 432 p.
16. Yesenin S.A. Collected works in 3 volumes. Volume I. M.: Pravda, 1977.
17. Lekmanov O., Sverdlov M. Sergey Yesenin: biography. M.: Astrel: CORPUS, 2012. 608 p.
18. Vyaz // Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary [electronic resource]. URL: <https://gufo.me/dict/brockhaus/%D0%92%D1%8F%D0%B7%D1%8C> (accessed 10.04.2021).
19. Yesenin S.A. Complete works in one volume. Moscow: Publishing House ALPHA_KNIGA", 2012. 719 p.
20. Kalutskov V.N. On the Muscovocentricity of the Russian space. Socio-economic geography // Bulletin of the Association of Russian Geographers and Social Scientists. 2018. No. 7. pp. 130-145.
21. Alekseeva A.A. "Moscow kabatskaya" S.A. Yesenin as an artistic unity // Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. 2015. Vol. 21. No. 3. pp. 103-106.
22. Prokushev Yu.L. Insights of genius (Strokes to the portrait of the Hero of the Chronicle) // Chronicle of the life and work of S.A. Yesenin: In 5 volumes. M.: IMLI RAS, 2003. Vol. 1. pp. 17-18.

УДК 811.161.1, 373.232

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.48.96.009

*Смоленский государственный университет
доктор филологических наук, профессор
Королева И.А.
Россия, г. Смоленск, тел. +7-910-780-0272
e-mail: innakor@mail.ru*

*Smolensk State University
Doctor of Philology, professor
Koroleva I.A.
Russia, Smolensk, tel + 7-910-780-0272
e-mail: innakor@mail.ru*

И.А. Королева

ОБРАЗ МАЛОЙ РОДИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СМОЛЕНСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

В статье рассматривается образ малой родины в творчестве представителей Смоленской поэтической школы, особого литературного объединения, выделенного известным советским критиком и литературоведом А.В. Македоновым еще в 1960 году. Дается краткий литературный обзор имен поэтов, включенных в ее состав. Мотивируется само выделение названного объединения в рамках контекста советской поэзии. Анализируются особые характеристики творчества представителей школы, главная из которых – представление в лирических текстах образа малой родины, родной Смоленщины. Рассматриваются языковые средства, с помощью которых представляется образ родного края, среди которых немалое место занимают имена собственные, в частности – топонимы. Доказывается, что любовь к родным местам – одна из главных объединяющих поэтов характеристик, о чем убедительно свидетельствуют приведенные примеры из стихотворений различных представителей Смоленской поэтической школы. Очерчиваются временные рамки существования объединения и выдвигается версия о существовании его и в настоящее время.

Ключевые слова: Смоленская поэтическая школа, А.В. Македонов, представители Смоленской поэтической школы, образ малой родины, топонимы, смоляне - люди труда.

I.A. Koroleva

THE IMAGE OF THE SMALL HOMELAND IN THE WORKS OF REPRESENTATIVES OF THE SMOLENSK POETRY SCHOOL

The article changes the image of the little motherland in the work of a representative of the Smolensk poetic school, a special literary association, an outstanding work of the Soviet critic and literary critic A.V. Makedonov back in 1960. A brief literary review of the poets included in its composition is given. Motivated by the self-expression of the named association in the context of the context of Soviet poetry. The features of the work of the representative school are analyzed, the main of those present is the representation in the lyrical texts of the image of the Little Motherland, the native Smolensk region. The linguistic means that use the considered image of the native land are considered, among which a significant place is occupied by private ones, in particular toponyms. It is proved that love for native places is one of the main unifying characteristics of poets, which is convincingly demonstrated by the examples of various Smolensk poetic schools. The time frame of the association is outlined and a version is put forward about its subordination at the present time.

Key words: Smolensk poetic school, A.V. Makedonov, representatives of the Smolensk poetic school, the image of the little motherland, toponyms, Smolensk workers.

В 1960 году появился очерк известного литературного критика А.В. Македонова «О «смоленской» поэтической школе, о ее месте в развитии советской поэзии и о трех юбилеях» [1]. Выделено особое литературное объединение, приведена убедительная мотивация этого выделения и указаны три юбилея (они же основоположники школы): А.Т. Твардовский (родился в 1910 году), М.В. Исаковский (родился в 1900 году) и Н.И. Рыленков (родился в 1909 году).

Как пишет А.В. Македонов, «есть в этих поэтах, несомненно, нечто общее, нечто объединяю-

щее их в пределах того еще более общего, что объединяет всю нашу советскую поэзию. ...с конца тридцатых годов Исаковский, и особенно Твардовский, оказали такое большое влияние на все развитие советской поэзии, что литературные искания и позиции «смоленской школы» стали по существу общими исканиями и позициями целого этапа и стороны развития нашей поэзии» [1, с. 3-4].

А.В. Македонов высказался весьма осторожно по вопросу о выделении особой, именно смоленской, поэтической школы (СПШ), но тем не менее привел убедительные доказательства ее существования. Он проанализировал то общее, что объединяет представителей школы, и то новое, что было привнесено в советскую поэзию «смолянами».

Несомненно, имена Твардовского, Исаковского, Рыленкова – масштабные индивидуальности, однако термин «школа», как никакой другой, передает суть их общности в поэзии, обусловленной объективной реальностью и тем, что они – уроженцы Смоленского края, земли, со сложными историческими судьбами, что, несомненно, наложило отпечаток на все их творчество.

«Путь Твардовского, путь Исаковского, путь Рыленкова – это все самостоятельные дороги, хотя и очень близкие друг к другу, подчас сливающиеся – и каждая из этих дорог пробила какие-то новые туннели, расчистила какие-то новые просеки, построила какие-то новые мосты для общего великого движения к великой цели» [1, с. 7].

Школа не существует только в рамках поэзии ее основателей. А.В. Македонов, помимо трех «наиболее поэтических фигур литературной Смоленщины», назвал еще нескольких поэтов, среди которых отметил имена «несомненно даровитые»: С. Фиксин, И. Василевский, Д. Осин, Д. Дворецкий, И. Рыжиков. Это сподвижники и соратники Твардовского, Исаковского, Рыленкова, но творчество которых не так широко известно российскому читателю. Мы предлагаем некоторые биографические справки.

Дмитрий Павлович Дворецкий – уроженец села Спас-Углы Духовщинского района Смоленской области. Родился он 3 июня 1908 года, в семье кустика-веревочника. Дворецкий рано приобщился к журналистике, стал писать стихи. «Путевку в жизнь» ему выдал А.Т. Твардовский, который в 1930 году пригласил Дворецкого в журнал «Западная область». И до 1953 года Дворецкий работал на ответственных должностях в смоленских газетах, шесть лет был редактором Смоленского книжного издательства. Поэтическая жизнь связана только со Смоленщиной. Первый сборник стихов вышел в 1934 году – «Радость». «Литературная газета» писала в рецензии, что Дворецкому лучше всего удаются стихи о людях труда, о родной Смоленщине, что характерно для всех поэтов СПШ. Участник Великой Отечественной войны Дворецкий вернулся после победы в Смоленск и стал активно писать, заниматься краеведческой работой. Умер в Смоленске в 1998 году [2, с. 72].

Смолянином является и еще один представитель СПШ – Дмитрий Дмитриевич Осин. Он родился в Смоленске 6 сентября 1906 года в семье служащего. Творческий путь его похож на путь Дворецкого и других представителей СПШ. Так, свыше 20 лет он проработал в Смоленске и Брянске в редакциях различных газет, принимал участие в создании Смоленской и Брянской писательских организаций; участник Великой Отечественной войны, после которой вернулся на свою малую родину. Еще в 1938 году появилась его повесть в стихах «Черные годы», в 1941 году – поэма «Катя-Катерина». Писал Осин и прозу, удачно переводил с белорусского. Умер поэт в 1983 году в Москве, где часто печатался в последние годы как прозаик и литературный критик [2, с. 183].

Иван Васильевич Рыжиков родился 7 июля 1922 года в деревне Жорновке Краснинского района Смоленской области. Печатать стихи начал на фронте в армейской газете «На страже Родины» в 1942 году. Часто стихи поэта можно было найти на страницах газет «Красная звезда», «Комсомольская правда», «Советская Россия», в журналах «Октябрь», «Молодой колхозник», в поэтических альманахах. И.В. Рыжиков в основном писал о родной Смоленщине и о войне [3, с. 344]. Умер поэт совсем недавно, в 2019 году, в Подмоскowie, в поселке Томилино.

Очень интересная творческая и жизненная судьба у Сергея Андреевича Фиксина. Родился он в Смоленске 20 июля 1907 года в семье мелкого служащего. Первое стихотворение Фиксина появилось в 1925 году в смоленской молодежной газете «Юный товарищ», а первая книга стихов вышла во Ржеве в 1932 году – «Передовой пост»; она была посвящена комсомолу. В следующем году появилась одноименная поэма о первом годе коллективизации, опубликованная в журнале «Молодая гвардия» (для сравнения можно вспомнить, например, поэму А.Т. Твардовского на ту же тему – «Путь Василия Петрова» (1932)). Как и все поэты СПШ, Фиксин был участником Великой Отечественной

войны, военным корреспондентом. После демобилизации по приглашению редакции газеты «Советская Киргизия» уехал во Фрунзе, где и остался жить и работать. Киргизия стала его второй Родиной.

Вот так интересно повернулась судьба поэта, но все его творчество неразрывно связано с СПШ. Воспоминания о малой родине – постоянный мотив творчества. Он как бы сливается с раздумьями о судьбах Киргизии, что позволяет создать обобщенный образ Родины. Умер С. Фиксин в 1978 году во Фрунзе [3, с. 182 – 184].

Как пишет А.В. Македонов, не всегда особые черты, свойственные поэтам СПШ, принадлежат людям, родившимся и постоянно живущим на Смоленщине. Это можно сказать об И.И. Василевском. Он родился 8 декабря 1911 года в Донбассе, но памятные детские годы прошли на станции Красное, в белорусско-смоленском пограничье. В 1922 году семья переехала на родину отца – в деревню Буково Витебской губернии.

Первые стихи И.Василевского появились еще в школьные годы на белорусском языке.

С 1935 года уже на страницах смоленских газет («Рабочий путь», «Большевицкий молодец») и в журнале «Наступление» стали появляться стихи И. Василевского на русском языке. Не сразу окончательно переехал в Смоленск поэт Иосиф Василевский – это произошло лишь в 1952 году. И с этого времени он погружается в поэзию. По словам самого Василевского, успехами он обязан Смоленскому отделению Союза писателей и чуткому и внимательному отношению к себе Н.И. Рыленкова и М.В. Исаковского. Последний рекомендовал поэта в Союз писателей СССР. Иосиф Василевский – имя двух культур, русской и белорусской. Это поэт, актер, переводчик с русского на белорусский и с белорусского на русский. Много писал для детей. Книги издавались в Смоленске, Москве, Минске. В Минске же и умер поэт в апреле 1994 года [2, с. 39].

Обратимся к основным характеристикам творчества поэтов Смоленской поэтической школы.

Как естественную и одну из главных тенденций Смоленской поэтической школы (сегодня принято писать название с большой буквы и без кавычек) следует признать тенденцию глубокой народности произведений ее представителей. Вершиной этой народности является, безусловно, «Василий Теркин». Образ главного героя стал прецедентным, отмечен в Словаре коннотативных собственных имен Е. Отина [4, с. 347].

Однако народность самым тесным образом «сливается» с выражением глубокой любви к малой родине, родным смоленским местам, что делает эту народность конкретной, зримой и образной.

Вот что писал А.Т.Твардовский: «Для всякого художника, писателя наличие малой родины имеет огромное значение. Есть писатели, читая которых не удастся почувствовать, распознать, откуда они родом – с юга или севера, из города или деревни, есть ли у них своя река или речка.

Но в творениях подлинных художников – и самых больших, и более скромных по своему значению – мы безошибочно распознаем приметы их малой родины. Они принесли с собой в литературу свои донские, орловско-курские, тульские, волжские, уральские и сибирские родные места. Они утвердили в нашем представлении особый облик этих мест: цвета и запахи их лесов и полей, их весны и зимы, отзвуки их песен, своеобразную прелесть местного словечка, звучащего отнюдь не в разладе с законами единого великого языка» [5, с. 14]:

И к Петровне, соседке,

В *хату* просит народ.

И уже на *загнетке* (*шесток русской печи*) [6, вып. 4, с. 55]

Сквородка поет (Твардовский, «Поездка в Загорье», 1939).

В орланской нашей стороне

Где лес, и мох, и топь глухая,

Мне с детства пела мать о льне,

На *кроснах* ткань передвигая (домашний ткацкий станок) [7, вып.5, с. 110] (Осин, «В орланской нашей стороне», 1943).

Тема малой родины у всех поэтов Смоленской поэтической школы – ведущая. Родные места: Загорье, Починок, Смоленск, Красное, Ломня и др., родная Смоленщина в целом – вот конкретные адреса, по которым «живут» лирические герои смолян:

И еще доволен я, –

Пусть смешна причина, –

Что на свете есть моя
Станция *Починок* (Твардовский, «Станция Починок», 1936).

На хуторе *Загорье*
В былые времена
Леса, поля и взгорья
Имели имена... (Твардовский, «На хуторе Загорье», 1939).

Люблю я людей, что спокойно и веско
Живут, уважая терпенье и труд,
И гордую славу родного *Смоленска*,
Как душу, как совесть свою берегут (Рыжиков, «С Покровской горы», 1963).

Пускай иной сказать не может,
Что он – как сказка наяву,
Но мне *Смоленск* всего дороже:
Я в этом городе живу (Рыжиков, «Я в этом городе живу», 1963).

А за нашей деревней *Ломней*
Вековые леса гудели (Рыленков, «Бабка», 1956).

Не забуду на краю земли –
Желтый домик и деревню *Ломню*,
Где дичками мы с тобой росли (Рыленков, «Письмо к брату», 1957).

Как давно все это было!
Только сердце не забыло...
Лето, год 32,
И *Смоленск*, залитый солнцем,
Где жасмин во всем цвету... (Дворецкий, «Встреча», 1938).

Под старость особенно резко
Приходят на память они,
Бессонные ночи *Смоленска*,
Июня 20-е дни (Фиксин, «Июнь сорок первого», 1979).

В детстве здесь, над крутизною,
У широкого *Днепра*
Небо всей голубизною
Улыбалось мне с утра (Василевский, «Станция *Красное*», 1961).

Описание Смоленска у И. Василевского отличается детализированностью. Так, он очень подробно описывает смоленские улицы, районы, пригороды.

Поэт упоминает центральный *Лопатинский сад* (парк), старинный парк в центре города – *Блонье*, районы города – *Поповку*, *Кловку*, улицы – *Дзержинку* (улица имени Ф.Дзержинского), пригороды – *Красный бор*:

Летят снежинки с высоты,
Зима роняет им на *Блонье*
С ветвей пушистые цветы («С утра свирепствовала вьюга», 1956).
Вчера в нашем *Красном бору*
Плескались над арками флаги («Ребята покинули лагерь», 1961).

Для поэтов СПШ общим названием является Смоленщина. Это название используется всеми поэтами с особой лиричностью: эпитеты – *родная, моя, любимая, незабываемая, гордый край, земля*,

политая кровью. Так как существительные с суффиксом *-щин(а)* являются обиходными, разговорными, неофициальными названиями областей и территорий России, но очень распространенными, в частности, в публицистической и художественной речи [8, т. 2, с. 175], то в текстах смолян – представителей СПШ – семантическое наполнение расширяется: это название и родной стороны, и родной страны. Понятие «малая родина» как бы сливается с понятием Большая родина:

Но в любую тьму ночную,
Как по памятным строкам,
Я *Смоленщину* родную
Узнаю по огонькам (Рыжиков, «Огоньки», 1952).
И вновь по-детски счастлив я,
Когда опять за поворотом
Встает *Смоленщина* моя (Рыжиков, «Я от рождения непоседа», 1952).

Нас зовут голубые просторы,
Клены стройными ветками машут.
Ждут нас реки, поля и озера,
Дорогая *Смоленщина* наша! (Василевский, «Моя Смоленщина», 1961).

Топонимы, называющие малую родину, несут исключительно регионально-историческую информацию, важны опосредованной связью с другими регионами (ср. Смоленщина – Псковщина, Брянщина). В них зафиксировано отношение поэтов к родному краю.

Поэтам Смоленской поэтической школы свойственен особый пафос нового – пафос всеобщего и ясного движения, дороги, открытой дороги, «доброго пути». Слова *дорога, путь, даль* – ключевые в творчестве всех смоленских поэтов. Вот, например, у Твардовского они концептуальны от первых стихов до одной из самых значимых поэм «За далью-даль». Часто, как, в частности, в заглавии поэмы, лексемы со значением «дорога» выносятся в заголовок, занимая сильную позицию текста:

И *дорога*, что смело и прямо
Пролегла в героический срок,
Так и будет одною из самых
На земле величайших *дорог* (Твардовский, «Дорога», 1937).

Что ж, или все уж подходит к итогу
И затруднять я друзей не хочу?
Или опять я собрался в *дорогу*,
Выбрал маршрут, но покамест молчу? (Твардовский, «Перед дорогой», 1951).

А *дорога* расступается,
И шумит густая рожь,
И куда тебе желается,
Обязательно дойдешь (Исаковский, «В дороге», 1920).

Из Смоленской,
Из родной сторонки,
Из деревни маленькой моей...
Шел мужик («Январские цветы», Рыжиков, 1960).

Именно дорожная новь, светлый путь – особенность поэтов-смолян. И на этом пути обязательно новые люди, люди новых идеалов и одновременно люди-труженики, работники, люди нового труда и действия. Земляки, смоляне, жители малой родины.

Смоленские поэты очень конкретно и зримо описывают этих новых людей-тружеников, начиная с элементарных данных – профессии, возраста, места жительства, имени:

Наш *Кузьма* неприметный,
Тот, что из году в год,
Хлебороб многодетный

Здесь на месте живет (Твардовский, «Поездка в Загорье», 1939).

Весьма интересно, что Кузьма – реальная фигура. По воспоминаниям брата поэта, И.Т. Твардовского, в Загорье рядом жили братья Ивановы – Кузьма, Алексей и Семен. Жили они небогато. Зимой чаще у Кузьмы Ивановича Иванова собиралась молодежь, так как у него было своих много детей [9, с. 21 – 22].

Поэты СПШ прославляли разные профессии: скотница, доярка, телятница, пастух, садовод, пчеловод (у Н. Рыленкова), плотник (начиная с любимого героя деда Данилы), кузнец (профессия, уважаемая с детства), печник, шофер, тракторист (у А.Твардовского), сторож, хлебороб (у М. Исаковского) и др. К середине 30-х гг. появляются новые «профессиональные» герои: летчики, артисты, ученые, председатели колхозов... Вчерашняя колхозная девчонка стала певицей, а подружка юности слушает ее по радио («Когда в Москве, в концертном зале», 1951, Рыленков). Это типичный сюжет представителей Смоленской поэтической школы, в котором зримо и образно показывается продвижение нового человека, его достижения и успехи.

У поэтов-смолян люди очень реальны. Так, в стихотворении «Мать героя» А.Твардовского (1940) мать имеет конкретное обозначение – Лаптева Олена. И читателю не важно, есть ли реально эта женщина: именно конкретика убеждает, что она реально существует.

То же можно сказать о стихах «Шофер Артюх» (Твардовский, 1940), «Сержант Василий Мысенков» (Твардовский, 1941), «Григорий Пулькин» (Твардовский, 1940), его же цикл стихов про деда Данилу с его Марковной, пчеляк Егор у Н. Рыленкова («Творчество», 1955), Ананья, старый сказочник и пустомеля (Рыленков, «Я силков по кустам не ставил», 1957), его же медсестра Аленушка («Сестрица Аленушка», 1943), дорожник Лямин (Фиксин, «Слово дорожника Лямина», 1979), народный умелец Фрол Степанович (Осин, «Размах пространств», 1934) и др.

Не имея возможности в рамках одной статьи подробно рассматривать стихотворчество поэтов-смолян, мы обратим внимание только на временные рамки действия Смоленской поэтической школы.

Македонов считает, что новизна этой школы особенно резко ощущалась в конце 20-30-х гг. XX в., затем целый ряд новинок этой школы стал достоянием всей советской поэзии, ее специфика, естественно, уменьшилась. В пределах школы отчетливо видны особенности, индивидуализирующие творчество А.Т. Твардовского, М.В. Исаковского, Н.И. Рыленкова [1, с. 31 – 32].

Однако сегодня некоторые литературоведы считают, что Смоленская поэтическая школа не утратила свои особенности и продолжает свое существование.

Так, в 1978 году при кафедре русской и зарубежной литературы и при Литературном музее Смоленского государственного педагогического института (ныне Смоленского государственного университета) был создан научно-координационный центр; внимание ученых сосредоточено на выявлении эстетически устойчивых литературных явлений, переходящих из одного произведения в другое в творчестве одного и того же поэта, а также процессов типологии, интегрирующих творчество отдельных представителей Смоленской поэтической школы. Подробный обзор результатов работы за почти 30 лет представлен в статье В.В.Ильина «Смоленская поэтическая школа в действии. Кануны. Свершения. Перспективы» [10]. Исследуют Смоленскую поэтическую школу известные литературоведы В.С. Баевский, Г.С. Меркин.

Как видим, гипотеза А.В. Македонова уже стала ведущим теоретическим положением. Статистические исследования профессора В.С. Баевского и его учеников, полученные с помощью метода корреляционного анализа, подтвердили близость количественных характеристик индексов текстов Твардовского, Исаковского, Рыленкова, Яшина [11].

Естественно, сегодня уже 2022 год, и исследования современных смоленских текстов надо продолжать: «В наше время заметно возрастает интерес к проблемам художественного восприятия литературы. В связи с этим перед исследователями встает проблема историко-функционального изучения произведения «смоленской» поэтической школы» [10, с. 16].

В последнее время автор статьи много писал о малой родине одного из основоположников Смоленской поэтической школы – о Загорье А.Т. Твардовского [12]. Сдана в печать статья об образе родной Смоленщины у известного современного поэта А.В. Мишина, которого можно причислить к представителям СПШ. Работа будет продолжена, так как сегодня тема малой родины актуальна, как никогда.

Библиографический список

1. Македонов А.В. Очерки советской поэзии. Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1960. С. 3-33.
2. Смоленская область. Энциклопедия. Персоналии. Т.1. Смоленск: СГПУ, 2001. 303с.
3. Трофимов И.Т. Писатели Смоленщины. М.: Московский рабочий, 1973. 360с.
4. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М.: ООО «А Темп», 2006. 440с.
5. Твардовский А.Т. О родине большой и малой // Жизнь и творчество И.С. Соколова-Микитова / Сост. К.А. Жехова, А.С. Соколов. М.: Детская литература, 1984. С.14-17.
6. Словарь смоленских говоров. Смоленск: СГПИ, 1985. Вып. 4. 156с.
7. Русская грамматика АН СССР. В 2 тт. Т.1. М.: Наука, 1980. С. 175.
8. Твардовский И.Т. Родина и чужбина. Смоленск: Посох, 1996. 352с.
9. Македонов А.В. Очерки советской поэзии. Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1960. С. 3-33.
10. Ильин В.В. Смоленская поэтическая школа в действии. Кануны. Свершения. Перспективы // Творчество М.В. Исаковского, А.Т. Твардовского, Н.И. Рыленкова в контексте русской и мировой культуры. Смоленск: СГПУ, 2000. С. 3-16.
11. Баевский В.С. Смоленская поэтическая школа в портретах. Смоленск: СмолГУ, 2006. 136с.
12. Королева И.А. Загорье в контексте поэзии А.Т. Твардовского // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. Материалы международной научно-практической конференции 4 апреля 2017 года. Смоленск: СмолГУ, 2017. С. 45 – 50.

References

1. Makedonov A.V. Essays on Soviet poetry. Smolensk: Smolensk book publishing house, 1960. P. 3-33.
2. Smolensk region. Encyclopedia. Personalities. T.1. Smolensk: SGPU, 2001. 303 p.
3. Trofimov I.T. Writers of the Smolensk region. M.: Moskovsky Rabochiy, 1973. 360 p.
4. Otin E.S. Dictionary of connotative proper names. M.: LLC "A Temp", 2006. 440 p.
5. Tvardovsky A.T. About the homeland big and small // Life and work of I.S. Sokolova-Mikitova / Comp. K.A. Zhekhova, A.S. Sokolov. M.: Children's literature, 1984. S.14-17.
6. Dictionary of Smolensk dialects. Smolensk: SGPI, 1988. Issue. 5. 146 p.
7. Russian grammar of the Academy of Sciences of the USSR. In 2 vols. T.1. M.: Nauka, 1980. P. 175.
8. Tvardovsky I.T. Motherland and foreign land. Smolensk: Staff, 1996. 352 p.
9. Makedonov A.V. Essays on Soviet poetry. Smolensk: Smolensk book publishing house, 1960. P. 3-33.
10. Ilyin V.V. Smolensk poetic school in action. eve. Accomplishments. Prospects // Creativity M.V. Isakovsky, A.T. Tvardovsky, N.I. Rylenkov in the context of Russian and world culture. Smolensk: SGPU, 2000, pp. 3-16.
11. Baevsky V.S. Smolensk poetic school in portraits. Smolensk: SmolGU, 2006. 136p.
12. Koroleva I.A. Zagorye in the context of A.T. Tvardovsky // Onomastics in Smolensk and Vitebsk: problems and prospects of research. Materials of the international scientific and practical conference April 4, 2017. Smolensk: SmolGU, 2017, pp. 45 – 50.

УДК 81'367.622.12

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.37.55.010

*Елецкий государственный университет им.
И.А. Бунина
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка, методи-
ки его преподавания и документоведения
Селеменова О.А.
Россия, г. Елец, тел. +7 (47467) 6-08-10
e-mail: ol.selemenewa2011@yandex.ru*

*Bunin Yelets State University
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor at the Department of the Russian language,
Russian teaching methodology and document science
Selemenewa O.A.
Russia, Yelets, tel. +7 (47467) 6-08-10
e-mail: ol.selemenewa2011@yandex.ru*

О.А. Селеменова

УЗУАЛЬНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ МИФОНИМЫ В ПОЭЗИИ И.А. БУНИНА

В статье мифологические имена рассматриваются как средства выражения творческой индивидуальности И.А. Бунина. Актуальность выбранной темы обусловлена интересом отечественных и зарубежных филологов к изучению мифологических образов и сюжетов в прозе и поэзии писателя в связи с такой характерной чертой его художественно-эстетической системы, как мультимифологизм. Фактическим материалом исследования выступают стихотворения, созданные И.А. Буниным в период с 1888 по 1952 гг. При интерпретации и систематизации материала использовались методы описательного, этимологического, контекстологического, мотивно-тематического анализа, метод количественного анализа полученных данных. Новизна работы связана, с одной стороны, с самим фактическим материалом, вводимым в научный обиход литературной ономастики, с другой – с синтезом лингвистического, культурологического и литературоведческого подходов при его рассмотрении. Выявлено несколько источников узуальных мифонимов: древние тексты греко-римской, германско-скандинавской, египетской, иранской, индийской, славянской, шумеро-аккадской мифологий; религиозно-философская литература ислама, христианства, иудаизма, буддизма; предания; фольклорные тексты славян (сказки, былины, лирические песни, духовные стихи). Автор приходит к выводу, что роль узуальных мифонимов в поэзии И.А. Бунина заключается в аккумуляции философско-символической сути стихотворений, репрезентации историософских концепций, ключевых идей и др. Индивидуально-авторские мифологические имена, в отличие от узуальных, выступают порождением фантазии писателя, его эстетико-философских воззрений, фоновых знаний. Несмотря на малочисленность индивидуально-авторские мифонимы тоже становятся средствами моделирования картины мира Бунина-художника, единицами, через призму которых осмысливались и транслировались читателю-интерпретатору основные темы, сквозные мотивы, система ценностей.

Ключевые слова: литературная ономастика, поэзия И.А. Бунина, мифонимикон, мифологическое имя, источник, узуальный мифоним, индивидуально-авторский мифоним.

O.A. Selemenewa

USUAL AND INDIVIDUAL AUTHOR'S MYTHOLOGICAL NAMES IN I.A. BUNIN'S POETRY

The article describes the usual and individual author's mythonyms as means of expressing the creative individuality of I.A. Bunin. The relevance of the chosen topic is due to the interest of domestic and foreign philologists in the study of mythological images and plots in the writer's prose and poetry in connection with such a characteristic feature of his artistic and aesthetic system as multimythologism. The research was carried out on the basis of poems created by I.A. Bunin in the period from 1888 to 1952. The methods of descriptive, etymological, contextual, motive-thematic analysis, the method of quantitative analysis were used in the interpretation and systematization of the material. The novelty of the work is connected, on the one hand, with the factual material introduced into the scientific use of literary onomastics, and, on the other hand, with the synthesis of the linguistic, cultural and literary approach in its analysis. The author has identified several sources of conventional mythonyms: ancient texts of Greco-Roman, Germanic-

Scandinavian, Egyptian, Iranian, Indian, Slavic, Sumerian-Akkadian mythologies; religious and philosophical literature of Islam, Christianity, Judaism, Buddhism; legends; folklore texts of the Slavs (fairy tales, epics, lyric songs, spiritual verses). The author comes to the conclusion that the role of conventional mythonyms in the poetry of I.A. Bunin is huge: the accumulation of the philosophical and symbolic essence of poems, the creation of a metaphorical semantic capacity, images-symbols, the representation of historiosophical concepts, etc. Individual author's mythological names, in contrast to conventional ones, are the product of the writer's fantasy, his aesthetic and philosophical views, background knowledge. Despite their small number, they also become means of modeling the picture of the Bunin's world, units help the reader-interpreter to comprehend key themes, cross-cutting motives, value systems.

Key words: literary onomastics, I.A. Bunin's poetry, mythonymicon, mythological name, source, usual mythonym, individual author's mythonym.

В любом художественном тексте имена собственные выступают теми языковыми единицами, которые, аккумулируя разные типы информации и фоновых знаний, помогают мастерам слова создавать неповторимые индивидуально-авторские картины мира, обеспечивают трансляцию от писателя к читателю-интерпретатору ключевых идей, аксиологических оппозиций, целостных историко-философских, социально-политических, нравственно-этических концепций. Неисчерпаемость функционального потенциала онимов обуславливает их постоянную вовлеченность в орбиту филологических исследований. Ономастическое пространство (или его ключевые фрагменты) произведений А.А. Ахматовой, Э. Берджесса, Д. Брауна, И.А. Бунина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, В.В. Набокова, Л.Н. Толстого, Д.И. Хармса, М.И. Цветаевой, А.А. Шаховского и многих других отечественных и зарубежных авторов уже не раз становилось объектом исследования ученых. Обширный фонд имеющихся разножанровых научных работ в области именно бунинского ономастико-на позволяет констатировать, что, во-первых, собственные имена изучаются с позиций поэтики, литературной ономастики, лингвистики сверхтекста, когнитивной лингвистики, а во-вторых, среди всего многообразия семантических групп онимов описанию в основном подвергаются антропонимы и топонимы [1–6]. Иные же группы, например, мифонимы, изучаются спорадически. *(Отметим, что целенаправленная работа над мифологическим сектором ономастического пространства произведений И.А. Бунина велась в течение 2021 г. научным коллективом Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Бородин Н.А., Селеменова О.А., Трубицина Н.А.). Научный проект №20-412-480003р(а) «Мультимифологизм И.А. Бунина-поэта: лингвистический, литературоведческий и культурологический аспекты», поддержанный грантом РФФИ и Администрации Липецкой области.)*

А между тем мультимифологизм – это характерная черта художественно-эстетической системы И.А. Бунина, который именно в античной мифологии, религиозно-этических положениях Талмуда, сурах Корана, священных книгах Ветхого и Нового Завета нашел тот поэтический язык, образность и чувства, которые были близки ему по духу [7, с. 159].

Цель статьи – рассмотреть узуальные и индивидуально-авторские мифонимы как средства выражения творческой индивидуальности И.А. Бунина.

Выбор в качестве фактического языкового материала для анализа поэзии Нобелевского лауреата обусловлен тем, что именно ей филологи традиционно уделяют меньше внимания, чем прозе. Объем нашей картотеки примеров составил свыше 150 единиц, извлеченных из стихотворений, созданных И.А. Буниным в период с 1888 г. по 1952 г.

Прежде чем перейти к интерпретации полученных результатов исследования, необходимо отметить, что в качестве ключевой единицы метаязыка описания мы используем взаимозаменяемые термины *мифоним* и *мифологическое имя*. От термина *мифопоэтоним* мы отказываемся сознательно, поскольку подчеркивание вторичности семиотической модели и ограниченности сферы функционирования, на наш взгляд, здесь избыточно по двум причинам:

1) мифоним – собственное имя, которое и до попадания в художественное произведение обладает огромным ассоциативно-символическим потенциалом;

2) в случае введения термина *мифопоэтонимы* при выделении семантических подгрупп приходится использовать для их именования производные сложные лексемы типа *мифопоэтоним-ороним*, *экклезиохронопоэтоним*, *мифофитопоэтоним* и другие. Подобная громоздкость метаязыка описания значительно затрудняет декодирование информации, представленной в любом научном тексте.

Поскольку в творчестве Бунина-поэта запечатлеваются целые страницы мировой и национальной культуры, подавляющее большинство единиц поэтического мифонимикона являются общепринятыми, узуальными (примерно 94%). Их источники очень разнообразны. Прежде всего И.А. Бунин, как и многие другие отечественные писатели и философы (А.А. Ахматова, О.Э. Мандельштам, А.С. Пушкин, К.Н. Батюшков, Н.С. Гумилев, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб и др.), обращается к античности, к греко-римской мифологии, которая не имела канонического свода текстов, но оказала значительное влияние на развитие мировой культуры и искусства. Мифоантропонимы (*Гальциона*, *Кассандра*, *Тезей*, *Улисс*, *Эгей* и др.), теонимы (*Адрастея*, *Зевес*, *Киприда*, *Морфей*, *Посейдон* и др.), мифозоонимы (*Кентавр*), мифоэтнонимы (*Амазонки*), спеллонимы (*Цирцея*), мифотопонимы (*Атлантида*) из древнегреческих мифов не только становятся ключевыми лексемами ряда стихотворений, но и выносятся в сильную позицию текста – заглавие, выполняя сюжетообразующую функцию: «Гальциона» (28.VII.08), «Прометей в пещере» (<10.VI.09>), «Океаниды» (<1903–1905>), «Морфей» (26.VII.22), «Атлант» (<1903–1906>), «Тезей» (1907), «Цирцея» (31.I.16) и др.

Греко-римские мифонимы в заглавиях – иллюстрация тезиса О.А. Бердниковой о постоянном стремлении Бунина-поэта «к метафорической смысловой емкости, включающей бытийные, природные, культурные константы» [8, с. 249]. Действительно, мифонимы как бы аккумулируют философско-символическую суть конкретного стихотворения. Например, простые (однословные) мифоантропонимы *Тезей* и *Эгей* вводятся в текст стихотворения «Тезей» (1907), а один из них – *Тезей* – формирует заголовочный комплекс. *Тезеєм* именуется греческий герой, а *Эгеєм* – царь Афин и отец Тезея. Имя *Тесей* или *Тезей* происходит от др.-греч. Θησεύς, лат. Theseus; *Эгей* – от др.-греч. Αἰγεύς или Αἰγέω [9, с. 656]. В стихотворении «Тезей» И.А. Бунин перерабатывает греческий классический миф о Тесее (писатель использует фонетико-графический вариант имени – *Тезей*) как достойном наследнике афинского царя Эгея. В первоисточнике царь Минос требовал у Эгея раз в девять лет дань юношами и девушками в качестве искупления за смерть сына, якобы подстроенную Эгеєм. Когда в очередной раз легендарный царь приехал за данью, Тесей решил отправиться на Крит, чтобы убить то чудовище (Минотавра), чьими жертвами и становились афинские юноши и девушки. Символом победы Тесея над Минотавром должен был стать белый парус на корабле. Именно об этом Тесей условился с отцом. Однако на обратном пути Тесей в спешке забыл сменить черные паруса на белые. Увидев корабль с черными парусами, Эгей, уверовав в смерть сына, от горя и отчаянья бросился в море. Содержание бунинского стихотворения как раз и отсылает к заключительной части мифа – пути Тесея домой: *Тезей уснул в венке из мирт и лавра. / Зыбь клонит мачту в черных парусах* [10, с. 213].

Однако эта отсылка к греческому мифу периода зрелой классики (как раз мифы о подвигах Тесея) в первых строках весьма условна, поскольку дальше Бунин-поэт соединяет миф о Тесее с мифом о Нессе и тем самым начинает творить свой «индивидуально-авторский миф, почти притчу» [11, с. 20]: *О Тезей! / Вновь пропитал Кентавр ткань праздничной одежды / Палящим ядом змей* [10, с. 214]. Мифоантропонимы *Тезей* и *Эгей* как интертекстуальные единицы, инкорпорируя бунинский текст в культурное мировое пространство, помогают еще и создать рассказ-назидание о лукавстве и коварстве, безмятежности, чистоте, доверчивости юности, безысходности, безутешности, безнадежности страдания родителей от потери детей.

Помимо общеизвестных мифонимов из греко-римских мифов, И.А. Бунин обращается к именам богов, героев, демонов, птиц из египетской (*Сет*, *Анубис*, *Ра* и др.), шумеро-аккадской (*Нергал*, *Иштара*, *Син* и др.), германо-скандинавской (*Бальдер*, *Один*, *Локи* и др.), иранской (*Датар*, *Митра*, *Ормузд* и др.), индийской (*Агни*), славянской мифологий (*Перун*). Например, простой мифоорнитоним *Хугин* из германо-скандинавской мифологии, зафиксированной в поэтическом сборнике древнеисландских песен, поэм «Старшая Эдда», средневековом учебнике скальдической поэзии С. Стурлусона «Младшая Эдда» и др. источниках, вводится И.А. Буниным в текст стихотворения «Один» (<1906 – 1907>). В скандинавских мифах верховного бога Одина, мудреца, царя-жреца, колдуна и воина, сопровождали два вещих ворона – *Муни* и *Хугин* [12, с. 247]. Если имя *Хугин* с др.-исл. буквально значит «думающий, мыслящий», то *Муни* – «помнящий» [13, с. 575]. Однако в бунинском стихотворении происходит смешение птиц, поскольку «Думающему» Хугину приписывается роль «Помнящего» Мунина: *Черный ворон Хугин, скорбной Памяти детище, / У него на плече* [10, с. 220]. Так мифоорнитоним *Хугин* включается в систему языковых средств экспликации мотивов памяти, пути, ски-

тания, которые неоднократно в произведениях писателя реализовывали безымянные чернокрылые или синие вороны («Жизнь Арсеньева», «На распутье», «Степь» и др.).

Обширный перечень имен лиц, предметов, мест и т.д. из мифологий разных этносов, каждая из которых представляет консервативный и уникальный способ конципирования окружающей действительности, полностью отвечает требованиям построения образного пространства Бунина-художника, стремящегося запечатлеть в каждом слове целый мир, высказать чувства и мысли с удивительной точностью и простотой, но особой силой и красотой.

К своеобразным чертам бунинской художественно-эстетической парадигмы можно отнести тесную связь различных религиозно-философских систем – соположение идей монотеистических (иудаизм, христианство, ислам) и политеистических (буддизм) религий. Источниками узуальных мифонимов бунинской поэзии, помимо текстов национальных мифологий, становятся Танах и Трипитака, Ветхий и Новый Заветы, Коран и Сунны: *Авель, Алмазная Река, Будда, Джиннат, Ева, Иаков, Ирем, Каин, Ковсень, Майя, Моисей, Навин, Эблис, Эдем* и др.

Знаковые для различных религий имена могут даже употребляться в одном контексте. Например, мифонимы *Мухаммад* (араб. مُحَمَّد [mu'hammad], у И.А. Бунина используются два графико-фонетических варианта: *Мохаммед* и искажение с турецкого *Магомет*), имя мифологизированного образа пророка, основателя ислама и мусульманского государства, и *Иисус Христос* (от греч. Ἰησοῦς Χριστός), имя богочеловека, Мессии, ставшего искупительной жертвой за грехи людей, функционируют в стихотворении «Звездопоклонники» (<1906–1909>): *Как сон прошли Христос и Магомет* [10, с. 250]. Бунин-поэт постоянно подчеркивает дуализм природы Мухаммада и Иисуса Христа. У Иисуса Христа актуализируется то земная ипостась, то божественная: *Христос воскрес! Опять с зарею / Редает долгой ночи тень, / Опять зажегся над землею / Для новой жизни новый день* [10, с. 70]; *Кровоточит зияющая рана / В боку Христа* [10, с. 235]. Мухаммад в своей земной ипостаси предстает в стихотворениях «Магомет и Сафия» (24.III.14), «Магомет в изгнании» (5.III.06), а как святой, пророк – в стихотворениях «Тайна» (<1905>), «Белые крылья» (<1903–1906>), «Звездопоклонники» (<1906–1909>). Мифоним *Иисус Христос* в лирике И.А. Бунина становится ключевым: он участвует в выражении таких библейских мотивов, как мотив страстей Христовых (распятие, страдание) и мотив воскресения.

К знаковым книгам религиозно-философских учений как источнику узуальных мифонимов поэзии И.А. Бунина примыкают Священные Предания, включающие каноны, жития святых, творения Отцов Церкви и т.д. Хотя следует указать, что мифологические имена из них немногочисленны: *Егорий, Матфей Прозорливый, Святой Прокопий* и некоторые др. Так, двухсловный мифоантропоним *Игнатий Ростовский*, называющий чудотворца из христианских преданий, святителя в Соборе Ростово-Ярославских, функционирует в заглавии стихотворения «Сон епископа Игнатия Ростовского» (23.I.16), в символической форме запечатлевающего, как полагает О.А. Бердникова, «картину бесовского поругания исторического наследия России “смердами-мертвецами”, выносящими из соборного храма княжеский гроб» [14, с. 355]: *Я поднял жезл, я крикнул: «В доме бога / Владыка – я! Презренный род, стоять!» / Они идут... Глаза горят... Их много... / И ни один не обратился вспять* [10, с. 304].

Анализируемые нами в числе мифонимов единицы из текстов развитой религиозной мифологии (прежде всего христианства) и связанных с ними трактатов, учений не всеми лингвистами включаются в указанный разряд онимов (имеем в виду в разряд мифонимов). Их часто относят к *агионимам*, представляющим ономастическое пространство святости (И.В. Бугаева, Л.И. Дука, О.А. Лукина и др.). Поскольку мы рассматриваем религию как институционализированный миф, миф сложный, развитый, то допускаем существование мифонимов не только с нереальным денотатом, но и, условно говоря, синкретичным, соединяющим признаки реального и нереального. Ведь границы между образами реальных и вымышленных лиц, предметов, мест и т.д. в священных книгах разных конфессий очень размыты вследствие наделения объектов свойствами, находящимися за пределами человеческого опыта и недоступными пониманию.

Еще одну подгруппу узуальных мифонимов в поэтических текстах И.А. Бунина составляют мифологические имена из фольклорных текстов разных жанров: былин, сказок, свадебных лирических песен и совершенно особого жанра – духовных стихов. Последние отсылают к апокрифическим сочинениям, легендам, житиям святых. Среди мифологических имен из фольклорных текстов обнаруживаются мифоантропонимы (*Руслан, Алисафия, Святогор* и др.), мифозоонимы (*Белый Олень*),

мифоорнитонимы (*Жар-Птица*), спеллонимы (*Баба-Яга, Кощей*), мифотопонимы (*Буян, Алатырь*). Например, простой мифоантропоним *Руслан*, именующий русского богатыря, функционирует в одноименном стихотворении И.А. Бунина 1916 г.: *А крест над кем? Да, баят, над Русланом* [10, с. 328].

Образ бунинского Руслана, очевидно, восходит к Еруслану Лазаревичу (Уруслану Залазаровичу) – герою древнерусской сказочной повести и лубочных изданий. В «Энциклопедии мифологии» под ред. Е.М. Мелетинского отмечается, что имя Еруслан Лазаревич и сюжет близки иранскому эпосу о Рустаме, содержащемуся в памятнике персидской литературы «Шахнаме» [15]. Еруслан сражается с богатырями-соперниками, чудовищами, вражескими полчищами.

В бунинском стихотворении *Руслан* – собирательный образ древнего русского воина, эталон мужества, силы, справедливости, патриотизма. Он само олицетворение русского простора, свободы. И не случайно Бунин-поэт в последней строке стихотворения «Руслан» ассоциирует морской простор с золотыми доспехами воина: *Морской простор – в доспехе золотом* [10, с. 328].

На наш взгляд, в художественном мире И.А. Бунина мифоантропоним *Руслан* вместе с мифонимами *Святогор, Илья* (в стихотворениях «Святогор и Илья» (23.I.16), «Святогор» (8.III.13)) выступает не лексической единицей маркирования традиционного былинного сюжета, а средством выражения нравственно-философских (вечная борьба добра и зла, непрекращающийся круговорот жизни и смерти) и историко-социальных концепций (выбор пути России, судьба русского народа, связь прошлого и настоящего) через обращение к знакомым читателям образам сказочно-былинных народных героев.

Наряду с общеупотребительными и известными мифонимами, используемыми другими отечественными и зарубежными писателями, в бунинской поэзии встречаются и индивидуально-авторские образования (около 6%). Наиболее яркими примерами таких индивидуально-авторских имен собственных являются мифоорнитоним *Вирь* (стихотворение «Вирь, 1900») и мифотопоним *Долина Смерти и Огня* (стихотворение «Молчание», 6.II.1916). Первая лексическая единица имеет затемненную этимологию, поскольку в Толковых словарях русского языка не обнаруживается соответствий. Однако в мокшанском и эрзянском языках лексема *вирь* в значении «лес» и производные от нее, в том числе *виря'ва* (миф. «богиня, покровительница леса», букв. «лесная женщина»), присутствуют (подробнее мы писали об этом в [16]). Загадочная бунинская птица живет в темном лесу, «где ельник сумрачный стоит» [10, с. 88].

Образ фантастического Виря с оперением серо-аспидного цвета и хохолком на голове испытал явное влияние русских духовных стихов и византийских легенд о райских птицах, а также картины М.В. Васнецова 1896 г. «Сирин и Алконост. Песнь радости и печали». Вирь у И.А. Бунина – это некий дух таинственного локуса, который притягивает, манит в свои глубины одиноких путников, обрекая их в чашобе на гибель. Индивидуально-авторский мифоорнитоним вместе с узуальными мифоорнитонимами (*Хугин, Жар-Птица*) становится языковым средством репрезентации бунинского «орнитологического мифа», через призму которого писатель рассматривал мотив памяти, пути-дороги, смерти, бесприютности и одиночества.

Мифотопоним *Долина Смерти и Огня*, вероятно, создан в индивидуально-авторской картине мира Бунина-поэта под влиянием Книги пророка Исая, входящей в состав Танаха и Ветхого Завета. Ведь именно там мы находим описание опустошения земли Господом и совершения правого суда над людьми: «Ярость Господа Саваофа опалит землю, и народ делается как бы пищею огня...» (Ис. 9: 19) [17, с. 688]. У И.А. Бунина в стихотворении «Молчание» (6.II.1916) как раз и возникает образ такой опустошенной земли, которая именуется *Долиной Смерти и Огня*: *По раскаленному ущелью, / Долиной Смерти и Огня, / В нагую каменную келью / Пустынный Ангел ввел меня* [10, с. 399].

Таким образом, анализ корпуса мифологических имен, используемых в поэтическом наследии И.А. Бунина, приводит нас к следующим выводам.

1) В системе мифонимов выделяются две противопоставленные и несоизмеримые по объему единиц группы: узуальные (примерно 94%) и индивидуально-авторские (около 6%) мифонимы.

2) Узуальные мифонимы прямо отсылают к тестам древних мифов (греко-римским, германоскандинавским, египетским, иранским, индийским, славянским, шумеро-аккадским), к ключевым для монотеистических и политеистических религиозно-философских систем книгам (Трипитака, Танах, Коран, Ветхий и Новый Заветы, Сунны), к Священным Преданиям (жития святых, каноны и др.), к фольклорным текстам (сказки, былины, лирические песни, духовные стихи).

3) Индивидуально-авторские мифонимы продуцируются самой художественно-эстетической системой писателя и не всегда имеют прозрачную этимологию.

4) В лирических текстах мифологические имена обеих групп выступают единицами, посредством которых И.А. Бунин вписывает каждый свой текст в мировое культурное пространство, эксплицирует систему ценностей, оригинальные идеи и концепции, создает неповторимые образы художественно-эстетической парадигмы.

Библиографический список

1. Яровая Т.Ю. Личные собственные имена в дореволюционном творчестве И.А. Бунина: отбор и использование: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 23 с.
2. Краснова Т.В. Российская топонимия в художественной прозе И. А. Бунина. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2005. 246 с.
3. Богданова Н.В. Лексическая экспликация концепта «Природа» в раннем творчестве И.А. Бунина: автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2007. 19 с.
4. Пронченко С.М. Имена собственные в стихотворениях И.А. Бунина: системный подход (к 145-летию со дня рождения писателя) // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 260–267.
5. Попова Е.А. Агионимы как составная часть Провинциального (Липецкого) текста русской литературы // Русская словесность как основа русского мира: материалы XV международного форума. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2002. С. 149–159.
6. Баженова Я.В. Поэтика имени в творчестве И.А. Бунина: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Томск, 2021. 24 с.
7. Richards D.I. Bunin's conception of the meaning of life // The Slavonic and East European Review. 1972. Vol. 50. № 119. P. 153–172.
8. Бердникова О.А. К вопросу о поэтике заглавий в стихотворном наследии И.А. Бунина // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 238–255.
9. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х тт. Том 2. К–Я / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998. 720 с.
10. Бунин И.А. Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения 1888–1925. Переводы. М.: Художественная литература, 1987. 687 с.
11. Бородин Н.А., Трубицина Н.А. Античная мифология в поэзии И.А. Бунина // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология, Журналистика. 2021. № 2. С. 18–21.
12. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х тт. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т.1. А–К. 672 с.
13. Скандинавская мифология: Энциклопедия / Сост. К. Королев. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Мидгард, 2004. 587 с.
14. Бердникова О.А. «...Накануне гибели той России»: 1916 год в художественном сознании И.А. Бунина // Проблемы исторической поэтики. 2016. Вып. 14. С. 346–360.
15. Мифологический энциклопедический словарь / Под ред. Е.М. Мелетинского. М.: Советская энциклопедия, 1991. URL: <http://www.bibliotekar.ru/mif/> (дата обращения: 12.12.2021).
16. Селеменова О.А. Мифоорнитоним *Вирь* в художественной картине мира И.А. Бунина // Актуальные вопросы лингвистики лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации: сборник материалов I Всероссийской научно-практической онлайн-конференции / Под ред. О.Ю. Ивановой. Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2021. С. 489–495
17. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1988. 1388 с.

References

1. Yarovaya T.Yu. Personal proper names in the pre-revolutionary work of I.A. Bunin: selection and use: abstract. dis. ... cand. filol. sciences. Voronezh, 2000. 23 p. (In Russian)

2. Krasnova T.V. Russian toponymy in I.A. Bunin's prose. Yelets: Bunin Yelets State University, 2005. 246 p. (In Russian)
3. Bogdanova N.V. Lexical explication of the concept "Nature" in the early I.A. Bunin's work: abstract. dis. ... cand. filol. sciences. SPb., 2007. 19 p. (In Russian)
4. Pronchenko S.M. Proper names in I.A. Bunin's poems: a systematic approach (to the 145th anniversary of the birth of the writer) // Bulletin of the Bryansk State University. 2015. No. 2. P. 260–267. (In Russian)
5. Popova E.A. Hagonyms as an integral part of the Provincial (Lipetsk) text of Russian literature // Russian literature as the basis of the Russian world: materials of the XV international forum. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, 2002. P. 149–159. (In Russian)
6. Bazhenova Ya.V. The poetics of the name in the work of I.A. Bunin: abstract. dis. ...cand. filol. sciences. Tomsk, 2021. 24 p. (In Russian)
7. Richards D.I. Bunin's conception of the meaning of life // The Slavonic and East European Review. 1972. Vol. 50. No. 119. P. 153–172. (In English)
8. Berdnikova O.A. On the question of the poetics of titles in the poetic heritage of I.A. Bunin // News of the Ural Federal University. Ser. 2: Humanities. 2020. Vol. 22. No. 4 (202). P. 238–255. (In Russian)
9. Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 vol. Vol. 2. K–Z / Ed. S.A. Tokarev. M.: Scientific publishing house "Great Russian Encyclopedia", 1998. 720 p. (In Russian)
10. Bunin I.A. Collected Works. Vol. 1. Poems 1888–1925. Translations. M.: Fiction, 1987. 687 p. (In Russian)
11. Borodina N.A., Trubitsina N.A. Ancient mythology in the poetry of I.A. Bunin // Bulletin of the Voronezh State University. Ser. Philology, Journalism. 2021. No. 2. P. 18–21. (In Russian)
12. Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 vols. / Ed. S.A. Tokarev. M.: Sov. encyclopedia, 1991. V.1. A–K. 672 p. (In Russian)
13. Scandinavian mythology: Encyclopedia / comp. K. Korolev. M.: Eksmo Publishing House; SPb.: Midgard, 2004. 587 p. (In Russian)
14. Berdnikova O.A. "... On the eve of the death of that Russia": 1916 in the artistic consciousness of I.A. Bunin // Problems of Historical Poetics. 2016. Iss. 14. P. 346–360. (In Russian)
15. Mythological Encyclopedic Dictionary / Ed. E.M. Meletinsky. M.: Soviet Encyclopedia, 1991. URL: <http://www.bibliotekar.ru/mif/> (accessed 12.12.2021). (In Russian)
16. Selemeneva O.A. The mythological ornithonym *Vir* in I.A. Bunin's picture of the world // Topical issues of linguistics of linguodidactics in the context of intercultural communication: a collection of materials of the I All-Russian Scientific and Practical online conference / Ed. O.Y. Ivanova. Oryol: I.S. Turgenev OSU, 2021. P. 489–495
17. Bible. Books of Scripture of the Old and New Testaments. M.: Edition of the Moscow Patriarchate, 1988. 1388 p. (In Russian).

УДК 81

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.66.28.011

*Воронежский государственный университет
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры английской филологии
Шарова Н.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-903-652-77-39
e-mail: n_sharova@hotmail.com*

*Voronezh State University
Ph.D. of Pedagogic Sciences
Department of English Philology
Sharova N.A.
Russia, Voronezh, tel. +7-903-652-77-39
e-mail: n_sharova@hotmail.com*

*Воронежский государственный университет
студент 4 курса
Лисюкова Д.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-908-143-38-50
e-mail: dashalisyukova@yandex.ru*

*Voronezh State University
4th year student
Lisukova D.A.
Russia, Voronezh, tel. +7-908-143-38-50
e-mail: dashalisyukova@yandex.ru*

Н.А. Шарова, Д.А. Лисюкова

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В РОМАНЕ Ч. ДИККЕНСА «THE POSTHUMOUS PAPERS OF THE PICKWICK CLUB»

Настоящая статья посвящена исследованию комической составляющей в раннем романе Ч. Диккенса «The Posthumous Papers of the Pickwick Club». Исследование проблемы комического в художественном тексте имеет богатую историю. Первыми, кто затронул данную тему, были Аристотель и Платон. Позже она была не раз рассмотрена многими исследователями, в т.ч. З. Фрейдом, и известными русскими критиками XIX века – В.Г. Белинским и Н.Г. Чернышевским. Однако прийти к единому мнению касательно природы комического, основных категорий и функций так и не удалось. В современном мире Чарльз Диккенс известен не только как величайший реалист своего времени, но и как мастер комического. В своих работах он активно использовал разнообразные средства комического: каламбур, сатиру, иронию, насмешку, фарс, гротеск и т.д. Многие персонажи, вышедшие из-под пера писателя благодаря своим комическим чертам стали нарицательными. Именно поэтому авторы данной статьи выбрали один из его романов, «The Posthumous Papers of the Pickwick Club», в качестве материала исследования. Цель данной работы – на примере одного из персонажей, мистера Пиквика, провести анализ и изучение средств создания комического эффекта. В ходе исследования было рассмотрено следующее: контраст между созданным и напускным образом Пиквика и его действительное поведение, особенности речи персонажа, а также некоторые ситуации, с которыми сталкивается главный герой произведения. Было выявлено, что механизмы передачи комического в романе довольно многообразны и используются не только для эмоционального воздействия на читателя, но и для наглядного изображения пороков общества.

Ключевые слова: средства создания комического, Диккенс, английская литература, фарс, ирония, гротеск.

N.A. Sharova, D.A. Lisukova

WAYS TO CREATE A COMIC EFFECT IN CHARLES DICKENS' NOVEL "THE POSTHUMOUS PAPERS OF THE PICKWICK CLUB"

This article is devoted to the study of the comic component in the early novel by Charles Dickens "The Posthumous Papers of the Pickwick Club". The problem of the comic has a rich and extensive history. The first to touch on this topic were Aristotle and Plato. Later, it was considered more than once by many researchers, starting from psychologists such as Sigmund Freud, to well-known critics V.G. Belinsky, N.G. Chernyshevsky. However, it was not possible to come to a consensus regarding the nature of the comic, the main categories and functions. In the modern world, Charles Dickens is known not only as the greatest realist of his time, but also as a master of the comic. In his works, he actively uses a variety of comic means: pun, satire, irony, mockery, farce, grotesque, etc. Many characters that came out of the pen of the writer, due to their comic features have become household names. That is why the authors of this arti-

cle took one of his novels, "The Posthumous Papers of the Pickwick Club", as the basis of their research. The purpose of this work is - using the example of one of the characters, Mr. Pickwick, to analyze and study the means of creating a comic effect. In the course of the study, the following was considered: the contrast between the created and assumed image of Pickwick and his actual behavior, the features of the character's speech, as well as some situations faced by the protagonist of the work. It was revealed that the mechanisms of comic transmission in the novel are quite diverse and are used not only for emotional impact on the reader, but also for visual representation of the vices of society.

Keywords: means of the comic, Charles Dickens, English literature, farce, irony, grotesque.

Ч. Диккенс (1812 – 1870 гг.) – один из величайших английских писателей XIX века, слава которого разошлась далеко за пределы Англии. Его по праву можно считать мэтром английской литературы. Согласно многим критикам и исследователям, посвятившим свои работы творчеству Ч. Диккенса, гениальность автора состоит именно в его психологизме. Так, например, С. Цвейг, известный австрийский писатель и драматург, не раз отмечал зоркость глаза писателя. Он говорил, что Ч. Диккенс отражал предмет не в его естественных пропорциях, а преувеличивая и выделяя главные характерные черты [5]. Основной целью преувеличения является стремление к юмористическому. В своих произведениях Ч. Диккенс подмечает малейшие материальные проявления духовной жизни, и уже через них, при помощи карикатуры и других средств комического наглядно раскрывает характер героя.

Среди многочисленных произведений Ч. Диккенса именно «The Posthumous Papers of the Pickwick Club» можно назвать великолепным образцом проявления оттенков комического и юмора самого писателя. В романе ярко представлено органичное и сложное переплетение остроумия, фантазии и юмора автора. Диккенс дает возможность читателю посмеяться над разнообразными характерами, раскрывающими все стороны национального английского юмора. Созданные автором образы позволяют нам рассмотреть и проанализировать особенности создания комического эффекта.

Название романа «The Posthumous Papers of the Pickwick Club» – эксплицитно, то есть уже с самого начала оно помогает читателю раскрыть основную суть произведения. «The Posthumous Papers of the Pickwick Club» – это нарочито «глубокомысленный отчет» о наукообразных изысканиях президента клуба – мистера Пиквика и его компаньонов, в лице мистера Тупмана, Снодграсса и Уинкля.

Несомненно, мистер Пиквик является центральным персонажем повествования, который участвует практически во всех эпизодах романа. Для изображения героя Ч. Диккенс использует целый арсенал комических приемов: гротеск, ирония, фарс, контраст внешнего и внутреннего мира и т.д. Помимо этого, многие ученые, например Г.Е. Шовкопляс, отмечали, что мистера Пиквика можно считать по совместительству и родоначальником всех диккенсовских героев-чудаков, таких как Николас Никльби «Оливер Твист», Бетси и мистер Дик «Дэвид Копперфилд», Катль «Домби и сын» и др. Е.Ю. Гениева, известный лингвист, писала о мистере Пиквике следующее: «Пиквик – первый в ряду мудрых диккенсовских чудаков, столь дорогих ему людей не от мира сего, утверждающий, вопреки всем рациональным житейским правилам, торжество непобедимого добра» [1; с. 43]. Образ главного героя романа является динамичным, то есть продолжает изменяться на протяжении всего повествования. Об эволюции данного персонажа свидетельствовали многие зарубежные исследователи, в частности G. Gissing. В своем труде «The Immortal Dickens» он отмечал, что вначале произведения представленный Диккенсом «the immortal man» («великий муж») был ни чем иным, как «the puppet of farce», что значит «фарсовая кукла», однако затем, в ходе развития сюжета, а именно во второй части романа, Сэмюэль Пиквик «develops into a very human personage» («превращается в человеческое, настоящего персонажа») [9]. Итак, для того, чтобы дать полную характеристику главному герою, необходимо проанализировать все стадии становления личности мистера Пиквика.

Произведение «The Posthumous Papers of the Pickwick Club» начинается с заседания Пиквикского клуба, где Ч. Диккенс дает первую характеристику как самому клубу, так и его обязанностям и, конечно, целям. При описании данного мероприятия писатель прибегает к иронии, построенной на пародийном обыгрывании предмета. Одним из объектов, попавших под беспощадную иронию, является и сам мистер Пиквик. Для его описания автор использует следующие довольно экспрессивные эпитеты: «the gigantic brain of Pickwick», «the eloquent Pickwick», «honourable gentleman», «the great man», «illustrious man». Диккенс обрисовывает Сэмюэля Пиквика как некоего «античного философа», который трудится на благо Англии, совершает «великие» открытия и приносит пользу народу благодаря своим наблюдениям. Однако в действительности же оказывается, что мистер Пиквик на самом деле не более чем эксцентричный, богатый джентльмен, который лишь проживает свою жизнь, занимаясь «теорией Колюшки» или раскрывает тайны послания на камне. Вот первое описание мистера Пиквика, приводимое Чарльзом Диккенсом: «There sat the man, who had traced to their source the mighty ponds of Hampstead, and agitated the scientific world with his Theory of Tit-

tlebats, as calm and unmoved as the deep waters of the one on a frosty day, or as a solitary specimen of the other in the inmost recesses of an earthen jar» [7; p. 7]. Стоит отметить, что столь высокий стиль повествования, используемый для описания достоинств мистера Пиквика, выявляет резкий контраст между созданным внешним образом «античного философа», которого придерживается персонаж, и его бессмысленными исследованиями. Мистер Пиквик любит философствовать и дискутировать со своими компаньонами, членами Пиквикского клуба, на разные высокоинтеллектуальные темы. Они же, в силу своего восторга перед лидером, придерживаются его манеры поведения. Хотя Пиквик не является настоящим интеллектуалом или философом, в его речи, порой все же проскальзывают по-настоящему ценные мысли. Крайняя уверенность мистера Пиквика в своих действиях, словах и достижениях играет не последнюю роль в романе, так как именно за счет этого усиливается комический эффект. Сэмюэль Пиквик искренне верит, что его деятельность приносит большую ценность обществу и обогащает людей полезными знаниями, хотя в действительности, наоборот, его высказывания нередко абсурдны и совершенно бессмысленны. Ч. Диккенс продолжает иронизировать над Пиквиком, когда изображает его археологом, изучающим древние начертания на камнях возле паба. Вот что пишет автор о персонаже: «*Mr. Pickwick's eyes sparkled with delight, as he sat and gloated over the treasure he had discovered. He had attained one of the greatest objects of his ambitions»* [7; p. 171]. В действительности же, оказалось, что эти начертания ни что иное, как обычные надписи владельца паба, оставленные им еще в молодости «*Bill Stumps, his mark»* [7; p. 184].

Речь персонажа, содержащая нагромождение фраз и оборотов, также является прекрасным средством создания комического эффекта. С помощью речи мистер Пиквик старается произвести впечатление на слушателей. Ярким примером является эпизод, когда мистера Пиквика вызвали к местному судье на допрос, на котором он пытался убедить государственных служащих в своей невиновности: «*I have no doubt, from the specimen I have had the subordination preserved among them, that whatever you order, they will execute; but I shall take the liberty, Sir, of claiming my right to be heard, until I am removed by force»* [8; p. 134]. Еще одним примером служит ситуация, в которой мистер Пиквик перепутал комнаты в гостинице и по ошибке зашел в номер к девушке. Во избежание недопонимания герою пришлось оправдываться и извиняться, убеждая пострадавшую, что он настоящий джентльмен чести: «*'I Trust ma'am,' resumed Mr. Pickwick, gathering up his shoes, and turning round to bow again – 'I trust, ma'am, that my unblemished character, and the devoted respect I entertain for your sex, will plead as some slight excuse for this – '»* [7; p. 378].

Сам себя Пиквик определяет, как «an observer of human nature» («наблюдатель человеческой природы»), что отличает его от других людей. Он находится вне природы и остается лишь наблюдателем, который созерцает все происходящее со стороны. Герой видит только внешнюю сторону каких-либо вещей или явлений, при этом не замечая всей грубости и подлости.

Своей кульминации ирония достигает в записях мистера Пиквика (протокол для Пиквикского клуба), когда «созерцатель» выносит свои глубокомысленные суждения на бумагу. В данном случае смех вызывают не столько сами записи, сколько суждения персонажа. В них он восторгается человеческой порочностью, будто красивым спектаклем, не понимая, что на самом деле здесь происходит настоящее преступление. Это еще раз доказывает суждение, что Пиквику присуща некая наивность и глупость. «*'It is truly delightful to a philanthropic mind to see these gallant men staggering along under the influence of an overflow both of animal and ardent spirits. Nothing' adds Mr. Pickwick, 'can exceed their good-humour. It was but the day before my arrival that one of them had been most grossly insulted in the house of publican. The barmaid had positively refused to draw him any more liquor; in return for which he had (merely in playfulness) draw his bayonet, and wounded the girl in the shoulder. And yet this fine fellow was the very first to go down to the house next morning and express his readiness to overlook the matter, and forget what had occurred!'»* [8; p. 21- 22]. В данном отрывке комический эффект создается с помощью эпитетов и слов, которые по своему содержанию противоположны происходящим событиям. Так, разбушевавшегося солдата, который ударил девушку, мистер Пиквик называет «*gallant man»* («галантный, доблестный человек»), а его действия по отношению к «*barmaid»*, как «*merely in playfulness»* («просто в шутку»). Более того, всю ситуацию лидер Пиквикского клуба называет лишь проявлением «*good-humour»* («добротного юмора»). Сочетание «*fine fellow»* находится в постоянном обиходе у мистера Пиквика. Он употребляет его даже к самым непредсказуемым персонажам.

Мистер Пиквик не раз выступал как человек, готовый пойти на компромисс без борьбы, так как он настоящий джентльмен и готов разрешить любой конфликт мирным способом. Например, о выборах в Интенсуилле он говорит следующее: «*Shout with the largest»* («кричите с теми, кого больше»), на что автор комментирует с иронией: «*Volumes could not have said more»* («фолианты не могли сказать больше»). Однако, несмотря на его пацифистский настрой, во многих эпизодах именно Пиквика приходилось удерживать

от «размахивания кулаками». Например, в эпизоде с доктором Пэннером, когда персонаж неудачно выразился о более тщательном выборе компаньонов, Пиквик так сильно разозлился, что готов был даже ударить обидчика: «*Rising rage and extreme bewilderment had swelled the noble breast of Mr. Pickwick. He rushed forward with fury in his looks, and fire in his eye. His hand was upon the lock of the door; in another instant it would have been on the throat of Doctor Payne of the 43rd, had not Mr. Snodgrass seized his revered leader by coat tail, and dragged him backwards*» [7; p. 56].

Несмотря на все комические ситуации, в которые попадает главный герой, насмешка писателя не пересекает черты теплой и добродушной иронии, ведь именно этим, несколько чудаковатым и эксцентричным джентльменом Ч. Диккенс на самом деле любит. Другие персонажи называют мистера Пиквика исключительно положительными эпитетами «*a most extraordinary man*» или «*a nobleman*». Сэм Уэллер, вечный компаньон Сэмюэля Пиквика, говорит о своем хозяине следующее: «*I never heed, mind you, of read of in story-books, nor see in picters, any angel in tights and gaiters – not even in spectacles, as I remember*» [8; p. 312]. Ч. Диккенс разделяет мнение персонажей романа относительно Пиквика, ведь даже при всей своей отстраненности и нелепости, главный герой романа всегда остается честен, благороден и справедлив. Данные качества будут продолжать развиваться в ходе развития сюжета.

Еще одним не менее важным средством в создании образа мистера Пиквика является фарс в форме буффонады. В переводе с итальянского «буффонада» – «шутовство», «паясничество». Другими словами, это попытка высмеять какое-либо явление ради смеха для душевной и физической разрядки. «Фарс» уходит своими корнями в эпоху возрождения и напрямую связан со смеховой культурой средневековья. В то время было фарс – это комедия с легким юмором. Изначально «буффонада» являлась комедийным приемом, который был основан на резком преувеличении характерных признаков персонажа. Согласно Т. Сильман, в романе «конкретно-буффонадная форма внешнего происшествия преобладает над всеми остальными формами. Рефлексия, романтическая ирония и другие способы вмешательства чисто интеллектуального момента в непосредственное изображение у Диккенса почти что отсутствуют» [3; с. 26]. Так, наиболее ярким примером использования фарса служит диалог между мистером Пиквиком и его домовладелицей, которая по ошибке приняла предложение о принятии на службу нового работника за предложение руки и сердца. Именно неверная интерпретация слов Пиквика и дальнейшие ее экспрессивные восклицания создают комический эффект. Пример из диалога: «*'Mrs. Bardell,' said Mr. Pickwick at the expiration of a few minutes. 'Sir,' said Mrs. Bardell again. 'Do you think it a much greater expense to keep two people, that to keep one?' 'La, Mr. Pickwick' said Mrs. Bardell, colouring up to the very border of her cap, as she fancied, she observed a species of matrimonial twinkle in the eyes of her lodger; 'La, Mr. Pickwick, what a question!'*» [7; p. 187].

В данном случае комический эффект достигается за счет недосказанности в речи мистера Пиквика. Его вопрос, для него очевидный и ясный, можно трактовать с помощью разных значений. Именно поэтому домовладелица неправильно поняла ситуацию в целом, в результате чего подумала, что это предложение руки и сердца. Другим примером может послужить эпизод, когда мистер Пиквик пришел в женский пансион, чтобы предотвратить злостный план мистера Джингля. Он пробрался ночью в сад и не хотел себя выдавать. Реакция девушек, которые позже все же обнаружили его, а также их дальнейшие действия – запереть мистера Пиквика в шкафу – являются типичным примером диккенсовского фарса: «*'Then, I have been deceived, and deluded,' said Mr. Pickwick. 'Send to the Angel, my dear ma'am, if you don't believe me. Send to the Angel for Mr. Pickwick's manservant, I implore you ma'am.' 'He must be respectable – he keeps a manservant,' said Miss Tompkins to the writing and ciphering governess.*

So two of the servants were despatched to the Angel in search of MR. Samuel Weller; and the remaining three stopped behind to protect Miss Tompkins, and the three teachers, and the thirty boarders. And Mr. Pickwick sat down in the closet, beneath a grove of sandwich-bags, and awaited the return of the messengers, with all the philosophy and fortitude he could summon to his aid» [7; p. 275-276].

G. Gissing, известный писатель XIX века, в своей работе «Чарльз Диккенс. Критическое исследование» утверждает, что у Диккенса существует довольно очевидная разница между фарсом и юмором. Фарс, в данном случае, выполняет скорее развлекательную функцию, в то время как юмор отображает природу человека [10]. У Диккенса фарс является одним из наиболее излюбленных средств создания комического. На протяжении всего повествования писатель периодически вставляет его, как к месту, так и не к месту. Прекрасной демонстрацией являются огромное количество внезапных восклицаний мистера Пиквика: «*'Where are we to go to?' screamed the agitated Pickwickians. 'Hoi – hoi – hoi!' was the only reply*» [7; p. 63] или же относительно философское и вместе с тем фарсовое замечание Ч. Диккенса, когда в связи с необычным течением обстоятельств мистер Пиквик должен был ловить свою шляпу, при этом не теряя чести и благородности:

«There are very few moments in a man's existence when he experiences so much ludicrous distress, or meets with so little charitable commiseration, as when he is in pursuit of his own hat» [7; p. 62].

Некоторые исследователи, например James Kincaid, характеризует мистера Пиквика, как «mechanical human» («механическое существо») [11]. Однако такое утверждение не является верным, так как при всей своей простоте мистер Пиквик умеет сочувствовать и помогать нуждающимся. Во второй части романа, где описывается судебное заседание, Пиквик выступает не как комический персонаж, а, скорее, как драматический и сентиментальный. Данный инцидент научил его жить по-настоящему и превратил героя из «nature observer» в обычного человека с его рутинными переживаниями. Полноценным же человеком мистер Пиквик становится лишь в конце романа, когда выходит из долговой ямы и принимает решение распустить Пиквикский клуб. Стоит также заметить, что «повзрослевший и поумневший» Пиквик больше не выглядит смешным, в особенности, если сравнивать его с образом, представленным в начале произведения. Тем не менее, герою все же удалось сохранить пылкую благожелательность, которая недалека от комизма. Яркими примерами этого являются встреча с Уинклем старшим и эпизод со студентами Элленом и Соьером.

Подводя итоги, можно отметить, что для создания образа мистера Пиквика, Ч. Диккенс широко использует такие способы создания комического, как фарс, гротеск и иронию. Помимо этого, в романе активно используется ситуативный комизм, который построен на несоответствии образа героя, его внешнего облика и его сущности.

Библиографический список

1. Гениева Е.Ю. Тайна Чарльза Диккенса: Библиографические разыскания. М., 1990. С. 243.
2. Сафонова Е.В. Формы, средства и приемы создания комического в литературе // Молодой ученый, 2013. №5. С. 474-478.
3. Сильман Т.И. Диккенс: Очерки творчества. М., 1958. С. 243.
4. Фомичева Ж.Е., Елисеева Е.Б. О языковых средствах создания комического эффекта в пародийном художественном тексте // Известия Тульского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки», 2009. №1. С. 266.
5. Цвейг С. Исторические портреты. Три мастера Бальзак, Диккенс, Достоевский. М., 2011. С. 1024.
6. Шовкопляс Г.Е. Неизвестный миру ангел по имени Пиквик. Первый роман Диккенса как итог и прообраз. Киев, 2010. С. 85-97.
7. Dickens C. The Pickwick Papers I. Moscow, 2018. 453 p.
8. Dickens C. The Pickwick Papers II. Moscow, 2018. 498 p.
9. Gissing G. The Immortal Dickens. London, 1985. P. 237.
10. Gissing G. Charles Dickens: A Critical Study. London, 1978. P. 246.
11. Kincaid James R. Dickens and the Rhetoric of Laughter. Oxford, 1971. P. 369.

References

1. Genieva E.Y. The mystery of Charles Dickens: Bibliographic searches // Publishing House Book Chamber. Moscow, 1990. - p. 243.
2. Safonova E.V. Forms, means and techniques of creating the comic in literature // Young Scientist 2013. No. 5. P. 474 - 478.
3. Silman T.I. Dickens: Essays of creativity. Moscow, 1958. P. 243.
4. Fomicheva Zh.E. On the linguistic means of creating a comic effect in a parody literary text // Izvestiya Tula State University of Higher Attestation, 2009. №1. P. 266.
5. Zweig S. Historical portraits. Three masters Balzac, Dickens, Dostoevsky. Moscow, 2011. P. 1024.
6. Shovkoplyas G.E. An angel unknown to the world named Pickwick. Dickens' first novel as a result and prototype. Kiev, 2010. Pp. 85-97.
7. Dickens C. The Pickwick Papers I. Moscow, 2018. 453 p.
8. Dickens C. The Pickwick Papers II. Moscow, 2018. 498 p.
9. Gissing G. The Immortal Dickens. London, 1985. P. 237.
10. Gissing G. Charles Dickens: A Critical Study. London, 1978. P. 246.
11. Kincaid James R. Dickens and the Rhetoric of Laughter. Oxford, 1971. P. 369.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 811.161.1 + 81'373.6

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.51.39.012

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания

Супрун В.И.

Россия, г. Волгоград, тел. +7-905-3384345,

e-mail: suprun@vspu.ru

*Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Methods of Teaching It*

Suprun V.I.,

Russia, Volgograd, tel. +7-905-3384345

e-mail: suprun@vspu.ru

В.И. Супрун

РАЙСКИЕ ДЕРЕВЬЯ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ РУССКИХ

Предметом статьи являются русские названия растений, образованные от корня *рай-*. Цель работы – описание способов образования русских фитонимов и причин использования основы с высокой положительной семантикой для номинации растений. Основным методом является описательный с элементами компаративного и контрастивного анализа. Областью применения результатов могут стать этимологические и историко-лексикологические наблюдения за функционированием фитонимической лексики в русском языке. Основным дериватом лексемы *рай* стал адъектив *райский*, который вошёл в состав словосочетаний для обозначения растений, которые казались русским красивыми и достойными для положительного наименования. На распространение фитонима *райская яблоня* оказал влияние библейский текст о грехопадении и запретном плоде, а также научные классификации pomологов. В первой половине XIX века в русском языке фиксируется это название дерева с мелкими плодами. Оно является результатом искусственной номинации, пришло в народный язык из научной классификации растений. Создатель термина К. Линней, возможно, ориентировался на библейский текст. В результате универбации из словосочетания возник однословный фитоним, яблоко и дерево стали именоваться *райка*. Это слово вошло в художественные и научные тексты, однако не включено в словари литературного языка. Уже в первой половине XVIII века слова *райское дерево*, *рай-дерево*, *раина* ‘пирамидальный тополь’ были известны в России. В данном случае номинаторы ориентировались только на красоту растения, на переносное значение слова *райский*. Благодаря использованию лексемы *раина* авторитетными писателями она вошла без помет в словари литературного языка, хотя имела локальное распространение, фактически была индериалектизмом.

Ключевые слова: этимология, фитоним, словосочетание, универбат, словарь, авторитетный писатель.

V.I. Suprun

PARADISE TREES IN RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE

The subject of the article is the Russian names of plants formed from the root of *рай-*. The purpose of the work is to describe the ways of formation of Russian phytonyms and the reasons for using a basis with high positive semantics for the nomination of plants. The main method is descriptive with elements of comparative and contrastive analysis. The scope of application of the results can be etymological and historical-lexicological observations of the functioning of phytonymic vocabulary in the Russian language. The main derivative of the lexeme *рай* was the adjectival *райский*, which was included in the phrases for plants that seemed beautiful and worthy of a positive name to Russians. The spread of the phytonym *райская яблоня* was influenced by the biblical text about the fall and the forbidden fruit, as well as scientific classifications of pomologists. In the first half of the XIX century, the name of the tree with small fruits *райская яблоня* is fixed in Russian. This name is the result of an artificial nomination, it came into the vernacular

from the scientific classification of plants. The creator of the term K. Linnaeus may have been guided by the biblical text. As a result of the turning a phrase into a single word, a one-word phytonym emerged from the phrase, an apple and a tree began to be called *райка*. This word has been included in literary texts, but is not included in the dictionaries of the literary language. Already in the first half of the XVIII century, the words *райское дерево*, *рай-дерево*, *раина* 'pyramidal poplar' were known in Russia. In this case, the nominees focused only on the beauty of the plant, on the figurative meaning of the word *райский*. Thanks to the use of the rain lexeme by authoritative writers, it entered the dictionaries of the literary language without a litter, although it had a local distribution, in fact it was inderdialecticism.

Keywords: etymology, phytonym, phrase, turning a phrase into a single word, dictionary, authoritative writer.

В главе третьей Бытия рассказывается о грехопадении первых людей (стихи 1-6): «Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерева мы можем есть. Только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете; Но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что даёт знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел» [1, т. 1, с. 6]. Из текста видно, что в рае были разные деревья, в т. ч., возможно, и яблони, но запретный плод конкретно не назван.

В богословских трудах велись прения о том, с какого дерева был сорван плод. Один из наиболее авторитетных отцов западного христианства Аврелий Августин Иппонийский (Aurelius Augustinus Hippoensis; 354-430), известный в обеих ветвях христианства как святой Августин Блаженный, в своих теологических трактатах несколько раз однозначно называет запретный плод яблоком: «Но если так, то напрасны будут наши старания принимать рай и его деревья с плодами, сверх иносказательного, прежде всего в собственном смысле. Ибо кто же будет думать, что пища из древесных яблоков могла быть необходима для бессмертных и духовных тел?»; «Вот почему и это дерево надобно принимать не за иносказание, а за некоторое действительное дерево, которому дано название не от плода или яблока, на нем рождавшегося, а от того, что имело случиться с вкусившим это яблоко вопреки запрещению.»; «Действительно, яблоко на запрещенном дереве, надобно думать, было таким же, какое на других деревьях они по опыту знали как безвредное; отсюда, они скорее думали, что Бог легко простит их, когда они согрешат, нежели терпеливо могли сносить незнание чего-нибудь, даже и того, почему Бог запретил им брать с этого дерева плод.»; «Ибо и Церковь, которая собирает нас в лоно своей любви, называется раем с плодом яблочным» [2, с. 316-673]. В последнем отрывке святой Августин делает сноску на 12-й стих главы 4-ой Книги песни песней Соломона, в которой яблоками именуются гранаты, т. е. яблоко выступает в обобщённом значении плода: «Рассадники твои – сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами» [1, т. 2, с. 87].

В разных богословских и художественных размышлениях о запретном плоде упоминаются яблоки, инжир (фиги), гранаты, виноград, цитроны, оливы. Особенно эти творческие поиски важны для художников: «Художники всегда нуждались в идентификации Дерева познания добра и зла не меньше, а, быть может, даже больше, чем богословы. Они должны были визуализировать плод, придать ему “оправданные” очертания» [3, с. 676]. Первоначально на христианских фресках Дерево познания добра и зла изображалось в обобщённом виде без каких-либо плодов, но постепенно в литературе и живописи библейское растение обретало вид яблони, а запретный плод – яблока. Возможно, на закрепление этого образа повлияла ассоциативная связь латинских слов *malum* ‘яблоко’ и *malum* ‘зло’ [4, 378]. В восточных диалектах латыни произошёл синекдохический перенос в слове *rotum* ‘плод, фрукт’ на название конкретного плода – яблока, его результатом является французское слово *rotme* ‘яблоко’.

И. И. Руцинская полагает, что на закрепление в европейской культуре яблока как символа запретного плода повлияли традиции античности, сформированная в ней символика растений: яблоко раздора, похищение золотых яблок из сада Гесперид и др. [3, с. 682]. Бразильский историк-медиевист И. Франко Жуниор отмечает, что в Средневековье в европейской иконографии соперничают друг с другом в качестве изображения запретного плода инжир (фиги) и яблоки [5, с. 29-30], однако к середине XII века яблоко окончательно закрепляет за собой эту роль. На стенах Палатинской капеллы (Палермо, Сицилия, 1130-1166 гг.) уже «предельно чётко изображены яблоки в руках у Адама и Евы» [3, с. 684]. По мнению И. И. Руцинской, в дальнейшем «яблоко в сознании европейцев постепенно вытеснило остальные плоды. Оно стало главным символом грехопадения и искупления» [3, с. 688]. Нельзя отрицать чисто хозяйственную, садоводческую роль в этом процессе культурного осмысления библейского текста: за пределами Сре-

земноморья инжир, гранаты и другие экзотические фрукты если и появлялись, то в качестве привозных, а яблони росли повсеместно, яблоки были всем известны.

Этот сюжет нашёл воплощение во многих произведениях западноевропейского искусства. Известен диптих Альбрехта Дюрера (1471-1528) «Адам и Ева» (1507), на котором Адам держит в руке ветку яблони с плодом, а Еве змей передаёт само яблоко [6]. Несколько картин на эту же тему создал немецкий живописец Лукас Кранах-Старший (1472-1553). Известны также подобные работы итальянских художников Тициана Вечелли (1488/1490-1578), Тинторетто (1510-1594) и других европейских мастеров.

Не обошла тема библейского яблока и православную иконографию. В России яблоко в руках Богомладенца изображено на Балыкинской иконе Богородицы (XVII век), на Ростовской иконе Божией Матери «Умиление» (конец XVIII – начало XIX века). Искусствоведы полагают, что образ восходит к западным образцам иконографии, иконам «Рождество Христово» и «Поклонение волхвов», изображениям Мадонны «del Umilta» (XVI в., Северная Италия) [7, с. 291-293]. Ветка с яблоками изображена на иконе преподобного Ефросина [8, с. 508]. М. М. Каспина отмечает, что, как у южных, так и у западных и восточных славян в подавляющем большинстве случаев плод с Древа познания без колебания атрибутируется носителями славянской фольклорной традиции как яблоко [9, с. 184].

Ботаники расходятся во мнении, где впервые была одомашнена дикая яблоня. По мнению известного помолога Анны Михайловны Скибинской (1906-1989), это дерево впервые получило распространение в юго-восточных и центральных районах Китая, затем после наступления оледенения выделилась холодостойкая сибирская популяция в Забайкалье, позже в горах Тянь-Шаня появилась настоящая яблоня, которая постепенно распространилась по миру [10, с. 52-54]. Выдающийся шведский естествоиспытатель, создатель единой системы классификации растительного и животного мира Карл Линней (1707-1778) назвал низкорослую яблоню *Pyrus Malus paradisiaca* [11, с. 10]. Название закрепилось в помологии и после того, как английский ботаник Филипп Миллер (1691-1771) уточнил номенклатуру К. Линнея.

Этот фитоним был переведён с латыни на европейские языки. В данном случае мы имеем дело с искусственной номинацией (ср.: [12]). Во всех странах Европы, а позже и за её пределами плоды низкорослой мелкоплодной яблони стали называть *райскими*: греч. *παράδεισος μήλο*, фр. *pomme de paradis* (*pomme Paradis*), ит. *mela del paradiso*, исп. *manzana del paraíso*, порт. *maçã do paraíso* (*maçã do Éden*), каталан. *paradís de poma*, галис. *paraíso de mazá*, румын. *mărul paradisului*, англ. *paradise apple*, нем., люксемб. *Paradiesapfel*, нидерл. *paradise appel*, швед. *paradis äpple*, норв. *paradise apple*, дат. *paradis æble*, исланд. *paradís epli*, алб. *mollë parajse*, латыш. *parādīzes ābols*, лит. *rojaus obuolys*, венг. *paradicsomi alma*, фин. *paratiisiomena*, эст. *paradiisi õun* и др. Для обозначения самого растения в разных языках использовались разнообразные деривационные средства, в германских языках чаще всего отдельное слово со значением 'дерево': англ. *paradise apple tree*, нем. *Paradiesapfelbaum*, нидерл. *paradise appelboom*, швед. *paradis äppelträd* и пр.

Славяне при обозначении сорта мелкоплодных яблок использовали прилагательное от слова *рай*: рус. *райское яблоко*, укр. *райське яблуко*, белорус. *райскі яблык*, болг. *райска ябълка*, серб. *райска ябука*, хорв. *rajska jabuka*, польс. *rajskie jabłko*, чеш. *rajské jablko*. Для обозначения дерева в славянских языках использовался вторичный суффикс *-н-, присоединяемый к основе *abol- [13, т. 4, с. 539].

Итак, сорт мелких яблок, которые используются не столько для еды, сколько для приготовления варенья или цукатов, по-русски стали называться *райские яблоки*, а дерево – *райская яблоня*. Почему-то этот фитоним, общеизвестный носителям языка, судя по его представленности в интернет-коммуникации, в произведениях писателей и в текстах культуры (названия книг, стихотворений, песен, фильмов и пр.; правда, многие из этих библионимов, фильмонимов и артионимов использовали это словосочетание в метафорическом смысле), фиксируется только в диалектном словаре, да и то в весьма ограниченном числе контекстов: *Райская яблоня. Вид низкорослой мелкоплодной яблони. Бурнашев* [14, т. 34, с. 87].

Впервые это название яблони в русском языке зафиксировано во втором томе словаря чиновника нескольких министерств и канцелярий, писателя-любителя и агронома, члена Императорского Вольного экономического общества Владимира Петровича Бурнашева (1810-1888) «Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» (1844): *Райския яблони. Род месных яблоней, всегда низко растущих* [16, с. 224]. Первые словари русского языка этого названия ещё не знают. В «Словаре Академии Российской» упоминаются *яблочки сибирские*, похожие в описании на *райские*: *Pyrus baccata, деревцо кустообразное, цветом, плодом и листьями на обыкновенную яблоню похожее, но плод его бывает не более вишни. Растет по горам Даурским в Сибири* [17, т. VI, с. 1025]. Эта же статья повторяется с сокращениями в «Словаре церковнославянского и русского языка» [18, с. 479].

По закону экономии речевых усилий словосочетание было преобразовано в русском языке в универбат: *райское яблоко, райская яблоня* > *райка*. Тем самым благодаря деривации искусственная номинация в языке сменилась естественной. Он включён в диалектные словари: *Райка, ж. 1. Сорт мелкоплодной яблони. Прииссыкул. Киргиз. ССР, 1970* [14, т. 34, с. 86]; *Райка. Сорт мелких красных яблок* [15, с. 224]. Фитоним получает распространение в общенародном языке, он попадает в художественные тексты. В автобиографической книге «Конь рыжий» писатель-эмигрант Роман Борисович Гуль (1896-1986) вспоминает о своём пензенском детстве: *Мы ходим по саду, пособираем яблок, раек, дуль. <...> Вся Сапеловка – в одну улицу, в тридцать дворов. Линейку уже ждут ребяташики, кричат: «Барыня, дай яблочков». Им летят яблоки, райки, дули; ребяташики давкой подхватывают их, пока в завившейся пыли линейка не исчезнет* [19]. Упоминаемая в тексте Сапеловка – ныне не существующая деревня в Пензенской области, основанная в конце XVII века солдатами-однодворцами Керенской оборонительной черты. Разбрасывающая детям фрукты барыня, видимо, мать писателя Ольга Сергеевна [20, с. 156-159].

Эта лексема встречается также в книге рассказов для детей Аллы Вениаминовны Драпкиной «Волшебные яблоки»: *Я, например, нарочно болела, чтоб Журавлина меня навещала. Она приходила и приносила какие-то маленькие, сморщенные сухие яблочки, которые назывались «райки» и были необыкновенно вкусные* [21].

Фитоним попал в научные справочники: Парадизка, райка (*Malus pumila* var. *paradisiaca*), кустарник или дерево (выс. до 2 м); разновидность яблони низкой [22, с. 376]. На первом месте в статье энциклопедического словаря стоит лексема *парадизка*, образованная суффиксальным способом от латинского уточняющего термина. Это слово известно западным славянам, оно встречается только в контекстах, повествующих о русском сорте яблок: чеш. *paradiska*, *paradizka*, словац. *paradiska*, *paradizka*, польск. *paradizka*.

Однако яблоня была не единственным райским деревом в садах России. Сходный фитоним впервые фиксируется в «Словаре Академии Российской». Работа над этим словарём началась еще в 1783 году, при этом использовались материалы более ранних записей (1735-1743 и 1771-1783 годов) [23, с. 114-143]. Следовательно, уже в первой половине XVIII века название было известно в России, хотя и его употребление было локально ограничено. В пятом томе этого словаря дана статья РАЙ, или РАЙСКОЕ ДЕРЕВО: *Populi nigrae variettas. Дерево, род осокори, но весьма толстое, высокорослое и прямое, бывающее до 10 сажень в высоту, многочисленные и прямые его ветви дают ему вид пирамидальной, листья в нем во всем подобны осокорным, но несколько мельче, и цвет темнее, да и состав дерева плотнее осокореваго. Растет весьма скоро и в 12 лет достигает своего совершенства: его можно употреблять в строение, на пиление досок и прочие поделка; растет в Таврической области* [17, т. V, с. 65]. Согласно современной орфографии, в первом случае необходимо слово *рай* снабдить дефисом: речь идёт о результате композитного способа деривации, превращения словосочетания *райское дерево* в *рай-дерево*.

Похожее описание растения дано в книге о Таврической области, изданной в 1785 году, спустя год после создания этой области по указу Екатерины II от (8) 19 февраля 1784 года «Об устройстве Таврической области». Эта книга была написана русским учёным-энциклопедистом, естествоиспытателем, географом и путешественником Карлом Ивановичем (Карлом Людвигом) Габлицем (1752–1821) по поручению главноначальствующего, генерал-фельдмаршала Григория Александровича Потёмкина (1739-1791), руководившего присоединением Крыма к Российской империи и первоначальным устройством новой территории страны. В этом сочинении среди деревьев, служащих для украшения садов, упоминается рай-дерево, или итальянская осокорь, которая «отмечается преизящным своим ростом, до десяти и более сажень бывает, для заведения лесов не может быть лучшего дерева, как сие, равно как и по всей полуденной части России» [24, с. 80].

Эту лексему мы обнаруживаем в словаре Владимира Ивановича Даля (1801-1872). Лексикограф отмечает, что *рай-деревом*, или *райским деревом* называется «алтайская, душистая осокорь, пахучий тополь, *Populus laurifolia*» [25, с. 56]. В данном случае образование названия произошло, вероятно, на основании семантики прилагательного *райский* ‘прекрасный, очаровательный’ [26, с. 637], ‘прекрасный, доставляющий радость, удовольствие’ [27, с. 1084]; это словосочетание – результат естественной номинации.

На Дону, Кубани, Украине было широко распространено название пирамидального тополя *раина*, возникшее путём универбации из словосочетания *райское дерево*. Суффикс *-ина* наложился на последний согласный корня [й], который слился с гласным [и], как и в словах *окраина*, *закраина* [28, с. 199]. Эта лексема фиксируется в книге Петра Симона Палласа (1741-1811) о Крыме (1795). Естествоиспытатель в 1793-1794 годы совершил поездку в Крым, а с 1796 года поселился в пожалованном ему имении Шуле

(ныне на территории Симферополя). В описании растений Крыма он называет «обыкновенную осокорь и раину, или крымскую осокорь» [29, с. 50]. Видимо, словом *осокорь* переводчик перевёл французское название дерева *reuplier*, а лексема *раина* была им транслитерирована. Дериват этого слова встречается в словаре В. И. Даля: *ракита, итальянский, южный, украинский тополь, Populus pyramidalis. Раиновая роща* [25, с. 56]. В статье *ракита* лексикограф указывает, что так называют «местами осокорь, тополь» [там же].

В БАС ошибочно указано, что это слово впервые фиксируется в словаре профессора Пажеского корпуса Ивана Филипповича Литхена [30, т. 12, с. 560]. Однако в этом словаре, изданном в ноябре 1761 года (на обложке – 1762), приведено фактически другое слово, который переведено на французский язык *la vergue* ‘рея’ [31, с. 576]. Эта лексема отмечена В.И. Далем: *Райна ж., стар. ныне рей, поперечное дерево на мачте, к которому привязан парус (прямой, косые без реев)* [25, с. 56]. Встречается также форма этого слова *раина*, омоним к названию дерева. В книге писателя-этнографа Павла Ивановича Якушкина (1822-1872) оно используется в следующем контексте: У насъ, знаешь, парусъ круглый въ 12 сажень такъ дѣлается: къ нижней раинѣ по концамъ пристегнуть, а къ верхней, въ частую — такъ четверти на двѣ привязка отъ привязки... привязуть, да и вздынуть на гаршій на самый верхъ на стырь (мачту); такъ при вѣтрѣ сила большая: небывалому и не справиться [32, с. 131]. Эта лексема, как и упомянутый В. И. Далем *рей*, заимствована из нидерландского от слова *ghee* ‘жердь, шест’ [13, т. 4, с. 463].

БАС в дефиниции указывает на локальность распространения слова *раина*, тем самым косвенно характеризуя его фактически как интердиалектизм: *Название пирамидального тополя на Украине, на Северном Кавказе*. В иллюстративной части приводятся цитаты из произведений М.Ю. Лермонтова, Н.М. Языкова, Л.Н. Толстого, М.А. Шолохова [30, т. 12, с. 559-560]. Слово *раина* 4 раза встречается в повести Льва Николаевича Толстого «Казачья»: *По правому берегу расположены мирные, но еще беспокойные аулы; вдоль по левому берегу, в полуверсте от воды, на расстоянии семи и восьми верст одна от другой, расположены станицы. В старину большая часть этих станиц были на самом берегу; но Терек, каждый год отклоняясь к северу от гор, подмыл их, и теперь видны только густо заросшие старые городища, сады, груши, лычи и раины, переплетенные ежевичником и одичавшим виноградником. <...> Перед светлыми большими окнами многих домов, за огородами, поднимаются выше хат темно-зеленые раины, нежные светлолиственные акации с белыми душистыми цветами, и тут же нагло блестящие желтые подсолнухи и вьющиеся лозы травянок и винограда. На широкой площади виднеются три лавочки с красным товаром, семечком, стручками и пряниками; и за высокой оградой, из-за ряда старых раин, виднеется, длиннее и выше всех других, дом полкового командира со створчатыми окнами. <...> И плетни, и белевшая на дворах скотина, и крыши домов, и стройные раины — все, казалось, спало здоровым, тихим, трудовым сном. <...> Полный золотой месяц выплывал из-за черных раин, поднимавшихся на одной стороне площади* [33, с. 163, 166, 285].

Дважды эта же лексема отмечена в рассказе Л. Н. Толстого «Набег»: *Солнце садилось и бросало косые розовые лучи на живописные батареи и сады с высокими раинами, окружавшие крепость, на засеянные желтеющие поля и на белые облака, которые, столпясь около снеговых гор, как будто подражая им, образовывали цепь не менее причудливую и красивую. <...> Стройные раины садов, видневшиеся на горизонте из-за выбеленных, освещаемых луною землянок с камышовыми крышами, казались еще выше и чернее* [34, с. 17, 19]. Последняя цитата включена в МАС, дана следующая сокращённая дефиниция слову *раина*: *Вид пирамидального тополя* [26, т. 3, с. 637].

Оба произведения описывают события, происходящие на юге страны. В апреле 1851 года в качестве волонтера Л. Н. Толстой прибыл в действующую армию в станицу Старогладовскую на Северном Кавказе [35, с. 3-19]. В «Казачьях» он её назвал Новомлинской, соединив в ней черты разных казачьих станиц [36, с. 135]. Здесь он услышал слово *раина* и включил его в свои произведения.

Возникает проблема включения в словари литературного языка внелитературной лексики. Понимая невозможность преодолеть континуальность языка, отсутствие чётких границ между разными его пластами и состояниями как во времени, так и в пространстве, составители словарей допускают введение в лексикографическую практику таких оксюморонных понятий, как *литературное просторечие* и столь же оксюморонной пометы *обл.* у слов литературного языка. Сергей Иванович Ожегов (1900-1964), размышляя о составе большого словаря, писал: «Большой словарь с возможной полнотой включает лексику художественных и общественно-публицистических произведений XIX-XX вв., широко отраженную (систематически употребляемую) в художественной и отчасти в публицистической литературе областную речь и просторечие разных типов, как выразительные средства литературного языка, терминологию и разго-

ворную речь с ее типичными фразеологическими штампами, характерными для разных периодов развития литературного языка» [37, с. 94-95]. Эта же мысль высказывается составителями МАС, которые отмечают, что в словарь не включены «областные слова, за исключением тех, которые достаточно широко представлены в художественных произведениях различных авторов или обозначают предметы, явления, понятия, особенно важные и характерные для жизни, быта и т. д. населения той или иной области и широко известные за её пределами» [26, т. 1, с. 7].

Слово *раина* вряд ли широко известно за пределами южных регионов распространения русского языка, однако оно достаточно ярко представлено в художественных текстах, поэтому его включение в словарь литературного языка в целом оправдано, но возникает вопрос об отсутствии пометы, указывающей на ограниченное употребление лексемы. Видимо, авторитет русских писателей сказался на работе лексикографов, которые приняли решение не указывать ограничивающих помет. Слово употребляется и в новых словарях русского литературного языка [27, с. 1084; 38, с. 54].

Интересно проследить употребление этой единицы в «Поднятой целине» М. А. Шолохова: *В Гремячем же Логу ночью стынет глухая тишина. Искрятся пустынные окрестные бугры, осыпанные лебяжьим пухом молодого снега. В балках, на сувалках, по бурьянам пролиты густо-синие тени. Почти касается горизонта дышло Большой Медведицы. Чёрной свечой тянется к тягостно высокому чёрному небу раина, растущая возле сельсовета* [39]. О том, что лексема *раина* может вызвать сложности у читателей при восприятии текста, свидетельствует сноска с пояснением: *пирамидальный тополь*. При этом явный диалектизм *сувалки* автором не поясняется. Это слово не включено в СРНГ. Вероятно, оно семантически близко диалектизму *сувал* 'собранное в кучу скошенное сено; сено, солома, сваленные в кучу' [14, в. 42, с. 136].

Диалектологи также ощутили локальную закреплённость слова и включили его в «Словарь русских народных говоров» с указанием на широту распространения интердиалектизма: Терек, Ставрополье, Дон, Кубань, Волгоградская, Воронежская, Саратовская области, Урал [14, в. 34, с. 83].

Итак, адъектив *райский* вошёл в состав словосочетаний для обозначения растений, которые казались русским красивыми и достойными для положительного наименования. На распространение фитонима *райская яблоня* оказал влияние библейский текст о грехопадении и запретном плоде, а также научные классификации помологов. В первой половине XIX века в русском языке фиксируется это название дерева с мелкими плодами. Оно является результатом искусственной номинации, пришло в народный язык из научной классификации растений. Создатель термина К. Линней, возможно, ориентировался на библейский текст. В результате универбации из словосочетания возник однословный фитоним: яблоко и дерево стали именоваться *райка*. Это слово вошло в художественные тексты, однако не включено в словари литературного языка. Уже в первой половине XVIII века лексема *райское дерево*, *рай-дерево*, *раина* 'пирамидальный тополь' были известны в России. В данном случае номинаторы ориентировались только на красоту растения, на переносное значение слова *райский*. Благодаря использованию слова *раина* авторитетными писателями оно вошло без помет в словари литературного языка, хотя имело локальное распространение, фактически было индердиалектизмом.

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. С иллюстрациями Г. Дорэ. Ленинград: Северо-Западная библейская комиссия, 1990. Т. I. 575 с. Т. II. 623 с.
2. Августин Блаженный. О книге Бытия / Блаженный Августин // Он же. Творения. В 4 т. Т. 2: Теологические трактаты / Сост. С. И. Еремеева. Санкт-Петербург: Алетейя; Киев: УЦИММ-пресс, 1998. С. 316-673. (Переиздание перевода Киевской духовной академии в 11 частях 1879-1908 гг.).
3. Руцкая И.И. Сюжет о грехопадении в европейской живописи III-XIII веков: стратегии изображения «запретного плода» // Культура и искусство. 2016. №5(35). С. 675-689.
4. Петрученко О. Латинско-русский словарь. Репринт 9-го изд. 1914 г. М.: Греко-лат. кабинет, 1994. 810 с.
5. Franco Júnior, H. Entre la figue et la pomme: l'iconographie romane du fruit défendu // Revue de l'histoire des religions (Paris). 2006. Т. 223. Fasc. 1. Р. 29-70.
6. Степанов А.В. Мастер Альбрехт. Л.: Искусство, Ленингр. отд., 1991. 181 с.
7. Давыдова Е.В. Балыкинская икона Божией Матери / Е. В. Давыдова, В. И. Вахрина, Е. А. Яскевич // Православная энциклопедия. Т. IV. Москва: Правосл. энцикл., 2002. С. 291-293.

8. Лифшиц Л.И. Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI – первая четверть XII века / Л. И. Лифшиц, В. Д. Сарабьянов, Т. Ю. Царевская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 888 с.
9. Каспина М.М. Сюжеты об Адаме и Еве в свете исторической поэтики: На материале древней и средневековой еврейской и славянской книжности: Дисс. <...> канд. филолог. наук. Москва, 2001. 251 с.
10. Скибинская А.М. Историческая география рода *Malus* // Бюллетень Главного ботанического сада. 1966. Т. 61. С. 52-59.
11. Лангенфельд В.Т. Яблоня: Морфологическая эволюция, филогения, география, систематика. Рига: Знатье, 1991. 232 с.
12. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1998. 232 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. Москва: Прогресс, 1986-1987.
14. Словарь русских народных говоров. Вып. 34. Санкт-Петербург: Наука, 2000. 367 с. Вып. 42. 2008. 330 с.
15. Ткаченко П.Н. Кубанский говор: опыт авторского словаря. Изд. 2-е, уточн. и доп. / П. Н. Ткаченко. Краснодар: Традиция, 2008. 288 с.
16. Бурнашев В. П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. В 2 т. Т. II. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1844. 415 с.
17. Словарь Академии Российской. Часть V. Санкт-Петербург: Тип. ИАН, 1794. 602 с. Часть VI. Санкт-Петербург: Тип. ИАН, 1794. 3 с. + 1064 стлб. + 62 с. – показание словам.
18. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. Том IV. СПб.: Тип. ИАН, 1847. 487 с.
19. Гуль Р.Б. Конь рыжий. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 283 с.
20. Мануйлова Е. В. Роман Гуль, Пенза и «Конь Рыжий» // Земство (Пенза). 1994. № 1. С. 156-159.
21. Драбкина А.В. Волшебные яблоки: Рассказы и повесть. Л.: Дет. лит., 1975. 112 с.
22. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь / Гл. ред. В.К. Месяц. М.: Сов. энцикл., 1989. 656 с.
23. Биржакова Е.Э. Словарь Академии Российской (1789-1794) // Она же. Русская лексикография XVIII века. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 114-143.
24. [Габлиц К.И.] Физическое описание Таврической области, ее местоположения и по всем трем царствам природы. СПб.: Имп. тип. Ивана Вейтбрехта, 1785. 199 с.
25. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том IV. М.: ГИИНС, 1955. 683 с.
26. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т.1. М.: Рус. яз., 1981. 698 с. Т. 3. 1983. 752 с.
27. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
28. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. 2-е изд., стер. Москва: Рус. яз., 1980. 880 с.
29. Паллас П.С. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области, сочиненное на французском языке Петром Палласом, статским советником, Академии наук членом, ордена Св. Владимира кавалером, и переведенное Иваном Рижским. Санкт-Петербург: Имп. тип., 1795. 4 + 72 с.
30. Словарь русского литературного языка: в 17 т. Т. 1 / Гл. ред. В.И. Чернышёв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. XLII с. + 736 стлб. + 32 с. Т. 12 / Пред. ред. кол. Ф.П. Филин, 1961. IV с. + 1676 стлб.
31. [Литхен И.Ф.] Лексикон российской и французской в котором находятся почти все российские слова по порядку российского алфавита. Ч. 1. СПб.: [Тип. Сухопут. кадет. корпуса], 1762. 763 + 11 с. погрешностей.
32. Якушкин П.И. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний / Изд-е Д. Е. Кожанчикова. СПб.: Тип. Торгового дома С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К^о, 1860. 204 с.
33. Толстой Л.Н. Казаки: Кавказская повесть 1852 года // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах. Том третий. Произведения 1857-1863 гг. М.: Худ. лит., 1979. С. 151-301.
34. Толстой Л.Н. Набег: Рассказ волонтера // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах. Том второй. Повести и рассказы. М.: Худ. лит., 1979. С. 7-32.
35. Опульская Л. Повести и рассказы молодого Л. Толстого // Толстой Л.Н. Казаки. Повести и рассказы. М.: Худ. лит., 1981. С. 3-19.

36. Шкловский В. Б. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 1963. 864 с. (Жизнь замечательных людей. Вып. 6/363).
37. Ожегов С.И. О трёх типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. №2. С. 85-103.
38. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В трёх томах. III т.. М.: АСТ; Астрель, 2006. 973 с.

References

1. The Bible. The books of Holy Scripture of the Old and New Testaments are canonical. With illustrations by G. Dore. Leningrad: North-Western Bible Commission, 1990. Vol. I. 575 p. Vol. II. 623 p.
2. Augustine the Blessed. About the Book of Genesis / Blessed Augustine // He is. Creations. In 4 vols. Vol. 2: Theological Treatises / Comp. S. I. Eremeev. St. Petersburg: Alethea; Kiev: UCIMM-press, 1998. pp. 316-673. (Reprint of the translation of the Kiev Theological Academy in 11 parts 1879-1908.).
3. Rutsinskaya I.I. The plot of the fall in European painting of the III-XIII centuries: strategies for depicting the "forbidden fruit" // Culture and Art. 2016. No.5(35). pp. 675-689.
4. Petruchenko O. Latin-Russian dictionary. Reprint of the 9th ed., 1914, Moscow: Greek-Lat. cabinet, 1994. 810 p.
5. Franco Júnior, H. Entre la figue et la pomme: l'iconographie romane du fruit défendu // Revue de l'histoire des religions (Paris). 2006. Vol. 223. Fasc. 1. p. 29-70.
6. Stepanov A.V. Master Albrecht. L.: Art, Leningr. ed., 1991. 181 p.
7. Davydova E.V. Balykinskaya Icon of the Mother of God / E. V. Davydova, V. I. Vakhrina, E. A. Yaskevich // Orthodox Encyclopedia. Vol. IV. Moscow: Pravosl. encikl., 2002. pp. 291-293.
8. Lifshits L.I. Monumental painting of Veliky Novgorod. The end of the XI – the first quarter of the XII century / L. I. Lifshits, V. D. Sarabyanov, T. Y. Tsarevskaya. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2004. 888 p
9. Kaspina M.M. Plots about Adam and Eve in the light of historical poetics: Based on the material of ancient and medieval Jewish and Slavic literature: Diss. <...> Candidate of Philological Sciences. Moscow, 2001. 251 p.
10. Skibinskaya A.M. Historical geography of the genus Malus // Bulletin of the Main Botanical Garden. 1966. Vol. 61. pp. 52-59.
11. Langenfeld V.T. Apple tree: Morphological evolution, phylogeny, geography, systematics. Riga: Znatne, 1991. 232 p.
12. Golomidova M.V. Artificial nomination in Russian onomastics. Yekaterinburg: Publishing House of Ural State Pedagogical University. un-ta, 1998. 232 p.
13. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes / Trans. from it. and additional by O. N. Trubachev; ed. and with a preface by B. A. Larin. 2nd ed., erased. Moscow: Progress, 1986-1987.
14. Dictionary of Russian folk dialects. Issue 34. Saint Petersburg: Nauka, 2000. 367 p. Issue 42. 2008. 330 p.
15. Tkachenko P.N. Kuban dialect: the experience of the author's dictionary. 2nd edition, ref. and additional / P. N. Tkachenko. Krasnodar: Tradition, 2008. 288 p.
16. Burnashev V. P. Experience of the terminological dictionary of agriculture, manufacturing, crafts and everyday life of the people. In 2 vols. Vol. II. St. Petersburg: Type. K. Zhernakov, 1844. 415 p.
17. Dictionary of the Russian Academy. Part V. St. Petersburg: Type. IAN, 1794. 602 p. Part VI. St. Petersburg: Type. IAN, 1794. 3 p. + 1064 stlb. + 62 p. – testimony to words.
18. Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the second department of the Imperial Academy of Sciences. Volume IV. St. Petersburg: Type. IAN, 1847. 487 p.
19. Gul R.B. Red horse. New York: Publishing House. Chekhov, 1952. 283 p.
20. Manuylova E. V. Roman Gul, Penza and the "Red Horse" // Zemstvo (Penza). 1994. No. 1. pp. 156-159.
21. Drabkina A.V. Magic apples: Stories and a novella. L.: Det. lit., 1975. 112 p.
22. Agricultural encyclopedic dictionary / Gl. ed. V.K. Month. M.: Sov. encikl., 1989. 656 p.
23. Birzhakova E.E. Dictionary of the Russian Academy (1789-1794) // She's the same. Russian lexicography of the XVIII century. St. Petersburg: Nestor-History, 2010. pp. 114-143.

24. [Gablitz K.I.] Physical description of the Tauride region, its location and all three kingdoms of nature. St. Petersburg: Imp. type. Ivan Weitbrecht, 1785. 199 p.
25. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Volume IV. M.: GIINS, 1955. 683 p.
26. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / Edited by A.P. Evgenieva. 2nd ed., ispr. and additional Vol.1. Moscow: Rus. yaz., 1981. 698 p. t. 3. 1983. 752 p.
- Russian Russian Dictionary / Editor-in-Chief S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 1998. 1536 p
28. Zaliznyak A.A. Grammatical dictionary of the Russian language: Word Modification. 2nd ed., erased. Moscow: Rus. yaz., 1980. 880 p.
29. Pallas P.S. A brief physical and topographic description of the Tauride region, composed in French by Peter Pallas, State Councilor, member of the Academy of Sciences, knight of the Order of St. Vladimir, and translated by Ivan Rizhsky. Saint Petersburg: Imp. tip., 1795. 4 + 72 p.
30. Dictionary of the Russian literary language: in 17 vols. Vol. 1 / Gl. ed. V.I. Chernyshev. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. XLII p. + 736 stlb. + 32 p. t. 12 / Pre. ed. Col. F.P. Filin, 1961. IV p. + 1676 stlb.
31. [Lithen I.F.] The lexicon of Russian and French, which contains almost all Russian words in the order of the Russian alphabet. Part 1. St. Petersburg: [Type. Overland. cadet. buildings], 1762. 763 + 11 p. errors.
32. Yakushkin P.I. Travel letters from Novogorod and Pskov provinces / Ed. by D. E. Kozhanchikova. SPb.: Type. Trading houses of S. Strugovshchikov, G. Pokhitonov, N. Vodova and Co., 1860. 204 p.
33. Tolstoy L.N. Cossacks: The Caucasian Tale of 1852 // Tolstoy L.N. Collected works in 22 volumes. Volume three. Works of 1857-1863, Moscow: Khud. lit., 1979. pp. 151-301.
34. Tolstoy L.N. Raid: A Volunteer's Story // Tolstoy L.N. Collected works in 22 volumes. Volume two. Novellas and stories. Moscow: Khud. lit., 1979. pp. 7-32.
35. Opulskaya L. Novellas and stories of young L. Tolstoy // Tolstoy L.N. Cossacks. Novellas and short stories. Moscow: Khud. lit., 1981. pp. 3-19.
36. Shklovsky V. B. Lev Tolstoy. Moscow: Molodaya gvardiya, 1963. 864 p. (The lives of wonderful people. Issue 6/363).
37. Ozhegov S.I. On three types of explanatory dictionaries of the modern Russian language // Questions of linguistics. 1952. No.2. pp. 85-103.
38. Efremova, T.F. Modern explanatory dictionary of the Russian language. In three volumes. III t. M.: AST; Astrel, 2006. 973 p.

УДК 811.111-26

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.61.27.013

*Луганский государственный университет
имени Владимира Даля*

*кандидат филологических наук, доцент кафедры
теории и практики перевода и общего языкозна-
ния*

Фомина С.Б.

Украина, г. Луганск, тел. +38050-938-18-61

e-mail: sbfomina@gmail.com

Luhansk Vladimir Dahl State University

*PhD., Associate Professor, Department of
Theory and Practice of Translation and Gen-
eral Linguistics*

Fomina S.B.

Ukraine, Lugansk, tel. +38050-938-18-61

e-mail: sbfomina@gmail.com

С.Б. Фомина

ТЕКСТЫ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА

В статье рассматриваются лексико-семантические характеристики страноведческой и культурно-маркированной лексики современного англоязычного текста на материале электронных изданий: The Financial Times, Vogue, The Future Lawyer, Positive News, The Times, особенности ее функционирования, специфика перевода. Лингвострановедческий текст представлен как вмещатель культурологической, социологической и исторической информации, позволяющей познать духовное богатство другого народа, предоставить дополнительные знания как о языковой, так и о концептуальной картинах мира, что, в свою очередь, позволяет избежать ошибок и недопонимания в межкультурном общении. Текст лингвострановедческого характера представлен как сфера функционирования различных реалий, а именно: новообразований и слов нового и традиционно-го быта, названий процессов и явлений; историзмов, фразеологических единиц, фольклорных слов, лексики иноязычного происхождения. Предметом выступают лингвистические и экстралингвистические характеристики страноведческой лексики современного английского языка, способы их передачи с английского языка на русский. Целью исследования является описание культурно-маркированной лексики современного английского языка и применение переводческих трансформаций при ее передаче на русский язык. Обработка фактического материала позволяет определить наиболее характерные типы реалий, а именно: географических и этнографических, общественно-политических и местных реалий. Рассмотрены трудности, с которыми сталкивается переводчик при передаче смысла лингвострановедческих текстов, содержащих реалии и лексические единицы, понятные только носителю языка, что связано со сложностью перевода при отсутствии эквивалента в переводящем языке в силу отсутствия референта для обозначения объекта. Перевод культурно-маркированных лексических единиц связан как с передачей семантического значения реалии, так и с коннотативным значением, то есть национально-историческим колоритом. Проанализированы особенности и определены основные способы передачи лингвострановедческой лексики. Отмечены и обоснованы основные формальные (транскрипция, транслитерация, калькирование) и лексико-грамматические трансформации с целью получения полноценного перевода, сделан акцент на необходимости учета фоновых, энциклопедических знаний для достижения адекватного варианта перевода.

Ключевые слова: тексты лингвострановедческого характера; семантика; лексика; страноведческая лексика; реалии; способы перевода; переводческие трансформации.

S.B. Fomina

LINGUA-CULTURAL TEXTS AND TRANSLATION TECHNIQUES

The article observes the lexical and semantic characteristics of the regional and cultural vocabulary of the modern English-language text based on the material of the electronic publications from papers: The Financial Times, Vogue, The Future Lawyer, Positive News, The Times. The features of functioning vocabulary and the specifics of translation are examined. The text of a linguistic and cultural character is presented as a capacity of cultural, sociological and historical information, which allows to learn the spiritual wealth of other culture representatives, provide additional knowledge of both the language and conceptual mapping of the world, the knowledge that helps avoiding errors and misunderstanding in cross-cultural communication. The text of a linguistic and cultural character is presented as a sphere of functioning of various realias, such as neologisms and words of a new and traditional way of life, names of processes and phenomena; historicisms, phraseological units, folk words, vocabulary of foreign language origin. The

subject is the linguistic and extralinguistic characteristics of the regional geographic vocabulary of the modern English language, ways of transferring them from English into Russian. The aim of the article is to describe the current regional vocabulary of the modern English language and the use of translation techniques from English into Russian. The factual material analysis makes it possible to determine the most characteristic types of realias, such as geographic and ethnographic realias; socio-political and local ones. The difficulties the translator encounters when translating linguistic and cultural texts, containing both realias and lexical units that are understandable only to a native speaker, are considered. That is associated with the complexity of translation because of the absence of an equivalent in the translating language, due to the absence of a referent to designate an object. The translation of culturally marked lexical units is associated with both the transfer of the semantic meaning of realia and the connotative meaning, that is, the national-historical peculiarities. The features are analyzed and the main ways of transferring of linguistic and cultural vocabulary are determined. The main formal transformations (transcription, transliteration, calque translation) and lexical and grammatical transformations are observed; background and encyclopedic knowledge are emphasized for achieving adequate translation.

Key words: texts of a linguistic and cultural nature; semantics; vocabulary; regional vocabulary; realias; translation techniques; translation transformations.

Перевод текстов лингвострановедческого характера связан с определенными усилиями, т. к. подобные тексты насыщены особой лексикой, которая требует от переводчика не только высокого уровня квалификации в знании грамматики и лексики иностранного языка, осведомленности в области страноведения, но и понимания культуры народа носителя языка. Язык – это не только средство общения, но и вместилище культурологической, социологической и исторической информации о народе. Актуальность тематики мотивирована тем, что лингвострановедческие элементы помогают познать духовное богатство другого народа, повышают уровень гуманитарного образования и способствуют вхождению в мировое сообщество, а также особым вниманием к эволюции лексического состава английского языка и особенностям перевода англоязычных реалий, связанных с проблемой адекватного перевода.

Объект исследования – страноведческая лексика. Предмет исследования – свойства, лингвистические и экстралингвистические характеристики страноведческой лексики современного английского языка, способы перевода. Материалом исследования послужили тексты англоязычной электронной прессы. Цель исследования – описание страноведческой лексики современного английского языка и применение переводческих трансформаций при ее передаче на русский язык.

В последние годы интерес к проблемам межкультурного общения не только сохраняется в самых разных отраслях гуманитарных наук, но и, с учетом расширения межкультурных контактов на самых разных уровнях, становится все более актуальным. В отечественной литературе фундаментальный вклад в разработку теоретических основ лингвострановедения сделали Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров [1], С. Влахов и С.Флорин [2], Ю. Е. Прохоров [3]. Известно, что языку свойственно не только накапливать и хранить, но и отражать явления культуры народа. В. Н. Телия отмечает, что знаки «языка» культуры, не будучи подчиненными закономерностям исключительно языковой комбинации не только по смыслу, но обычно и по форме, как бы «схватывают», фиксируют свое комбинаторное лексико-семантическое окружение, подчиняя его своим культурным смыслам [4, с. 674].

Понятие «культурно маркированная лексика» зачастую относится к безэквивалентной лексике. Наряду с этим в языкознании существуют такие понятия как «фоновая лексика», «реалия», «экзотизм», «варваризм» и другие лексические единицы. Наличие такого количества терминов для обозначения лексических единиц (ЛЕ) с культурным компонентом в семантике обусловлено отсутствием единой концепции среди языковедов по классификации культурно маркированной лексики. Существует множество классификаций культурно маркированных единиц, исследователи основываются на тех или иных принципах. Так, теоретики советского лингвострановедения Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров [1] разделяют страноведческую лексику на эквивалентную, безэквивалентную и фоновую. Следует заметить, что две последние группы можно разделить на несколько подгрупп:

- а) новообразования и слова нового быта;
- б) названия процессов и явлений традиционного быта;
- в) историзмы;
- г) лексика фразеологических единиц;
- д) фольклорные слова;
- е) слова иноязычного происхождения.

Л. Б. Воскресенская распределяет слова со страноведческой маркировкой на

- а) тематическую и ситуативную;
- б) общественно-политическую;

- в) социальную;
- г) межтематическую лексику [5, с. 34].

Кроме указанного, отметим, что Е.М. Верещагин и В. Г. Костомаров [1] предлагают еще одну классификацию страноведческой лексики по источникам получения:

- а) информантов носителей языка;
- б) из лексикологических источников;
- в) по анализу высказываний лиц, изучающих иностранный язык и оказавшихся в новой для них национально-культурной общности;
- г) в текстах, где она (страноведческая лексика) существует в скрытом состоянии.

С. Флорин и С. Влахов предложили следующую классификацию реалиям в зависимости от местного и исторического колорита, также они учли такие факторы, как: язык, степень «освоенности», распространенность, форма и методы перевода [2, с. 88]. Классификация имеет следующий вид:

1. Предметное деление: географические реалии; этнографические реалии; общественно-политические реалии (административно-территориальное устройство, органы и представители власти, общественно-политическую жизнь, военные реалии).
2. Местные реалии: реалии в пределах одного языка, либо реалии в пределах двух языков.
3. Часовой деление: современные реалии; исторические реалии [2, 50].

Итак, трудности для понимания представляют именно реалии. Для правильной и точной передачи информации необходимо иметь комплекс знаний по истории, культуре, иностранному языку, а также фоновые, энциклопедические знания.

Существуют различные точки зрения о способах передачи смысла страноведческой лексики, в частности, реалий. Теоретики перевода С. Влахов и С. Флорин предлагают такие приемы передачи реалий в художественном переводе: транскрипция / транслитерация, замена, примерный перевод, контекстуальный перевод [2, с. 87-92]. Для того, чтобы решить, транскрибировать реалию или переводить, нужно проанализировать, какую роль реалия играет в содержании, насколько значима она при передаче колорита и является ли важным лексическим элементом в тексте. Своя реалия всегда понятна реципиенту, чужая – требует более детального осмысления, для этого переводчику нужно найти способы полного раскрытия значения реалии. Главным признаком распространенности реалии является то, что ее можно найти в словарях (словарные реалии). Словарные реалии, которые имеют высокую семантическую активность и стилистическую окраску, в большинстве случаев передаются путем транскрибирования / транслитерации.

Зачастую звучание считается эффективнее передачи графического изображения, кроме того, способствует более точной передаче национального колорита. Данные способы применяются при переводе иностранных имен, географических названий, названий фирм, газет, журналов, марок и т.д. Однако перенасыщение транскрипцией при передаче значения слов может привести к перегрузке текста, а это усложнит восприятие содержания. Лингвисты-переводчики склонны считать, что новообразования и слова нового быта переводятся эквивалентами, а при отсутствии понятия описанием либо приблизительным переводом. Так, названия процессов и явлений традиционного быта переводятся эквивалентами либо калькированием; наиболее эффективными приемами перевода историзмов являются: подбор адекватных замен либо подбор аналогов; лексика фразеологических единиц переводится эквивалентами, калькированием, фразеологическим аналогом, а при отсутствии понятия используют описательный перевод [6, с. 55]; фольклорные слова переводятся эквивалентами, а при отсутствии понятия описанием. Также может быть использован комбинированный перевод – применение сразу несколько приёмов для перевода исходного текста.

Трудности, с которыми сталкивается переводчик при переводе лингвострановедческих текстов, содержащих реалии и любые лексические единицы, понятные четко лишь носителю языка, заключаются в отсутствии эквивалента в переводящем языке ввиду отсутствия референта для обозначения объекта.

Рассмотрим способы перевода лексических единиц (реалий) в исследованных нами текстах.

Географические реалии (названия объектов физической географии, названия географических объектов, которые связаны с человеческой деятельностью): *St Edmund Hall* (Сент-Эдмунд-Холл), *Kew* (Кью), *Húsavík* (Хусавик), *Reykjavik* (Рейкьявик) – транскрибирование; *Royal Botanic Gardens* (Королевский ботанический сад), *the Blue Lagoon* (Голубая Лагуна) – калькирование, *Babylon* (Вавилон), *UK* (Великобритания) – эквивалент; *Hudson Valley* (долина Гудзона), *Setouchi Islands* (Острова Сетучи) – комбинированный перевод [7, 8].

Этнографические реалии (быт, еда и напитки, одежда и обувь, жилье, фольклор, обычаи и ритуалы, праздники, мифология, календарные события, этнонимы, денежные единицы): *lamb meatballs* (фрикадельки из баранины) – эквивалентный; *pasta with stracciatella* (макароны со страчателлой), *chocolate-covered licorice*

(лакрица в шоколаде) – комбинированный перевод; *Nocco* (an addictive Swedish energy drink) – Нокко (замечательный шведский энергетический напиток) – транскрибирование + описание в оригинальном тексте, *skyr* (the creamiest Icelandic yogurt) – скир, самый сливочный исландский йогурт – транскрибирование и описание в оригинальном тексте; *safari trip* (сафари-путешествие) – калькирование.

Зачастую для снятия трудностей перевода авторы лингвострановедческих текстов уточняют, расшифровывают лексику, относящуюся к лингвострановедческим реалиям: “*To sustain ourselves for the six-hour drive from Reykjavik, we relied on our favorite local provisions: chocolate-covered licorice, Nocco (an addictive Swedish energy drink), and skyr, the creamiest Icelandic yogurt (in North America, try Siggis’ Skyr)*” (Чтобы выдержать шестичасовую поездку из Рейкьявика, мы полагались на наши любимые местные продукты: лакрица в шоколаде, Нокко (замечательный шведский энергетический напиток) и Скир, самый сливочный исландский йогурт (в Северной Америке попробуйте Скир Сигги) [7,8].

Фразеологизмы и способы перевода фразеологизмов: *take the wind out of my sails* (выбить почву из-под ног); *use every trick in the book* (пойти на любые ухищрения); *bust a gut* (лезть из кожи вон); *to have their cake and eat it* (гнаться за двумя зайцами) – аналог; *sailing under the colours of “localism”* (плыть под флагом «местного патриотизма»); *Janus-faced* (двуликий Янус) – эквивалент; *muddy the waters* (мутить воду) – калькирование.

Эквивалентные соответствия имеют фразеологические сочетания и выражения, чаще всего встречающиеся в интернациональных фразеологизмах. Калькирование (буквальный, дословный перевод) является одним из видов дословного перевода и применяется в случае, когда нельзя использовать эквиваленты и аналогии: “*The paper complains that while a flotilla of ministers is now sailing under the colours of “localism”, the government over the past 6 months has been looking both ways with a “Janus-faced approach”*” (Газета выражает недовольство по поводу того, что в то время, как флотилия министров плывет под флагом «местного патриотизма», правительство в течение последних 6 месяцев занимается политикой двойных стандартов, используя «подход двуликого Януса».) [9].

Перевод общественно-политических реалий: *The Supreme Court* (Верховный суд) – калькирование; *home secretary* (министр внутренних дел) – описательный перевод; *the Bumblebee Conservation* (Фонд охраны шмелей) – добавление.

Отметим, что добавление помогает восстановить в переводящем языке формально невыраженные элементы исходного языка: “*According to the Bumblebee Conservation Trust, 97 per cent of the UK’s wildflower meadows have disappeared in the last 80 years, leaving bees with less to eat*”. (По данным Фонда охраны шмелей, за последние 80 лет в Великобритании исчезли 97% лугов полевых цветов, и еды для пчел стало меньше) [10].

Перевод местных реалий и имен собственных известных деятелей науки и искусства: *New York Times* (Нью Йорк Таймс); *Robert McKinley* (Роберт МакКинли); *Tadao Ando* (Тадао Андо) – транслитерация; *James Turrell* (Джеймс Туррелл); *Walter de Maria* (Вальтер де Мария); *Yayoi Kusuma* (Яёй Кусума) – транскрибирование; *The Broad, the streetwear hub of Sneaker Row* («Зэ Броуд», центр уличной одежды) – транскрибирование и описание в оригинальном тексте; *the Soho House’s club* (клуб Сохо Хаус); *Little Tokyo* (Маленький Токио) – комбинированный перевод (транскрибирование и калькирование); *the Arts District* (Район искусств Маленький Токио); *Hotel Calimala* (отель «Калимала») – калькирование; *DTLA* (Downtown Los Angeles) Деловой центр Лос-Анджелеса – описание: “*And with good reason: DTLA has been positioning itself as a dynamic district for a few years running, with 2015’s arrival of The Broad, the streetwear hub of Sneaker Row, the food stalls of Grand Central Market and, come 2020, the arrival of the Academy Museum of Motion Pictures*” (И на то есть веские причины: деловой центр Лос-Анджелеса уже несколько лет подряд позиционирует себя как динамичный район, с появлением в 2015 году музея «Зэ Броуд», центра уличной одежды «Сникер Роу», продуктовых лавок «Гранд Сентрал Маркет» и, к 2020 году, появлением Музея кинематографических искусств Академии) [7].

При переводе географических названий зачастую преобладают транскрипция и транслитерация либо комбинированный перевод, этнографические реалии требуют комбинированного перевода с целью сохранения семантики ЛЕ. При переводе фразеологизма желательно подыскать эквивалент при наличии подобного явления в переводящем языке, а при передаче смысла общественно-политических реалий используются добавление, калькирование и описательный перевод. Местные и этнографические реалии переводятся с учетом фоновых знаний, порой требуется описательный перевод с целью пояснения, ввиду неосведомленности реципиента о явлении, событии.

Итак, перевод лингвострановедческих лексических единиц, реалий требует значительного анализа, т.к. нужно передать не только семантическое значение лексической единицы, но и коннотативное, то есть национальный и исторический колорит.

Библиографический список

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
3. Прохоров Ю. Е. Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение: [микроформа]: Теория и практика обучения рус. яз. как иностр.: Метод. пособие для студентов-русистов и преподавателей рус. яз. иностранцам / Ю. Е. Прохоров; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М.: РГБ, 2006. 108 с.
4. Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов-знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М., 2004. С. 674-685.
5. Воскресенская Л. Б. Лингвострановедческая паспортизация лексики /Л. Б. Воскресенская. М., 1985. 121 с.
6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. учеб.пос. М: Изд-во: ЭТС, 2002. 424 с.
7. Elise Taylor. 5 places to travel this fall // Vogue, August 30, 2019 [Electronic resource] / URL: <https://www.vogue.com/article/5-places-to-travel-this-fall/> (дата обращения: 18.04.2020)
8. Mosha Lundström Halbert. Beyond the Blue Lagoon: Inside Iceland's Most Spectacular New Pool // Vogue, August 21, 2019 [Electronic resource] / URL: <https://www.vogue.com/article/beyond-the-blue-lagoon-inside-geosea-iceland-most-spectacular-new-pool> (дата обращения: 16. 09. 2021)
9. Edward Luce. Donald Trump and the golden age of America's oligarchy // The financial times.com, October 4, 2018 [Electronic resource] / URL: <https://www.ft.com/content/be86c640-c79d-11e8-ba8f-ee390057b8c9> (дата обращения: 10.05.2021).
10. Lucy Douglas. University ditches beef to beat climate change // Positive News, September 3, 2019 [Electronic resource] / URL: <https://www.positive.news/environment/university-ditches-beef-to-beat-climate-change/> (дата обращения: 30. 05. 2021)

References

1. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Linguistic and cultural theory of the word M.: Russian language, 1980. 320 p.
2. Vlakhov S., Florin S. Untranslatable in translation. M.: International relations, 1980. 343 p.
3. Prokhorov Yu. E. Linguistic and regional studies. Cultural studies. Regional geography: [microform]: Theory and practice of teaching rus. lang. as foreign.: Method. manual for Russian students and teachers rus. lang. foreigners / Yu. E. Prokhorov; Institute of Rus. lang. them. A.S. Pushkin. M.: RSL, 2006. 108 p.
4. Telia V.N. The factor of culture and the reproducibility of phraseological units-signs-microtexts // Secret meanings: Word. Text. Culture. M., 2004. P. 674-685.
5. Voskresenskaya L. B Linguistic and regional certification of vocabulary / L. B. Voskresenskaya. M., 1985. 121 p.
6. Komissarov V.N. Modern translation studies / V.N. Komissarov. study post. M: Publishing house: ETS, 2002. 424 p.
7. Elise Taylor. 5 places to travel this fall // Vogue, August 30, 2019 [Electronic resource] / URL: <https://www.vogue.com/article/5-places-to-travel-this-fall/> (дата обращения: 18.04.2020)
8. Mosha Lundström Halbert. Beyond the Blue Lagoon: Inside Iceland's Most Spectacular New Pool // Vogue, August 21, 2019 [Electronic resource] / URL: <https://www.vogue.com/article/beyond-the-blue-lagoon-inside-geosea-iceland-most-spectacular-new-pool> (date of application: 16. 09. 2021)
9. Edward Luce. Donald Trump and the golden age of America's oligarchy // The financial times.com, October 4, 2018 [Electronic resource] / URL: <https://www.ft.com/content/be86c640-c79d-11e8-ba8f-ee390057b8c9> (date of application: 10.05.2021).
10. Lucy Douglas. University ditches beef to beat climate change // Positive News, September 3, 2019 [Electronic resource] / URL: <https://www.positive.news/environment/university-ditches-beef-to-beat-climate-change/> (date of application: 30.05.2021)

УДК 811.161.1 + 81'286 + 81'13
DOI 10.36622/AQMPJ.2022.90.31.014

*Борисоглебский филиал Воронежского
государственного университета
кандидат филологических наук, доцент кафедры
социальных и гуманитарных дисциплин
Верховых Л. Н.
Россия, г. Борисоглебск, тел. 84735461327
e-mail: lverhovyyh@mail.ru*

*Borisoglebsky branch of Voronezh State Uni-
versity
PhD, Associate Professor of the Department of
Social and Humanitarian Disciplines
Verhovyykh L. N.
Russia, Borisoglebsk, tel. 84735461327
e-mail: lverhovyyh@mail.ru*

Л.Н. Верховых

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНОГО ОНОМАСТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

В статье рассматривается проблема извлечения историко-культурной и социокультурной информации из единиц региональной ономастики. Предмет исследования – специфика применения лингвокраеведческого анализа для сбора сведений, относящихся к истории и культуре региона, из имен собственных. В работе впервые охарактеризована методика лингвокраеведческого анализа ономастических единиц. В ходе исследования определены основные параметры лингвокраеведческого анализа региональных онимов. Отмечено, что лингвокраеведческий анализ в широком смысле слова включает в себя следующие приемы: историческая справка о населенном пункте, ономастикон которого изучается; лингвокраеведческое комментирование языковых фактов (приведение отдельных сведений из истории и культуры края для подтверждения или опровержения этимологии онима, его локальной прикреплённости); лингвокраеведческое описание единиц ономастической системы (характеристика ономастических единиц на основе привлечения сведений из истории, географии, этнографии, археологии края); собственно лингвокраеведческий анализ, состоящий в комплексном изучении семантики онима, мотива номинации, особенностей функционирования онима на основе собственно лингвистических и научных краеведческих данных: исторических (в том числе и архивных), географических, археологических, биологических и иных. В работе отмечено, что лингвокраеведческий анализ единиц региональной ономастики позволяет установить сохранившуюся в имени собственном информацию, передающую сведения об истории и культуре региона.

Ключевые слова: русский язык, ономастика, диалектология, лингвокраеведческий анализ, региональная лингвистика

L.N. Verkhovyykh

MAIN PROBLEMS OF LINGUISTIC LOCAL ANALYSIS OF REGIONAL ONOMASTIC MATERIAL

The article deals with the problem of extracting historical, cultural and socio-cultural information from the units of regional onomastics. The subject of the study is the specifics of the application of linguistic local history analysis to collect information related to the history and culture of the region from proper names. The paper characterizes for the first time the methodology of linguistic local history analysis of onomastic units. In the course of the study, the main parameters of the linguistic local history analysis of regional onyms were determined. It is noted that the linguistic analysis of local lore in the broadest sense of the word includes the following techniques: historical information about the settlement whose onomasticon is being studied; linguistic local history commenting on linguistic facts (bringing some information from the history and culture of the region to confirm or refute the etymology of the onym, its local attachment); linguistic local history description of the units of the onomastic system (characterization of onomastic units based on the involvement of information from the history, geography, ethnography, archeology of the region); proper linguistic local history analysis, consisting in a comprehensive study of the semantics of the onym, the motif of the

nomination, the features of the functioning of the onym on the basis of proper linguistic and scientific local history data: historical (including archival), geographical, archaeological, biological and others. The paper notes that the linguistic local history analysis of the units of regional onomastics allows us to establish the information preserved in the proper name, which conveys information about the history and culture of the region.

Keywords: Russian language, onomastics, dialectology, local linguistic analysis, regional linguistics.

Современная лингвистика располагает различными методами изучения языковых единиц, среди которых широко используются традиционные дескриптивный (описательный), сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный, структурно-семантический, метод компонентного анализа и другие при безусловном соблюдении главных парадигмальных установок языкознания, состоящих в изучении языковых единиц на основе системно-структурной организации языка и историзма.

Ю.Н. Карауловым были сформулированы основополагающие принципы анализа языковых единиц: 1) изучение языка должно осуществляться как внутри системы языка, так и за его пределами: «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, <...> не обратившись к конкретной языковой личности» [1; с. 7]; 2) изучение национального языка должно осуществляться с учетом историко-, этно-, социо-, психолингвистических особенностей его носителей: «единственным противоядием от неизбежного, казалось бы, редуccionизма при обращении исследователя к языку в человеке будет введение в анализ вполне определенного национального языка вместе с определенными историко-, этно-, социо-, психолингвистическими особенностями его носителей» [1; с. 7–8].

Особое значение указанные положения Ю.Н. Караулова имеют для изучения региональных языковых единиц – диалектной лексики и ономастикона, поскольку эти пласты лексики характеризуются региональной и национальной лингвоспецифичностью.

Имена собственные отражают разноплановую информацию. Так, относительно нижегородской микротопонимии Л.А. Климова делает вывод о том, что «рассмотренный фрагмент ЯКМ (языковой картины мира – Л.В.) фиксирует все стороны ИКЗ (историко-культурной зоны – Л.В.), входя в нее на правах непосредственно составляющего, структурного компонента: физико-географический, климатический, экономический (хозяйственный), исторический, демографический, этнографический и другие факторы в их взаимодействии, отличаясь в целом полифункциональностью» [2; с.9]

В настоящее время на практике анализ региональных языковых единиц с учетом историко-, этно-, социо-, географо-, демографических сведений широко применяется авторитетными учеными (В.Л. Васильев, Н.С. Ганцовская, Л.А. Климова, Г.Ф. Ковалев, И.А. Королева, Л.Я. Костючук, И.А. Кюршунова, С.А. Мызников, В.И. Супрун, А.С. Щербак и др.), однако методика анализа единиц языка на основе привлечения указанных данных еще не описана, что и представляет определенную лакуну в лингвистике. В данной работе нами предпринята попытка наметить пути решения обозначенной проблемы в лингвистике.

В конце XX века данная проблема в отношении единиц ономастики была поднята Е.Л. Березович, отметившей, что «тезис о культурно-исторической ценности собственных имен не нуждается в доказательствах и представляется аксиоматичным для многих исследователей, занимающихся ономастикой, <...> однако декларирования данного факта недостаточно; необходима выработка методологии извлечения культурно-исторической информации из ономастикона того или иного народа, а также описания и интерпретации этой информации» [3; с.128]. Актуальность настоящего исследования как раз и продиктована необходимостью разработки методики анализа ономастических единиц с целью извлечения культурно-исторической и социокультурной информации на основе привлечения данных краеведения.

Цель данного исследования – описать методику лингвокраеведческого анализа единиц региональной ономастики (на основе воронежских фамилий) для извлечения сведений, относящихся к истории и культуре региона. В работе нами используются дескриптивный (описательный) метод, сравнительно-сопоставительный, метод компонентного анализа, методика лингвокраеведческого анализа ономастических единиц.

Поскольку ономастика и ее единицы тесно соприкасаются с самыми разными сферами жизни человека (имена собственные называют различные предметы и явления), то ономастические единицы содержат разноплановые данные. Е. Л. Березович выделяет несколько блоков культурно-исторической информации: «информация об этнической истории, о социальной жизни, о материальной культуре народа, о духовной культуре» [3; с.128]. Блок социокультурных сведений, содержащих-

ся в имени собственном, включает представления о человеке, представления об окружающей природе, информацию, связанную с метафорическим осмыслением действительности – все то, что характеризует восприятие человеком окружающего мира и своего места в нем.

Поставленная проблема разработки методики изучения языковых единиц в аспекте извлечения культурно-исторической информации в лингвистике решается частично за счет этнолингвистического и лингвострановедческого изучения языка. Но если этнолингвистика изучает взаимосвязь традиционной народной духовной культуры русского народа и языка, лингвострановедение рассматривает национально-культурную специфику языка для обучения русскому языку как иностранному (изучая ключевые нациоспецифичные единицы), а лингвокультурология анализирует взаимоотношения языка и культуры, то дисциплиной, которая занимается изучением единиц языка в соотношении с краеведческими данными (историческими, географическими, этническими, демографическими и др.), является лингвокраеведение.

Основные принципы лингвокраеведческой работы охарактеризованы Г.Ф. Ковалевым, отметим важнейшие из них: 1) сопоставление диалектной речи с литературным языком (не противопоставление их, а именно сопоставление); 2) понимание того, что диалектная речь – это «драгоценнейший пласт национального языка»; 3) изучение региональной ономастики; 4) привлечение в качестве источника для лингвокраеведческого исследования литературы и фольклора края [4; с. 233–237].

Разрабатываемый на основе данных принципов метод анализа ономастических единиц (прежде всего региональных) позволит выявить как эксплицитную, так и имплицитную информацию культурно-исторического и социального плана в ониме. Наиболее содержательны в плане лингвокраеведческого анализа микротопонимы и региональные антропонимы, ср.: «Микротопонимические названия могут хранить и исторические данные» [5; с. 12]; «русские фамилии несут в себе и ценнейшую историческую информацию» [4; 242].

Под лингвокраеведческим анализом ономастических единиц понимаем методику (процедуру) изучения имен собственных региона на основе привлечения краеведческих сведений. Понятие «лингвокраеведческий анализ» понимается нами в широком и узком смысле: в широком смысле это методика (процедура) комплексного изучения ономастических единиц (ср.: этнолингвистический анализ, лингвокультурологический анализ), а в узком смысле под лингвокраеведческим анализом понимаем один из специфических приемов изучения региональных ономастических единиц.

Исходя из этого, лингвокраеведческий анализ в широком смысле слова включает в себя следующие приемы: 1) историческая (историко-культурная, географическая, этнографическая, демографическая и др.) справка о населенном пункте, ономастикон которого изучается (в зависимости от того, какой вид онимов изучается); 2) лингвокраеведческое комментирование языковых фактов (приведение отдельных сведений из истории и культуры края для подтверждения или опровержения этимологии онима, его локальной прикрепленности); 3) лингвокраеведческое описание единиц ономастической системы (характеристика ономастических единиц на основе привлечения сведений из истории, географии, этнографии, археологии края); 4) собственно лингвокраеведческий анализ, состоящий в комплексном изучении семантики онима, мотива номинации, особенностей функционирования онима на основе собственно лингвистических (материалы этимологических словарей, словаря В.И. Даля, словарей русских народных говоров, словарей говоров отдельных регионов, историко-этимологических, энциклопедических и иных словарей) и научных краеведческих данных: исторических (в том числе и архивных), географических, археологических, биологических и иных.

Собственно лингвокраеведческий анализ состоит из следующих последовательно применяемых приемов: изучение функционирования онима в контексте (по возможности) – изучение речи диалектоносителей с данным онимом; формантный анализ: выделение основы ономастической единицы; применение приемов этимологического анализа для установления первоосновы, наиболее ранней формы слова; компонентный анализ лексического значения исходного онима / апеллятива – изучение наполнения семемы различного типа семами, в том числе и коннотативными, и потенциальными, и вероятностными; выявление актуализированных сем; лингвокраеведческое комментирование семантики языковой единицы: приведение научных краеведческих данных, сведений из документальных источников, подтверждающих возможность существования данного языкового факта в данном регионе при данных условиях в данное время.

Может выполняться полный и частичный лингвокраеведческий анализ ономастических единиц. При частичном анализе сведения из исторических источников приводятся ко всему анализируемому

материалу, а не к каждой языковой единице, поскольку семантика лишь части онимов, имеющих яркую региональную специфику, может быть прокомментирована с опорой на конкретные краеведческие сведения (в некоторых случаях, при анализе похожих явлений, это будет способствовать избеганию повторения).

В качестве примера приведем возможно более полный лингвокраеведческий анализ одной из распространенных фамилий городов Борисоглебска и Воронежа – Болдырев. В телефонном справочнике Борисоглебска за 2007 год эта фамилия указана 15 раз (вариантом фамилии считаем и именование Болдарев) [6], Воронежа – 346 [7]. Антропоним Болдырев характерен и для других населенных пунктов Воронежской области.

Фамилия Болдырев восходит к прозвищному именованию Болдырь. «Словарь русских народных говоров» включает три омонима к лексеме *болд́арь* и три омонима к лексеме *бо́лдырь* (два из них *бо́лдырь*), слова *болдырёнок* и *бо́лдырка*. С пометой «донское» отмечены лексемы *бо́лдырка* – ‘порода овец, представляющая собой помесь двух видов или пород’ [8; с.72]; *бо́лдырь* – ‘то же, что и 3. Болдарь’: 3. Болд́арь – ‘ребенок, рожденный от смешанного брака русского с лопаркой или ненкой, вообще с женщиной другой национальности; метис’ [8; с.72]. В этом же значении указанная лексема известна в астраханских, архангельских, оренбургских, самарских, ставропольских, сибирских, уральских говорах [8; с.72]. В воронежских говорах употребляется и слово *болды́рничать* – ‘бездельничать, слоняться без дела’ [9; с.123].

В словаре М. Фасмера лексема *бо́лдырь* зафиксирована как общеупотребительная в значении ‘ребенок от брака русского с лопаркой или самоедкой [саамкой]’ [10; с.187], с пометой «курское» слово отмечено в значении ‘плетеная из хвороста и обмазанная глиной дымовая труба, выведенная из сеней’ [10; с.187].

В России одно из ранних упоминаний именованья Болдырь относится к концу XV века – в 1495 году, по данным Н.М. Тупикова, в писцовых книгах записан был Якуш Болдырь, крестьянин Коломенского погоста [11; с. 58]. Из тринадцати антропонимов, указанных Н.М. Тупиковым, семь именовали казаков, преимущественно донских. Более ранний период появления именованья Болдырь не следует рассматривать, поскольку «первые следы христианских поселений встречаются в пределах Червленого Яра, между Хопром и Доном, около половины XIV в. столетия» [12; с. 102]; а «новое заселение края началось не ранее XV столетия» [13; с. XIX].

На территории Воронежского края, по материалам В.И. Хитровой, одно из ранних упоминаний лексемы *болдырь* относится к концу XVII века (1699 г.): в документах Воронежской приказной избы *болдырь* – ‘человек, родители которого принадлежат разным народностям’ [14; с. 105].

Смешанные браки на Дону, видимо, являлись обычными, поскольку донскую территорию заселяли люди разных национальностей. Исторические источники подтверждают возможность функционирования слова *болдырь* на территории Воронежского края в указанном выше значении. Воронежский край, «область Дона издревле была занимаема разными кочевыми народами, выселившимися из Азии» [13; с. XVIII]: это хазары, с начала IX столетия – печенеги, со второй половины XI века до середины XIII века – половцы, с 1223 года – монголы, татары [13; с. XVIII]; «другим важным для Украины (здесь Украина – окраина государства – Л.В.) событием, отразившимся в истории судоходства, было соприкосновение наше с донскими казаками. Эти разноплеменные выходцы, между которыми главную массу составляли русские и черкасские беглецы, были первыми оседлыми поселениями Донской страны после татарского нашествия» [15; отд. III, с. 58]. Лопари, или саамы, отмеченные в значении лексемы *болдырь*, – это финно-угорский народ, представители этой народности тоже жили на территории Воронежского края: «Среднерусская Черноземная область с самого начала Руси была местом соприкосновения финского и русского оседлого поселения, обитавшего на северо-западе и севере ее, с кочевниками, которые надвигались периодически грозными тучами с юго-востока, из глубины Азии на русские степи и занимали юго-восточную и южную окраины Среднерусской Черноземной области» [16, III].

Приведенные материалы определенно показывают, что именование *Болдырь* в России широко стало распространяться с XV в. преимущественно в казачестве, с XVII века лексема *болдырь* получает распространение в воронежских говорах, следовательно, возможно и возникновение фамилии Болдырев на территории Воронежского края. При этом нельзя исключать и варианта образования фамилии Болдырев от прозвища, связанного с известным в воронежских говорах словом *болдырничать*.

Микротопонимия Воронежского края подтверждает распространенность антропонима Болдырев: в «Словаре микротопонимов Воронежской области» Г.Ф. Ковалевым зафиксировано несколько однокоренных микротопонимов: *Болдырев* – ‘участок леса у с. Щучье Эртильского района’, *Болдырева* (улица) – ‘часть села Истобное Репьевского района’ [5, с. 82], вариантом микротопонима является функционирование в селе Истобном и названия хуторок Болдырева [5, с. 82].

Проведенный лингвокраеведческий анализ фамилии Болдырев позволяет установить следующее: воронежский антропоним четко указывает на существование контактов разных народов на территории Воронежского края, в частности славянских племен и тюркских и финно-угорских (подтверждаемых и историческими источниками), что отразилось в функционировании прозвищного именования Болдырь, которое с помощью форманта *-ов* оформилось в русскую фамилию.

Таким образом, на примере воронежской фамилии Болдырев нами показана возможность использования лингвокраеведческого анализа для извлечения сведений, относящихся к истории и культуре региона. Полученная информация может быть полезной и для изучения региональной языковой картины мира по данным регионального антропонимикона.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
2. Климова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 – русский язык. М: Московский педагогический государственный университет, 2008. 65 с.
3. Березович Е.Л. Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике (1987–1998) // Известия Уральского государственного университета. 1999. №13. С.128–141.
4. Ковалев Г.Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 440 с.
5. Ковалев Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: в 2-х т. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. Т.1. 410 с. Т. 2. 420 с.
6. Телефонный справочник. Воронежская область. Борисоглебск и Борисоглебский район. Тверь : ЗАО «Издательский дом «Глаголь», 2007. 352 с.
7. Телефонный справочник 2021. Воронеж (Россия). URL: <https://spravnik.com/rossiya/voronyezhskaya-oblast/oblastnoj-tsentr/voronyezh> (дата обращения 15.04.2022)
8. Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Блазнишка – Бяшутка / Гл. ред. Ф.П. Филин Ленинград: Наука, 1968. 360 с.
9. Словарь воронежских говоров. Вып. 1 / под ред. Г.Ф. Ковалева. Воронеж: ВГУ, 2004. 304 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Под ред. и с предисловием проф. Б.А. Ларина: В 4 т. Т.1. М.: Прогресс, 1986. 576 с.
11. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Вступ. ст. и подгот. текста В.М. Воробьев. М.: Русский путь, 2004. 904 с.
12. Второв Н.И. Описание, относящееся до Воронежской губернии // Фольклорно-этнографические материалы из архива Русского географического общества XIX по Воронежской губернии. Часть I / подготовка текстов и составление Т.Ф. Пуховой, А.А. Чернобаевой. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2012. С.102–131.
13. Список населенных мест по сведениям 1859 года. IX. Воронежская губерния. СПб.: Типография Карла Вульфа, 1865. 157 с.
14. Хитрова В.И. Словарь воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв. Т.1 (А–Ж) / Под общ. ред. И.Г. Добродомова. М.: Прометей, 2022. 534 с.
15. Малышев И.И. Очерки истории судоходства по реке Дону, до Петра Великого // Памятная книжка для жителей Воронежской губернии за 1856 г. / Под ред. Н.И. Второва. Воронеж: В типографии уездного правления, 1856. С.54–75.
16. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под общ. ред. В.П. Семенова, П.П. Семенова и акад. В.И. Ламанского. Т.2. Среднерусская Черноземная область. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1902. 717 с.

References

1. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality. M.: LKI Publishing House, 2010. 264 p.
2. Klimkova L.A. Nizhny Novgorod microtoponymy in the language picture of the world: author. diss. ... doc. philol. Sciences: 10.02.01 - Russian. M: Moscow State Pedagogical University, 2008. 65 p.
3. Berezovich E.L. Ethnolinguistic problems in works on onomastics (1987–1998) // Proceedings of the Ural State University. 1999. No. 13, pp.128–141.
4. Kovalev G.F. Favorites. Ethnonymy. Voronezh regional linguistics. Miscellaneous. Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book", 2014. 440 p.
5. Kovalev G.F. Dictionary of microtoponyms of the Voronezh region: in 2 volumes. Voronezh: SCIENCE-UNIPRESS, 2017. V.1. 410 p. T. 2. 420 p.
6. Telephone directory. Voronezh region. Borisoglebsk and Borisoglebsk region. Tver: CJSC Glagol Publishing House, 2007. 352 p.
7. Telephone directory 2021. Voronezh (Russia). URL: <https://spravnik.com/rossiya/voronyezhskaya-oblast/oblastnoj-tsentr/voronyezh> (Accessed 04/15/2022)
8. Dictionary of Russian folk dialects. Issue. 3. Blaznishka - Byashutka / Ch. ed. F.P. Filin Leningrad: Nauka, 1968. 360 p.
9. Dictionary of Voronezh dialects. Issue. 1 / ed. G.F. Kovalev. Voronezh: VGU, 2004. 304 p.
10. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language / Ed. and with a foreword by Prof. B.A. Larina: In 4 vols. T.1. M.: Progress, 1986. 576 p.
11. Tupikov N.M. Dictionary of Old Russian Personal Names / Entry. Art. and prepare. text by V.M. Vorobyov. M.: Russian way, 2004. 904 p.
12. Vtorov N.I. Description related to the Voronezh province // Folklore and ethnographic materials from the archive of the Russian Geographical Society XIX in the Voronezh province. Part I / preparation of texts and compilation by T.F. Pukhova, A.A. Chernobaeva. Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book", 2012, pp.102-131.
13. List of populated places according to 1859. IX. Voronezh province. St. Petersburg: Printing house of Karl Wolf, 1865. 157 p.
14. Khitrova V.I. Dictionary of Voronezh business writing of the 17th–18th centuries. T.I (A–ZH) / Under the general. ed. I.G. Dobrodomov. M.: Prometheus, 2022. 534 p.
15. Malyshev I.I. Essays on the history of navigation on the river Don, before Peter the Great // Commemorative book for residents of the Voronezh province for 1856 / Ed. N.I. Vtorova. Voronezh: In the printing house of the county government, 1856, pp.54–75.
16. Russia. A complete geographical description of our fatherland. Desktop and travel book for Russian people / Ed. ed. V.P. Semenov, P.P. Semenov and acad. IN AND. Lamansky. T.2. Central Russian Chernozem region. St. Petersburg: A.F. Devriena, 1902. 717 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 81-23

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.67.23.015

*Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина*

*доктор филологических наук, профессор кафедры
русского языка, методики его преподавания и
документоведения*

Шаталова О.В.

Россия, г. Елец, тел. 8 904 682 27 70

e-mail: shat_o_v@mail.ru

Yelets State University named after I.A. Bunin,

*Professor of the Department of Russian Language,
Methods of Teaching and Documentation, Doctor of
Philology*

Shatalova O.V.

Russia, Yelets, tel. 8 904 682 27 70

e-mail: shat_o_v@mail.ru

О.В. Шаталова

ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПОВ ПОЛИКУЛЬТУРНОСТИ

Язык – один из самых существенных факторов установления и развития международных отношений. В XX – начале XXI вв. неоднократно ставился вопрос приоритетности того или иного языка как универсального средства международных отношений, при этом политические и экономические условия определяли основную форму общения различных народов. Данный подход далеко не всегда был объективным и продуктивным, так как не учитывал географические и культурно-исторические аспекты бытования и взаимодействия народов. В современных условиях коррекции международных отношений языковые аспекты межкультурной коммуникации актуализируются. Исследование, проведенное в рамках международного фестиваля «Живая вода светоносного русского Слова» (ЕГУ им. И.А. Бунина, 2021 год), позволило выявить толерантное отношение носителей славянских и неславянских языков к русскому языку как посреднику в условиях поликультурной коммуникации и обосновать продуктивность использования русского языка как средства объективации национальных духовно-нравственных ценностей и культурных приоритетов. Материалом для исследования послужили индивидуально-авторские тексты – эссе, написанные носителями различных языков (инофонами по отношению к русскому языку), имеющими различный уровень владения русским языком. Количественно-статистический анализ текстов, созданных инофонами, позволил выявить универсальность восприятия лексико-семантических особенностей русского языка носителями языков разных языковых групп, тогда как восприятие фонетических, грамматико-синтаксических особенностей русского языка носителями славянских и неславянских языков различно. Представленные в статье данные позволяют делать выводы о коммуникативной перспективности русского языка в определенной геополитической среде, а также могут способствовать развитию методики преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: русский язык; межкультурная коммуникация; глобализация; поликультурность.

O.V. Shatalova

LINGUISTIC ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL RELATIONS BASED ON THE PRINCIPLES OF MULTICULTURALISM

Language is one of the most significant factors in the establishment and development of international relations. In the XX – early XXI centuries, the question of the priority of a particular language as a universal means of international relations was repeatedly raised. Meanwhile political and economic conditions determined the main form of communication of various nations. This approach has not always been objective and productive, because it did not take into account the geographical and cultural-historical aspects of the existence and interaction of nations. In modern conditions of correction of international relations, linguistic aspects of intercultural communication are being actualized. Research conducted within the framework of the international festival «Living Water of the Luminous Russian Word»

(Bunin Yelets State University, 2021) allowed to identify the tolerant attitude of speakers of Slavic and non-Slavic languages to the Russian language as an intermediary in multicultural communication and to justify the productivity of using the Russian language as a means of objectification of national spiritual and moral values and cultural priorities. Russian-language essays written by native speakers of different languages with different levels of proficiency in the Russian language served as the material for the study. Russian speakers' quantitative and statistical analysis of texts created by foreign speakers revealed the universality of the perception of lexical and semantic features of the Russian language by native speakers of different language groups, while the perception of phonetic, grammatical and syntactic features of the Russian language by native speakers of Slavic and non-Slavic languages is different. The data presented in the article allow us to draw conclusions about the communicative prospects of the Russian language in a certain geopolitical environment, and can also contribute to the development of methods of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: Russian language; intercultural communication; globalization; multiculturalism.

В современных историко-политических условиях, которые характеризуются такими параметрами, как мобильность коммуникативной среды, поликультурность, интегративность, особую значимость приобретает исследование речи говорящего субъекта (отдельной личности / группы лиц) как носителя определенной социально-нравственной позиции. Результаты обследования отдельных социальных групп, в частности – молодежи, по ключевым вопросам морально-нравственной ориентации могут способствовать выявлению тенденций в развитии каких-либо общественных умонастроений и прогнозированию направления трансформации зафиксированного на момент исследования состояния / отношения, что в свою очередь дает возможность коррекции международных отношений.

Определение специфики функционирования того или иного языка в системе международных отношений, несомненно, соотносится с вопросами политологии, социологии, культурологии. Однако каждый из указанных аспектов имеет непосредственную связь с лингвистикой, так как язык является одним из основополагающих ресурсов личностного самосознания, формирования нравственно-психологической устойчивости и социализации личности, а также язык является значимым фактором социального строительства [1; 2; 3; 4].

Русский язык является практически функционально объективным средством общения в современной международной коммуникации в силу своих историко-культурных связей со многими языками, распространенными на территориях, сопредельных с Российской Федерацией, на территориях, не имеющих с Россией непосредственных территориальных контактов; значительную роль в укреплении позиций русского языка играет его семантическая и грамматико-стилистическая мобильность, что определяет психологическую комфортность при его освоении носителями других языков.

Русский язык – уникальное явление мировой культуры. Его формирование, развитие и бытование определило духовно-нравственные, идеологические и интеллектуально-психологические основы русской ментальности и русской культуры, что повлияло на сохранение и концептуальное развитие многих языков народов и народностей России и многих других стран.

Русский язык по праву входит в состав мировых, представляя русскую культуру, а также выступая реальным средством межнационального и международного общения на протяжении более чем столетнего периода. Однако историко-политические и социально-культурные условия конца XX – начала XXI вв. в определенной степени скоординировали восприятие русского языка и русской культуры мировой общественностью, что не способствует развитию международных отношений в сфере культуры и образования и требует актуализации гуманистических идей взаимодействия отдельных лиц, сообществ и народов при посредничестве русского языка в мировой социально-политической, культурно-образовательной среде. В настоящее время наблюдаются тенденции к расширению коммуникативно-прагматических полномочий русского языка в условиях международной коммуникации. Определение перспектив международной коммуникации связано прежде всего с развитием молодого поколения разных стран.

В современном социокультурном пространстве объективно сосуществуют амбивалентные тенденции: глобализация, интеграция языков и культур и стремление к национальной самоидентификации, сохранения культурной идентичности. Обозначенное положение предполагает необходимость определения личностных ориентиров, духовно-нравственных координат. Константными позициями ментально-социальной ориентированности личности являются представления о родном языке, родной культуре, истории родной страны. Сформированность или несформированность устойчивых представлений о родине определяет уровень развития личности, способной в настоящем или в будущем определять условия развития своей страны и реализации международных отношений.

Выявление способностей личности «усваивать общечеловеческий опыт, сформулированный в системе отвлеченных понятий» [1, с. 8] и объективировать его в форме цельных вербально оформленных произведений позволяет дать объективные характеристики личности, развивающейся в конкретный исторический период, и оценить идеологические и культурные параметры общества, а также перспективы его развития [5; 6], так как языковая личность – это, с одной стороны, «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [7, с. 671], а с другой, языковая личность – это обобщенный групповой портрет представителя какого-либо социума, «человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [8, с. 7].

Современные условия развития социума во многом определяются тенденциями глобализации и интеграции, при этом вопрос национальной дифференциации культуры и национальной идентификации (а также самоидентификации) переходят в сферу психологии, социологии, политологии [9; 10]. Интерес к говорящей личности обусловлен не только и не столько общей антропоцентрической направленностью науки конца XX-начала XXI вв., сколько проблемами психолингвистического и социолингвистического характера, возникшими в связи с попытками полного нивелирования национально-культурных приоритетов, что парадоксально привело к обострению межкультурных отношений.

Подобное положение связано с тем, что часто не учитываются эмоционально-психологические особенности личностной репрезентации и коммуникативно-прагматические свойства тех средств, которые декларируются как основные [2; 3; 6; 11; 12].

Сказанное определяет актуальность исследования особенностей функционирования русского языка в коммуникации школьников и студентов разных стран в соотношении с тематической ориентированностью на вопросы отношения личности к своей родине, поскольку существует объективная необходимость определить потенциал русского языка как средства общения в поликультурной среде, выявить семантический, грамматический и стилистический потенциал русского языка в системе межкультурного и межъязыкового взаимодействия.

В задачи исследования входило определение по речевым произведениям (созданным в произвольной форме письменным текстам, содержащим или не содержащим визуальную иллюстрацию) реципиентов – школьников и студентов разных стран – следующих аспектов функционирования русского языка как средства международной коммуникации:

- 1) определить степень распространенности русского языка в странах Ближнего и Дальнего Зарубежья;
- 2) охарактеризовать спектр представлений о сущностной категории «родина», объективируемых гражданами разных стран на русском языке;
- 3) оценить семантический, грамматический и стилистический потенциал русского языка как средства объективации инонациональных культурных приоритетов;
- 4) выявить проблемы освоения русского языка на основе типологических ошибок для коррекции методики преподавания русского языка как иностранного.

Уровень развития русского языка во всех его структурно-семантических и коммуникативно-прагматических аспектах, а также историко-культурный опыт использования его в качестве языка межнационального и международного общения позволяет говорить о перспективности развития межкультурных отношений на базе эксплуатации русского языка и, что требует практической проверки, о реальной функциональной позиции русского языка в современной мировой коммуникации.

Таким образом, теоретические и методологические лингвистические и экстралингвистические параметры современной действительности требуют экспериментального исследования современной коммуникативной среды и выявления направлений ее коррекции в соответствии с возможностями русского языка и культурно-языковыми интенциями носителей других языков.

Исследование проводилось на основе письменных текстов, созданных с соблюдением условий объема (не менее 100 слов) и соответствия теме международного конкурса эссе «Мой родной край», который проводился в рамках I Международного фестиваля «Живая вода светоносного русского Слова». Для обеспечения релевантности данных участникам было предложено в рамках темы конкурса самостоятельно сформулировать тему своего эссе в соответствии с выбранным аспектом

личностного восприятия своей родины, родного языка и культуры для объективации в сфере международной коммуникации.

На конкурс было представлено 725 работ из 33 стран, включая Россию.

Наибольшее количество участников – позиции 1-7 – представители стран, входящих в такие объединения, как Союзное государство (Беларусь), ШОС (Китай, Таджикистан, Казахстан), а также стран, имеющих с Россией непосредственные территориальные и / или культурно-экономические связи (Монголия, Армения). Однако общее количество стран-участниц конкурса эссе на русском языке и уровень владения русским языком, продемонстрированный участниками из стран Европы, Азии, Африки свидетельствуют о широком распространении русского языка в мире и, следовательно, о его коммуникативном потенциале в сфере международных отношений.

Таблица 1

Количество и география участников конкурса эссе «Мой край родной»

№ п/п	Страна	Кол-во участников	% от общего количества участников	№ п/п	Страна	Кол-во участников	% от общего количества участников
1.	Беларусь	236	~32,5	18.	Гвинея	2	~0,27
2.	Россия	140	~19,3	19.	Грузия	2	~0,27
3.	Таджикистан	87	~12	20.	Иран	2	~0,27
4.	Казахстан	56	~7,7	21.	Узбекистан	2	~0,27
5.	Армения	42	~5,8	22.	Египет	1	~0,14
6.	Китай	40	~5,5	23.	Замбия	1	~0,14
7.	Монголия	36	~5	24.	Израиль	1	~0,14
8.	Украина	17	~2,3	25.	Индия	1	~0,14
9.	Швейцария	15	~2	26.	Кот-д'Ивуар	1	~0,14
10.	Венгрия	8	~1,1	27.	Мали	1	~0,14
11.	Туркмения	8	~1,1	28.	Марокко	1	~0,14
12.	Болгария	5	~0,7	29.	Палестина	1	~0,14
13.	Азербайджан	3	~0,4	30.	Сербия	1	~0,14
14.	Германия	3	~0,4	31.	Танзания	1	~0,14
15.	Конго	3	~0,4	32.	Того	1	~0,14
16.	США	3	~0,4	33.	Тунис	1	~0,14
17.	Япония	3	~0,4				

В представленных работах демонстрируется определенное восприятие родины носителями разных языков, что отражается как в содержании – через призму описываемых объектов, так и в теме эссе.

Таблица 2

Количественно-типологические характеристики тематики эссе

Типологические характеристики тематики эссе		Кол-во ед.	%
1.	Тема эссе – стилистический вариант темы конкурса («Мой край родной»)	219	~30
2.	Тема эссе совпадает с темой конкурса («Мой родной край»)	127	~17
3.	Тема эссе – смысловой аналог темы конкурса, фактически равный по семантическому объему теме конкурса («Моя родина» / «Моя страна»)	58	~8
4.	Тема эссе содержит наименование страны	50	~7
5.	Тема эссе содержит наименование населенного пункта	43	~6

Заголовок текста является принципиальной позицией, отражающей интеллектуальные и эмоционально-психологические интенции личности. В большей части представленных на конкурс работ (~62% – п.1-4 табл. 2) объективировано обобщенное восприятие родины как некоего комплексного явления, имеющего материальную оформленность (природа, города, историко-культурные объекты) и некую метафизическую сущность. Подобный принцип реализуется системно – без существенных количественных различий по странам.

Восприятие родины через соотношение с конкретным местом жительства реализуется в ~6% работ: Москва, Ломе, Кёнеургенч, Цяньшань, Аньшань, Санкт-Петербург, Павлодар, Могилев, Ви-

тебск, Елец и др. (табл. 2, п.5). При этом показательным фактором является то, что в содержании работ прослеживается тенденция установления культурно-исторических связей родного города автора эссе с городами России или их сопоставления: эссе «От Ельца до Могилева»; привлечение авторитетного мнения академика Д.С. Лихачева для характеристики культуры Болгарии; описание «бескрайних лесов Казахстана» и их сравнение с лесами России; сопоставление состояния носителя венгерской ментальности с непереводаемым с русского языка понятием «тоски» – ключевым для русской национальной культуры [2; 4] и др., что также свидетельствует о позитивном восприятии культуры России в мире.

Эмоционально-экспрессивное представление о родине объективируется реципиентами как в конкретно-предметных реалиях, так и в подборе обобщенных образов, реализующихся посредством применения различных стилистических приемов.

Показательно, что предметно-материальный образ родины чаще всего реализуется через обращение к картинам природы: описание природы родного края является основной темой 85% представленных эссе, в остальных этот аспект затрагивается в большей или меньшей степени. Можно утверждать, что концептуальная связь с естественной природной средой является общечеловеческим ментальным свойством, формирующим базовые основания для взаимопонимания, в том числе и с использованием русского языка, в котором закреплены многочисленные природные концепты [1; 4].

Стремление же мыслящей и говорящей личности придать обобщенно-абстрактную образность своим чувственным и эмоциональным представлениям получает языковое воплощение – использование различных тропов и фигур. При наличии метафоричности как признака, стилистические тропы обладают различным эмоционально-прагматическим потенциалом [7; 13; 14], что, в свою очередь, формирует определенные тенденции приоритетности использования того или иного тропа в конкретном языке. Данные своеобразные ментальные интенции получают возможность реализации при использовании русского языка лицами, для которых русский язык не является родным. Широкий спектр стилистических тропов и фигур русского языка позволяет носителям других языков выразить свои представления о чем-либо (в данном случае – о родине) в соответствии со специфическими ментальными ориентирами. Показательным фактором является преимущественное использование определенных стилистических приемов носителями разных языков.

Таблица 3

Примеры приоритетного использования стилистических тропов в речевых произведениях носителей славянских (а, б) и неславянских (с, д) языков

	Страна		Троп	Примеры
1.	а	Беларусь	олицетворение	Синеокая и белокрылая Беларусь... Его страна – загадочная незнакомка. Могилев [город] приголубит, когда страшно, согреет, когда холодно, Протянет руку, когда ты в этом нуждаешься. Загадочный и молчаливый Быхов [город] бережет своих подопечных. Улицы надевают яркие платья огненных фонарей... В каждой хате красовалась нарядная печь. Есть у осени и другой волшебник – забияка-ветер. Природа Болгарии – как тайная книга...
2.	б	Болгария	сравнение	Этот мир природного изобилия – как лекарство для души...
3.	с	Казахстан	эпитет	Моя деревня Белая – как невеста. цветастое высокогорье танцующие березы невероятное тепло щемящая тоска бескрайние степи дивный Кокшетау
4.	д	Китай	метафора	Желтая река – колыбель Китая, Цинхай – основа Китая, Пекин – сердце Китая. Любовь к родине – это дар, заложенный в душу с самого рассвета жизни.

Использование русского языка в письменной форме, естественно, представляет определенные сложности для инофонов. Исследование языковой специфики текстов позволило выявить наиболее частотные речевые и грамматические ошибки.

Таблица 4

*Наиболее частотные речевые ошибки, допущенные инофонами
при использовании русского языка в эссе (конкурс «Мой край родной»)*

	Тип ошибки	Частотность	Примеры
1.	неразличение паронимов	7%	животные находятся в ГРОЗЕ исчезновения / вм. под УГРОЗОЙ
2.	неверное построение ряда однородных членов	10%	Родина – это твоя кровь, слезы и родители дома красивые и многоэтажные красивый и горный край гордый и ловкий человек
3.	неразличение синонимов	5%	забудешь свою страну и родину моя страна и земля наша мать и родительница охранять границы и рубежи страны
4.	неразличение стилистических синонимов	5%	богатые МАТЕРИАЛЬНЫЕ ресурсы / вм. ПРИРОДНЫЕ животные, ПРИМЕНЯЕМЫЕ в спорте конь АКТИВНЫЙ и быстрый
5.	неверное использование определений	12%	чистая погода красивая погода ровные облака

Таблица 5

*Наиболее частотные грамматические ошибки, допущенные инофонами
при использовании русского языка в эссе (конкурс «Мой край родной»)*

	Тип ошибки	Частотность	Примеры
1.	неверное определение рода неодушевленных понятий	7%	тростник, который более сладкОЕ нравится в крае ЕЕ красота / вм. ЕГО родина современнЫЙ, чистЫЙ, красивЫЙ в этОМ цветущЕМ стране / вм. этОЙ цветущЕЙ самАЯ красивАЯ место / вм. самОЕ красивОЕ этО страна / вм. этА этА путь / вм. этОТ
2.	неверное использование предложено-падежных форм	28%	я был в парке с моЯ семья / вм. моЕЙ семьЕЙ история нашА странА / вм. нашЕЙ странЫ человек любит своЕЙ родинЫ / вм. своЮ родинУ мы гордимся ЗА историЮ / вм. историЕЙ НА моем сердце родина всегда / вм. В моем родина горячее, чем огнЯ / вм. огОНЬ я рад, что родилАсь в Узбекистане 12 областОВ / вм. областЕЙ детали свадебного костюмЫ / вм. костюмА
3.	грамматическое неразличение форм одушевленных / неодушевленных существительных	2%	таджики имеют великиЕ мыслителиИ / вм. великих мыслителейЕЙ праздники, которЫХ мы празднуем / вм. которые

Количественные показатели (%) представляют из себя усредненное число, поскольку формальное количество ошибок зависит от уровня владения языком конкретного лица. Представленные ошибки являются своего рода универсальными – встречаются в эссе носителей разных языков, из чего можно сделать вывод о сложности восприятия явления многозначности как семантической особенности русской лексики и о про-

блематичности восприятия инофонами категорий рода, падежа, одушевленности / неодушевленности. Однако данные нарушения не влияют на орфографические характеристики текста.

Примечательным (проявляющемся в эссе, написанных носителями таджикского языка) является фонетическо-орфографическое неразличение А / О и Ы / И: *рАдной, пОмать, гАвАрю, отдОл крОсОту, со-твАрим, рАдился, святИня, жИву, крИлатИй* и др. Данный аспект требует дополнительного исследования с привлечением актуальных методик.

В результате проведенного исследования *выявлено* толерантное отношение носителей славянских и неславянских языков к русскому языку как посреднику в условиях поликультурной коммуникации; *обоснована* продуктивность использования русского языка как средства объективации национальных духовно-нравственных ценностей и культурных приоритетов; *доказано* сходство в восприятии носителями разных языков лексико-семантических особенностей русского языка и различие в восприятии фонетических, грамматико-синтаксических особенностей русского языка носителями славянских и неславянских языков, что определяет теоретическую значимость проведенного исследования.

Практическая значимость результатов определяется возможностью их использования при подготовке методических пособий для преподавания русского языка как иностранного.

Перспективность исследований данного направления – в возможности интегративного подхода в определении коррекционных возможностей общественных процессов.

Объективность представленных результатов может вызвать сомнения в силу ограниченного возрастом и родом занятий круга реципиентов, так как в исследовании приняли участие только учащиеся. Для более полного понимания проблемы необходимо проведение аналогичного исследования рабочей и творческой молодежи.

Библиографический список

1. Лурия А.Р. Язык и сознание. Под редакцией Е.Д. Хомской. Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 1998. 416 с.
2. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. Минск, ТетраСистем, 2004. 256 с.
3. González Hernández Ana Teresa. De la langue à la culture : les stéréotypes comme vecteurs culturels dans l'enseignement/apprentissage du FLE, in Bermejo Larrea Esperanza, Corcuera Manso J. Fidel, Muela Ezquerro Julián (eds), *Communications et écritures : autour de la linguistique et de la littérature françaises*, Zaragoza, Prensas de la Universidad de Zaragoza, 2012, pp. 109-119.
4. Wierzbicka A., Duša, toska, sud'ba: Three key concepts in Russian language and Russian culture // Z. Saloni (ed.). *Metody formalne w opisie jezykow slowianskich* [Formal methods in the description of Slavic languages]. Bialystok: Bialystok Univ. Press, 1990.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
6. Blyth Carl. The relevance of cultural linguistics to foreign language graduate education: from "language and culture" to "language as culture", in Allen Heather Willis, Maxim Hiram H. (eds), *Educating the future foreign language professoriate for the 21st century*, Boston, Heinle, 2013, pp. 149-169.
7. Энциклопедия: Русский язык: 2-е изд., перераб. и доп. М.: БРЭ, 1997.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
9. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Вострикова О.В., Герасимова С.А. Лексемы IDENTITE / ИДЕНТИЧНОСТЬ как элементы универсумов человека и языка: этносемиотрический и аксиологический аспекты интерпретации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. №2 (831). С.30-42.
10. Жиркова Н.М. Проблемы национально-культурной идентификации в условиях глобализации // Общественные науки. 2011. №6. С.238-240.
11. Goddard C. Cognitive Linguistics. URL: <https://www.researchgate.net/publication/346812260>
12. Schwieter J., Benati A. Psycholinguistic and Neurolinguistic Methods // URL: <https://www.researchgate.net/publication/334034634>
13. Mieroop Van de D. An integrated approach of quantitative and qualitative analysis in the study of identity in speeches // *Discourse and Society*. 2005. Vol. 16 (1). P. 107-130.
14. Sandakova Elena. Aspects sémiotiques, linguistiques et socioculturels de la réception de la culture russe par les Français et les les Espagnols / Elena Sandakova. : Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Warszawa, Wien. 2019. 310p.

References

1. Luria A.R. Language and consciousness. Edited by E.D. Chomskaya. - Rostov-on-Don: publishing house "Phoenix", 1998. 416 p.
2. Maslova V.A. Cognitive linguistics: A textbook. - Minsk, TetraSystem, 2004. 256 p.
3. González Hernández Ana Teresa. De la langue à la culture : les stéréotypes comme vecteurs culturels dans l'enseignement/apprentissage du FLE, in Bermejo Larrea Esperanza, Corcuera Manso J. Fidel, Muela Ezquerra Julián (eds), Communications et écritures : autour de la linguistique et de la littérature françaises, Zaragoza, Prensas de la Universidad de Zaragoza, 2012, pp. 109-119.
4. Wierzbicka A.. Duša, toska, sud'ba: Three key concepts in Russian language and Russian culture // Z. Saloni (ed.). Metody formalne w opisie języków słowiańskich [Formal methods in the description of Slavic languages]. Białystok: Białystok Univ. Press, 1990.
5. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality. - M.: Editorial URSS, 2003. 264 p.
6. Blyth Carl. The relevance of cultural linguistics to foreign language graduate education: from "language and culture" to "language as culture", in Allen Heather Willis, Maxim Hiram H. (eds), Educating the future foreign language professorship for the 21st century, Boston, Heinle, 2013, pp. 149-169.
7. Encyclopedia: Russian language: 2nd ed., reprint.
8. Karasik V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. – Volgograd: Change, 2002.
9. Vikulova L.G., Serebrennikova E.F., Vostrikova O.V., Gerasimova S.A. IDENTITY lexemes / IDENTITY as elements of human and language universes: ethnosemiometric and axiological aspects of interpretation // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2020. No.2 (831). pp.30-42.
10. Zhirkova N.M. Problems of national-cultural identification in the context of globalization // Social Sciences. 2011. No.6. pp.238-240.
11. Goddard C. Cognitive Linguistics. URL: <https://www.researchgate.net/publication/346812260>
12. Schwieter J., Benati A. Psycholinguistic and Neurolinguistic Methods // URL: <https://www.researchgate.net/publication/334034634>
13. Mierop Van de D. An integrated approach of quantitative and qualitative analysis in the study of identity in speeches // Discourse and Society. 2005. Vol. 16 (1). P. 107-130.
14. Sandakova Elena. Aspects sémiotiques, linguistiques et socioculturels de la réception de la culture russe par les Français et les Espagnols / Elena Sandakova. : Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Warszawa, Wien. 2019. 310p.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPT STUDIES

УДК 81.42

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.54.72.016

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»),
Кандидат филологических наук,
Доцент кафедры русского языка и русской ли-
тературы*

*Черемохина Д.А.,
Россия, г. Белгород, тел. 89524341941
e-mail: Cheremohina@bsu.edu.ru*

*Federal State Autonomous Educational Institu-
tion of Higher Education «Belgorod National
Research University»,
PhD, Associate Professor of the Department of
Russian Language and Russian Literature,
Cheremokhina D.A.,
Russia, Belgorod, tel. 89524341941
e-mail: Cheremohina@bsu.edu.ru*

Д.А. Черемохина

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В.С. ВЫСОЦКОГО

В статье представлен анализ архетипических представлений о времени, выраженных в концептуальной картине мира В.С. Высоцкого. Анализ проводится в рамках когнитивной макропарадигмы, что позволяет рассмотреть время не только как ориентир в художественном пространстве поэтического текста, но и как доминантный концепт, определяющий идейно-тематическое своеобразие лирики поэта. Обращение к этимологии номинанта исследуемого концепта позволяет сделать вывод о цикличности как характеристике времени в древнеславянской картине мира. По мнению автора, подобное восприятие времени находит отражение и в творчестве В.С. Высоцкого, в котором оно репрезентируется в когнитивной модели «время-вечность». В статье рассмотрены эксплицитные и имплицитные средства репрезентации циклической темпоральности в лирике поэта. В результате анализа текстов «Песнь о вещей Кассандре», «Охота на волков», «Горизонт» и др. делается вывод о том, что концептуальная модель «время-вечность» вскрывает острые социальные проблемы, выражая противопоставление «своих», которым уютно в границах системы, и «чужих», пытающихся побороть замкнутость, выйти из «заколдованного круга». Изучение представленных в поэтических текстах мифологических архетипов позволяет дать оценку важным художественным образам, среди которых выделяется образ волка, олицетворяющего силу протеста с бесконечностью, и образ круга, порождающего ощущения вечности. Отмечается, что анализируемая модель находит воплощение и в любовной лирике В.С. Высоцкого, где получает особое наполнение, передающее остроту чувств героя, пытающегося остановить время и сохранить воспоминания. Автор обращает внимание на эмоционально-аксиологическую и символическую составляющие исследуемого концепта «время», актуализированные через языковые средства лексико-грамматического уровня.

Ключевые слова: концепт, время, круг, циклическая темпоральность, Высоцкий.

D.A. Cheremohina

MYTHOLOGICAL SOURCES OF THE CONCEPT «TIME» IN THE POETICAL DISCOURSE OF V.S. VYSOTSKY

The article presents an analysis of archetypal ideas about time, expressed in the V.S. Vysotsky's conceptual picture of the world. The analysis is carried out within the framework of the cognitive macroparadigm, which enables considering time not only as a reference point in the artistic space of a poetic text, but also as a dominant concept that determines the ideological and thematic originality of the poet's lyrics. An appeal to the etymology of the concept naming affords to draw a conclusion about cyclicity as a feature of time in the ancient Slavic picture of the world. According to the author, this perception of time is reflected in V.S. Vysotsky's poetry, where it is represented due to the cognitive model «time – eternity». The article examines the explicit and implicit means of representing the cyclical temporality in the poet's lyrics. As a result of the analysis of such texts as «Song of the Prophetic Cassandra», «Hunting for

Wolves», «Horizon» and others, it is concluded that the conceptual model «time – eternity» reveals acute social problems by expressing the opposition of the «in-group», who feel comfortable in the boundaries of the system, and the «out-group», trying to overcome the isolation, to get out of the «vicious circle». The study of the mythological archetypes presented in the poetic texts allows us to evaluate important artistic images, among which the image of a wolf, personifying the power of protest with infinity, and the image of a circle that gives rise to sensations of eternity stand out. It is noted that the analyzed model is also embodied in the love lyrics of V.S. Vysotsky, where it receives a special content that conveys the sharpness of the feelings of the hero, who is trying to stop time and save memories. The author draws attention to the emotional, axiological and symbolic components of the investigated concept «time», actualized through linguistic means of different levels.

Keywords: concept, time, circle, cyclic temporality, Vysotsky.

Время – важный феномен общественного и индивидуального бытия. Восприятие времени исторично, то есть обусловлено наслоением мифологических, религиозных и социально-культурных представлений, что позволяет нам анализировать эту категорию как концепт. В таком понимании *время* может быть рассмотрено не только как культурная, национально-специфическая доминанта, но и как индивидуальное, психологическое восприятие действительности, репрезентированное в поэтической картине мира. Предметом нашего исследовательского внимания стал художественный дискурс В.С. Высоцкого, в котором концепт «время» является идейно значимым, раскрывающим глубинные смыслы поэтического текста.

Слагаемыми концептуальной картины мира В.С. Высоцкого являются глубокие архетипические представления о цикличности, замкнутости времени. Для древнеславянской картины мира характерно представление о цикличном времени как повторяющихся моментах в неизбежной смене часов, месяцев, лет и веков. Это свойство отражено и во внутренней форме номинанта концепта: в русском языке XI-XVII вв. известна форма *врѣма* – из праслав. **vertmę* «кружение, коловращение, повторное возвращение, вечный оборот» [1; с. 149]. В этимологическом слове также отмечается, что праславянская форма восходит к индоевропейской **vertmen*, обозначающей «орбиту, движение по кругу, колесо» [1; с. 150]. В современном русском языке лексема *время* (ср. *колесо времени*) сохраняет семантику вечного движения, круговорота, постоянства. Модель «время – вечность» как мифологический архетип репрезентирована в художественных текстах В.С. Высоцкого как эксплицитно (через языковые средства с семантикой бесконечности), так и имплицитно (через текстовые ассоциаты).

Цикличность, замкнутость времени наделяется в поэтическом дискурсе Высоцкого отрицательной коннотацией. Все вечное и неизменное осуждается поэтом, который то открыто смеется, то скрыто иронизирует над «чужим», несвойственным ему поведением, укладом, укоренившимся годами. Особый слог, авторский стиль Высоцкого, пугавший и восхищавший современников, еще больше «усиливал» аксиологическую составляющую концепта.

Так, в центре «Песни о вещей Кассандре» (1967) перед читателем судьба пророка, которым можно назвать и поэта, способного разбудить спящую толпу. Противопоставление личности и толпы организует этот текст на глубинном сюжетном уровне: перед нами не просто авторская интерпретация мифологического сюжета, – текст репрезентирует сложный конфликт «своих» и «чужих», истоки которого лежат в древности, но который актуален во все времена. Репрезентантами цикличности в этом тексте выступают средства нескольких уровней языка: уточнение с семантикой постоянства, обязательности (*И в ночь, когда из чрева лошади на Трою // Спустилась смерть (как и положено – крылата)*), прилагательное (*И в эту ночь, и в эту смерть, и в эту смуту, // Когда сбылись все предсказания на славу, // Толпа нашла бы подходящую минуту, // Чтоб учинить свою привычную расправу*); сочетание местоимения и существительного (*Без умолку безумная девица // Кричала: «Ясно вижу Трою, павшей в прах!» // Но ясновидцев — впрочем, как и очевидцев — // Во все века сжигали люди на кострах*). [2; с. 117]. Не обходится в этом тексте и без иронии, которая пронизывает финал текста, разрушая миф и заостряя реальный конфликт личности и системы.

Подобное противоборство, окутанное циклической темпоральностью, наблюдаем и в знаменитой «Охоте на волков» (1968): *Рвусь из сил и из всех сухожилий // Но сегодня - опять, как вчера // Обложили меня, обложили // Гонят весело на номера!* [2; с. 463]. Поэт метафорически передает положение «чужого», ограниченного в движении, но желающего «выйти из повиновения – за флажки». Интересен в этом тексте и центральный образ, олицетворяющий силу протеста: волк – один из главных персонажей славянской мифологии. Ф.С. Капица отмечает: «Согласно легендам, волка создал черт, слепивший его из глины. Но черт не смог его оживить. Тогда черт обратился к Богу, который и вдохнул в волка душу. Двойственное происхождение волка обусловило его пограничное положение между этим и тем светом, человеком и нечистой силой» [3]. У Высоцкого образ волка тоже на рубеже – он попал в колесо времени, в котором ему заранее вы-

несен приговор. Остановить, изменить привычное течение жизни, нарушить порядок и спастись – вот цель лирического субъекта. Песня оптимистична, антитеза в последнем куплете освобождает не только волка, она дает надежду и самому автору: *Рвусь из сил – и из всех сухожилий, // Но сегодня – не так, как вчера: // Обложили меня, обложили – // Но остались ни с чем егеря!* [2; с. 463].

Особое наполнение модель «время-вечность» получает в любовной лирике В.С. Высоцкого. Цикличность времени наиболее остро ощущается героем, покинутым любимой: *Мне каждый вечер зажигают свечи, // И образ твой окуривает дым, – // И не хочу я знать, что время лечит, // Что все проходит вместе с ним* [2; с. 160]. Состояние одиночества лирического субъекта подчеркивают слова и словосочетания с семантикой запустения: *пустынная пустыня, пустая душа, паутина*. Но и в этой ситуации герой не следует общему правилу, не желает излечить душевную рану, а хочет остановить время, насладиться моментом, в котором еще жив образ любимой.

Один момент, миг занимает ключевую позицию в поэтическом дискурсе В.С. Высоцкого. Мгновение – это шанс на жизнь: *Я коней напою, я куплет допою, // Хоть мгновение ещё постою на краю* («Кони привередливые», 1972). Лирический герой словно проходит обряд инициации, сущность которого заключается в преодолении мучительных и болезненных испытаний, формирующих силу характера и дающих способность «раздвинуть горизонты»: *Меня ведь не рубли на гонку завели – // Меня просили: «Миг не проворонь ты! // Узнай, а есть предел – там, на краю земли? // И можно ли раздвинуть горизонты?»* [2; с. 240]. Текст Высоцкого – сплошная метафора жизни с ее бесконечной спешкой (*Успеть, пока болты не затянули!*) и суетой (*Завинчивают гайки, – побыстрее! – // Не то поднимут трос как раз где шея*). Лексема *горизонт*, находящаяся в сильной позиции одноименного текста («Горизонт», 1971), олицетворяет желание героя побороть замкнутость и разорвать границы, установленные системой. Социальный и в то же время глубоко личный подтекст чувствуется в каждой строке: *Я знаю, мне не раз в колёса палки ткнут. // Догадываюсь, в чём и как меня обманут. // Я знаю, где мой бег с ухмылкой пресекут // И где через дорогу трос натянут* [Там же]. Но герой не сдаётся, хотя цена одного решающего мгновения может быть очень высока. Циклические представления о времени связаны как с зарождением жизни, так и с ее концом – смертью, после которой начинается новый цикл, новая жизнь. Герой не желает смиренно следовать этой логике, он хочет быть свободным, сохранить жизнь, но выйти из ее замкнутого круга.

Имплицитно архетипические представления о цикличности времени выражены в позднем творчестве В.С. Высоцкого через образно-символические ассоциаты, которые, по мнению И.Б. Ничипорова, созвучны Блоку: «В лирической исповеди Высоцкого тяга найти путь к спасению часто балансирует на грани надежды «добраться до глубин» и крайнего отчаяния. Этим порождено кризисное ощущение вечного, обесмысленного круговращения жизни, прозрение того, насколько «круг велик и сбит ориентир», – поразившее своей безысходностью еще Блока – автора известного стихотворения «Ночь, улица, фонарь, аптека...» (1912)» [4]. Символ круга имеет глубокие мифологические корни, актуализируя безвыходную ограниченность, семантика которой сохранилась в современном русском языке: ср. «заколдованный круг» (Книж. О сложной, почти неразрешимой проблеме, запутанном деле или безвыходной ситуации [5; с. 311]); «порочный круг» (Книж. О постоянно повторяющихся сложных жизненных обстоятельствах, неразрешимых проблемах, запутанных и безвыходных ситуациях [Там же, с. 311]).

Великий круг, символизирующий бесконечность времени и печальную предрешенность судьбы России, становится центральным образом и в стихотворении «Мосты сгорели, углубились броды» (1972). Трагизм положения, в котором находится советский народ, передается поэтом через ассоциаты разного уровня: пространственные и референтные (*И тесно - видим только черепа*), цветовые (*Течет под дождь попавшая палитра*) и звуковые (*Врываются галопы в полонез*). Человек в этом мире теряет чувства, обезличивается, превращается в *толпу*. Так, циклическое, абстрактное время в тексте В.С. Высоцкого конкретизируется в определенное историческое – Советское время.

Отношение к личности как к песчинке, части некоторой общей массы, не имеющей своего мнения и своих чувств, воспринимается толпой вполне обычно, но вызывает неприятие у поэта. Феномен «стадности» точно охарактеризовал испанский философ и социолог Хосе Ортега-и-Гассет в своей известной книге «Восстание масс»: «Масса – это средний, заурядный человек. Принадлежность к массе – чисто психологический признак. О каждом отдельном человеке можно сказать, принадлежит он к массе или нет. *Человек массы* – это тот, кто не ощущает в себе никакого особого дара или отличия от всех, хорошего или дурного; он чувствует себя, что он – «точь-в-точь», как все остальные, и от этого чувствует себя счастливым» [6; с. 3-4]. Действительно, жить как все, трудиться и работать не для себя, а для общества (то есть, для масс) признавалось в советское время истинным счастьем: «*На работу – с радостью, а с работы – с гордостью!*»,

«Наши цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи!». В государстве формировалось ощущение счастливой принадлежности к неделимой массе, субстанции, которая, если и делится, то обязательно на равные части – ряды: *Вступайте в наши ряды!* – гласит советский лозунг [7; с. 60]. Но для поэта Высоцкого высшая ценность – это человек, его свобода и право выбора. Неслучайно в анализируемом тексте нет местоимений первого лица, поскольку нет в этой песне и лирического героя – он растворился в бесконечном круговращенье времени.

Таким образом, лексема *круг* выступает репрезентантом концепта «время», на образном-символическом и ассоциативном уровне раскрывая переживания поэта о судьбе своей Родины и своего народа. Поэт не принимает и не понимает установленных ограничений, осуждает отсутствие стремления к личностному развитию, что позволяет выделить в поле концепта особую эмоционально-аксиологическую составляющую, актуализированную в текстах Высоцкого через языковые средства разных уровней.

Имплицитно модель «время–вечность находит воплощение в тексте еще одного знаменитого произведения В.С. Высоцкого – «Чужая колея» (1972). Герой стихотворения оказывается заложником времени – попадает в *чужую колею*. Лексема *колея*, имеющая дефиницию «канавка, углубление от колес на дороге», появилась в русском языке из праслав. *колѣѧ или *колѣѧ, производного с суф. -ѣѧ/-ѣѧ от основы коло (см. колесо) [1; с. 411]. Этимологическая связь лексем *колея*-*колесо* связывает сюжет стихотворения с образом дороги, являющимся в свою очередь символом жизни вообще. Дорога лирического героя определяется в начале текста очень конкретно – *чужая*. Дополняет прямое номинативное значение «не своя» потенциальная сема «враждебная», которые актуализируется через пространственные характеристики колеи: *глубокая, широкая, с крутыми скользкими краями*.

Такая имплицитная оценка колеи, а в более широком контексте – жизни героя, ставится под сомнение при описании внешних условий в названном пространстве. В.С. Высоцкий создает своеобразную ось восприятия жизни, точкой отсчета в которой становится прилагательное *нормальный*: *Условия, в общем, в колее / нормальные: Никто не стукнет, не притрет – / Не жалуйся! / Желаете двигаться вперед – / Пожалуйста! / Отказа нет в еде-питье / В уютной этой колее*. [2; с. 304]. Языковые средства с семантикой отрицания (частицы не, нет; приставка ни-), участвуя в создании представлений о комфортной жизни, в то же время описывают положение по ту сторону точки отсчета, в которой возможно проявление индивидуальности, отступления от принятых правил.

Выступая прообразом советского общества, колея В.С. Высоцкого, также пропитана духом коллективизма: *И я живо себя убедил: / Не один я в нее угодил. / Так держать – колесо в колесе! – / И доеду туда, куда все* [2; с. 304]. Индивидуально-авторский фразеологизм «Колесо в колесе» образован по активной модели «Нога в ногу», «Рука в руку». Интересно значение окказионального выражения, которое возникает за счет актуализации этих лингвистических ассоциаций: «Идти (нога) в ногу – 1) одновременно, в такт с другими ступать той ногой, которой ступают другие; 2) *перен.* согласовывать с кем-, чем-л. свои действия, убеждения, не отставать от кого, чего-л. в каком-л. отношении» [8; с. 171]. Так, комфортная жизнь в колее возможна лишь при условии полного отказа от свободы выбора, она регламентируется и контролируется в любых проявлениях. Неприятие закона колеи влечет за собой исчезновение, смерть. *Вдруг его обрывается след... / Чудака оттащили в кювет*, – описывает автор судьбу того, кто вздумал спорить с системой.

Казалось бы, герой оказывается в трагическом положении: глубокая колея – бесконечная дорога по «чужим» правилам не сможет стать ему домом. Но В.С. Высоцкий оптимистичен, он спасает своего героя, и символом этого спасение становится весна, новое рождение цикла и самого героя: *Гляжу – размыли край ручьи / весенние, / Там выезд есть из колеи – / спасение!* [2; с. 304]. Так, лексема *колея* (*колесо*) в данном стихотворении выступает репрезентантом концепта «время», актуализируя представления о его цикличности и замкнутости. Трагизм положения, заключающийся в бесконечном вращении-движении, ощущается лирическим героем В.С. Высоцкого особенно остро. Способность противостоять системе требует особой силы духа (не случайно колея в стихотворении олицетворяется – *спорить с колеей*), но надежда не умирает, и автор не просто спасает своего героя, он дает надежду на жизнь всем: *Выбирайтесь своей колеей!* [2; с. 304].

Таким образом, время как концептуальная единица в поэтической модели мира поэта обладает свойством цикличности, призванной обеспечить порядок и гармонию как в общественной, так и в личной жизни лирического субъекта. Тем не менее, в постоянной смене одинаковых часов, дней, лет герой не может найти счастья. Модель «время–вечность», репрезентированная в творчестве Высоцкого, наполнена ощущением загнанности, одиночества, обезличенности. Лирический герой во многих текстах поэта олицетворяет собой силу протеста, стремится разорвать круг, «раздвинуть горизонт», но сталкивается с мощной противодействующей силой уже не абстрактного мифологического, а конкретного советского времени.

Библиографический список

1. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т.1. М.: Флинта: Наука, 2010. 584 с.
2. Высоцкий В.С. Прерванный полет: Стихи и проза / В.С. Высоцкий. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2019. 960 с.
3. Капица Ф.С. Тайны славянских богов. Мир древних славян. Магические обряды и ритуалы. Славянская мифология. Христианские праздники и обряды. Режим доступа: https://royallib.com/read/kapitsa_fedor/tayni_slavyanskikh_bogov_mir_drevnih_slavyan_magicheskie_obryadi_i_rituali_slavyanskaya_mifologiya_hristianskie_prazdniki_i_obryadi.html#279704 (дата обращения – 01.11.2021).
4. Ничипоров И.Б. Своеобразие лирической исповеди в поздней поэзии Высоцкого / И.Б. Ничипоров. Режим доступа: https://www.portal-slovo.ru/philology/37210.php?ELEMENT_ID=37210 (дата обращения – 01.11.2021).
5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь народных сравнений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2008. 800 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Избр. труды. М.: Издательство «Весь Мир», 1997. 704 с.
7. Черемохина Д.А. Когнитивно-прагматические факторы междискурсного конфликта (дискурс власти и дискурс В.С. Высоцкого): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Д.А. Черемохина; Белгородский гос. нац. иссл. унив. Белгород, 2016. 170 с.
8. Фразеологический словарь русского языка / Сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. М.: Высшая школа, 2003. 336 с.

References

1. Etymological dictionary of the modern Russian language / Comp. A.K. Shaposhnikov: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Flinta: Nauka, 2010. 584 p.
 2. Vysotsky V.S. Interrupted Flight: Poems and Prose / V.S. Vysotsky. St. Petersburg: Azbuka: Azbuka-Atticus, 2019. 960 p.
 3. Kapitsa F.S. Secrets of the Slavic gods. The world of the ancient Slavs. Magic ceremonies and rituals. Slavic mythology. Christian holidays and ceremonies. Access mode: https://royallib.com/read/kapitsa_fedor/tayni_slavyanskikh_bogov_mir_drevnih_slavyan_magicheskie_obryadi_i_rituali_slavyanskaya_mifologiya_hristianskie_prazdniki_i_obryadi.html#279704 (date of appeal – 01.11.2021).
 4. Nichiporov I.B. The originality of lyric confession in the late poetry of Vysotsky. Access mode: https://www.portal-slovo.ru/philology/37210.php?ELEMENT_ID=37210 (date of appeal – 01.11.2021).
 5. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Big dictionary of folk comparisons / V.M. Mokienko, T.G. Nikitina. Moscow: ZAO Olma Media Group, 2008. 800 p.
 6. Ortega y Gasset H. Revolt of the masses / H. Ortega y Gasset // Izbr. works. Moscow: Ves Mir Publishing House, 1997. 704 p.
 7. Cheremokhina D.A. Cognitive-pragmatic factors of interdiscourse conflict (discourse of power and discourse of V.S.Vysotsky): diss. ... Cand. philol. Sciences: 10.02.01 / D.A. Cheremokhina; Belgorod State Nat. Research Univ. Belgorod, 2016. 170 p.
- Phraseological dictionary of the Russian language / Comp. A.N. Tikhonov, A.G. Lomov, L.A. Lomov. M.: Higher school, 2003. 336 p.

УДК 81' 13

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.40.61.017

Юго-Западный государственный университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Миронова Д.М.
Россия, г. Курск, тел. 8-919-613-43-52
e-mail: mir-lina@yandex.ru

Southwest State University
Candidate of philological Sciences
Associate Professor of the Theoretical and
Applied Linguistics Chair
Mironova D.M.
Russia, Kursk, tel. +7-919-613-43-52
e-mail: mir-lina@yandex.ru

Д.М. Миронова

ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ В КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЯЗЫКА: ВЗГЛЯД СИСТЕМОЛОГА

Статья направлена на выявление системологического потенциала теоретико-методологических установок когнитивного подхода к языку. Предметом исследования выступает степень содержательной адекватности принципов анализа лингвоментальных категорий постулатам общей теории систем. Данные принципы составляют основу существования реальных систем и, как следствие, формируют картину системной онтологии изучаемых объектов в научном познании. Актуальность избранной темы обусловлена востребованным в истории языкознания осмыслением теоретической и практической ценности когнитивного подхода к языку, которая в данной работе интерпретируется соотносительно с языковой системностью. С использованием описательного и сравнительного методов в качестве основных анализу подвергаются принципы исследования разнообразных категорий языка. В числе специальных приёмов описательного метода ведущее положение занимает системологическая интерпретация изучаемого объекта. Данная процедура ориентирована на анализ исследуемых феноменов с точки зрения отражения в них значимых системных характеристик и на определение системологического статуса этих явлений по итогам проведённого анализа. Результаты исследования позволили обосновать научный вклад лингвокогнитологии не только в понимание антропоцентричности языка, но и в осмысление его системной природы. Итоги системологической интерпретации теоретико-методологических установок когнитивного исследования языковых категорий продемонстрировали, что современная лингвокогнитология располагает потенциалом моделирования категориального плана языка на перекрёстке универсальных аксиом системной онтологии и уже успешно реализует эти возможности. С большей полнотой и последовательностью она содействует научным описаниям естественного языка как открытой системы, служащей ведущим средством структурирования содержания концептосферы в её статике и динамике.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвоментальная категория, метасистема, принципы когнитивного исследования языковой категории, принципы существования открытых систем, языковая категоризация.

D.M. Mironova

PROBLEMS OF CATEGORIZATION IN COGNITIVE LANGUAGE RESEARCH: A SYSTEMOLOGIST'S VIEW

The paper deals the systemological potential of theoretical and methodological goals of the cognitive approach to language. The subject of the study is the level of content adequacy between the principles of analysis of articulated mental categories and the postulates of the general theory of systems. These principles form the basis of the existence of real systems and, as a result, form a picture of the system ontology of the studied objects in scientific cognition. The relevance of the chosen topic is determined by the understanding of the theoretical and practical significance of the cognitive approach to language, which is in demand in the history of linguistics. The author interprets this approach in relation to the language system. The analysis is based on the principles for the study of language categories in cognitive linguistics using descriptive and comparative methods as the main ones. Among the special techniques of the descriptive method the leading position belongs to the systemological interpretation of the studied object. This procedure is

focused on the analysis of the studied phenomena from the point of view of reflecting significant system characteristics in them and determining the systemological status of these phenomena based on the results of the analysis. In the light of the research results this work substantiates the scientific contribution of linguocognitology not only to understanding the anthropocentricity of language, but also to comprehension its systemic nature. The systemological interpretation of theoretical and methodological attitudes of cognitive research of language categories demonstrated that contemporary linguocognitology has the potential to model the categorical plan of language at the intersection of universal axioms of system ontology and has already successfully implemented these capabilities. With greater completeness and consistency it promotes scientific descriptions of natural language as an open system that serves as a leading means of structuring the content of the conceptual sphere in its statics and dynamics.

Keywords: cognitive linguistics, conceptual and language category, metasystem, principles in cognitive research of the language category, principles of open systems existence, language categorization.

Разработка лингвистических описаний в единстве разных сторон естественного языка более полувека сохраняет свою актуальность и сегодня получает новое развитие в русле антропоцентрической парадигмы языкознания. Установка на описание объекта с учётом свойств его среды, в сопряжении с многообразными реалиями человеческого фактора, позволила углубить представление о языковой реальности как целостном, системном феномене. На новой интеллектуальной платформе были поставлены вопросы о природе языка как «функционально определённого, структурно упорядоченного и адаптивно реорганизуемого множества элементов» [1].

Отмеченное истолкование системного объекта активно формировалось с середины 19 века в результате преодоления редукционно-позитивистского подхода естественных наук того времени. Обогащение фонда знаний, совершенствование научных методов и сама организация практической деятельности, обусловленная системным характером мышления и окружающего мира, способствовали формированию собственно научных воззрений на системность. «Назрела необходимость целостного подхода к объяснению материала, накопленного в результате аналитического подхода к предмету» [2]. Системность была провозглашена одной из фундаментальных характеристик мироздания.

С этой точки зрения ко второй половине 20 века пришло осознание, что именно системный подход может сыграть роль универсального объяснительного инструментария, поскольку различные области науки, в сущности, исследуют качественно различные системы, имеющие изоморфные черты эволюции, устройства и функционирования [3; с. 5-6]. Как считается, такой подход предоставляет дедуктивные абстрактные схемы и алгоритмы умственного проникновения в существо объектов как естественно-научного, технического, так и социально-гуманитарного знания. Благодаря его использованию все специальные дисциплины «стягиваются» из своих автономных закоулков в единый иерархический «организм-знание», в единую системно организованную науку» [1].

Как следствие обозначенных процессов, научный интерес закономерно сконцентрировался на изучении реальных, то есть незамкнутых, систем, образующих свои параметры во взаимодействии со средой – метасистемой высшего порядка. Построение комплексной научной картины подобного рода систем, в силу их сложности и динамики, часто связывается, насколько это возможно, с дополняющим объединением разноаспектных моделей системы, что вполне согласуется с положением о множественности описания системы. В каждой из них выделяется и разрабатывается тот или иной системный признак: состав, структура, развитие, функционирование (ср., к примеру, элементарные и структурные модели в истории языкознания). В этом контексте, по охвату системно-языковых признаков и адекватности положениям теории систем, лингвокогнитивные исследования видятся нам весьма перспективной научной программой. По нашим наблюдениям, в трудах по когнитивной лингвистике языковой материал зачастую анализируется в причинной взаимосвязи целого ряда сущностных параметров объекта, в диалектической связи его состава, структуры, функций, нормативных регуляций и, при необходимости, становления в концептуальной среде. Прослеживается явное или неявное стремление авторов выстроить непротиворечивое описание в единстве когнитивно обусловленных системно значимых свойств языковой реальности и представить объяснения вероятным причинам их взаимосвязи. Поэтому оправданно согласиться с точкой зрения Н.Ф. Алефиренко о статусе лингвокогнитологии. По словам учёного, в развитии лингвистической мысли она знаменует своего рода поворотный этап, давая возможность «сбалансировать исследовательские интересы к формальному и содержательному планам языка» [4; с. 75]. Такое положение дел во многом обеспечивается задачей создания *интегративной* теории мыслительно-языкового взаимодействия, и, как следствие, *комплексным* описанием характеристик языка как системы репрезентации знания и мыслительных процессов, которые также системны. Благодаря такому подходу совершенствуется решение наиболее трудной, по признанию системоло-

гов, проблемы изучения системных феноменов – понять «внутренние связи и механизмы тех или иных процессов в системах» с установлением более и менее конституирующих закономерностей [5]. В частности, это достигается за счёт органического соответствия лингвокогнитивных концепций и теорий с онтологическими постулатами существования систем. Под постулатами вслед за И.В. Крайнюченко и В.П. Поповым мы в данном случае понимаем законы и правила поведения, объективно присущие системе и поэтому значимые для эффективного её анализа, синтеза и управления [6; с. 68]. Рассмотрим в этом аспекте установки когнитивной лингвистики, которые были предложены в отечественных и зарубежных исследованиях языковой категоризации. При этом в центр внимания поместим важные для них принципы аналитического описания.

В рамках современной парадигмы языкознания основополагающее значение имеет, как известно, признание человека ключевой фигурой организации и использование языка как полифункционального инструмента, или *принцип антропоцентризма*. Включение этого принципа в теорию и методологию лингвистических исследований позволяет изыскивать разнообразные *когнитивные основания языковой способности* [7; с. 26], в частности, изучать природную взаимосвязь категорий языка с познавательным опытом и особенностями мышления человека. Такая установка полностью соответствует постулату теории систем о *взаимодействии естественной системы и среды*, в которой существует эта система [8]. Принято считать, что реальные объекты-системы формируются, развиваются и функционируют не изолированно, а в обменных процессах с другими системами, в совокупности составляющими окружающую среду. В связи с этим вводится понятие открытой системы, одной из которых вне всякого сомнения является человеческий язык, «преломляющий» в своём содержании, структуре и функциях те или иные характеристики пользователя. Полагая язык и, следовательно, языковые явления, компонентами более высоких систем, Н.А. Беседина включает принцип системности в число важнейших аксиом когнитивной лингвистики [9; с. 35].

Антропоцентричность проявляет черты характерного свойства и в том смысле, что определяет собою многие другие черты языка как средства когниции и коммуникации. Соответственно, на теоретико-методологическом уровне она специфицирует многие установки лингвокогнитивного исследования, помогая вычленять недостаточно исследованные языковые аспекты, и, с другой стороны, сама раскрывается этими принципами. В проекции на лингвокогнитологию это реализуется в описании естественного языка с точки зрения ведущих процессов в когнитивной среде. Так, например, фундаментом лингвокогнитивной теории категоризации, задающим векторы исследования, являются сегодня утверждения о структурирующей функции классификационной деятельности, о связи категоризации со всеми когнитивными способностями и процессами (селекцией, узнаванием, сравнением и др.), о категории как самостоятельном формате знания. К данному ряду можно было бы добавить положения, утверждающие наличие в сознании разного типа категорий, выделение дифференциальных и классифицирующих признаков, объективных и субъективных факторов категоризации, а также гештальтный, целостный характер обыденной категоризации с опорой на прототипы базового уровня членения мира [10, 7]. Учёт этих и некоторых других свойств когнитивного контекста при анализе категориального плана языка объясняет его и оценивает качество, эффективность с позиции вышестоящей, концептуальной, системы, что можно считать проявлением на почве лингвокогнитологии *принципов детерминизма и качества* в исследовании открытых систем (изменение состояния системы и её качество во многом определяется надсистемой).

Отмеченные выше принципы системного анализа тесно коррелируют с понятием обратной связи как механизма взаимодействия системного объекта со средой. Цель этого механизма состоит в регуляции воздействия среды, которое может поддерживаться либо нивелироваться системой в зависимости от благоприятных или негативных последствий для функционирования. Частнонаучное рассмотрение обратных связей в мыслительно-языковом взаимодействии категорий обеспечивается в когнитивной лингвистике принципами *корреляции их онтологической и лингвоментальной природы* [11; с. 85], а также концентрацией внимания на языковой семантике, являющейся «связующим звеном между языком и когницией» [7; с. 28]. В схожем русле сформулировано положение о языке как форме мысли [12; с. 41], о психическом «единстве общения и обобщения» [13; с. 17], о прямой зависимости языкового значения от форматов и механизмов представления концептуального содержания, в том числе от того, «с какой конкретной категорией оно соотносено» [10; с. 18]. Такого рода исследовательские посылки аргументируют в своём содержании антропоцентрически обусловленное преобладание положительных обратных связей между подсистемами языковых и ментальных категорий и, в целом, когнитивными и языковыми единицами / процессами, без чего, по-видимому, были бы неоправданны сами концептуальные исследования в лингвистике, не состоялась бы их экспланаторность. В пользу этого говорят и слова Е.С. Кубряковой, согласно которым по-

стижение знаков языка даёт ключ к усвоению «систем категоризации мира...» [14; с. 33], более и менее абстрактных. В соотношении с речевой деятельностью и современным *принципом изучения языка в его функционировании* усматривается активизация соответственных категорий и манипулирование ими в сознании участников общения [15]. В том числе на этой, категориальной, основе отмечается равноправие и пересечение двух основных функций языка – когнитивной и коммуникативной, структурно-функциональное единство концептуальной и языковой систем (т.н. холистический подход [7; с. 19]). Можно заключить, таким образом, что системологические *принципы обратной связи, функциональности и целостности* также находятся в корреляции с базовыми установками анализа языковых категорий в когнитивном аспекте.

В исследовании открытой и сложной системы следует обратить внимание и на специализацию её компонентов, которая позволяет наиболее оптимальным способом реализовывать ведущую цель системы. Каждая часть системы выполняет определённые задачи, так что изъятие из системы способно вызвать глубокие изменения в свойствах объекта (*принципы целеполагания и специализации* в теории систем). Это создаёт *необходимое разнообразие* субстанциональных свойств данной системы, повышающее её функциональную устойчивость. При этом за счёт ориентации на некоторую, внутреннюю или внешне поставленную, цель возникает комплементарность единиц и, следовательно, их целесообразная совместимость как часть организации системы (*принципы координации и совместимости компонентов целого* в системологии). Перечисленные факты системной онтологии в облике частнонаучных терминов последовательно учитывает когнитивная теория языка, что можно проследить на примере разграничения лексических, грамматических и интерпретирующих категорий, а также их конкретных репрезентантов. Выстроенная трихотомия основывается главным образом на исторической дифференциации задач по рубрикации языкового и внеязыкового опыта. Одна из них направлена на упорядочение ментальных репрезентаций фрагментов действительности; другая во многом связана со схематизацией правил вербального общения с помощью определённых классов языковых единиц / механизмов; при решении задачи третьего типа реалии по когнитивным моделям группируются сообразно их индивидуальной интерпретации, их субъективному «присвоению» в практике субъекта познания [10; с. 88]. Во взаимодополняющей совокупности выработанные типы лингвоментальных категорий предоставляют возможность наиболее полно охватить релевантные аспекты языковой картины мира, поэтому для языка как когнитивного и коммуникативного феномена их самостоятельное, но в то же время координированное существование видится системообразующим.

Разнообразие языковых категорий, однако, достигается не только сущностным различием объектов категоризации, но и, в силу её антропоцентризма, возможностью человека прибегать к различным источникам и способам познания или в разных ситуациях избирать неоднородные основания / механизмы категоризации, обращаться к разным типам фонового знания (ср. в этом контексте разведение таксономической, нетаксономической, эпизодической видов категоризаций в работе [16]). Суммируя подобные факты, Н.Н. Болдырев указывает на небезразличность для формирования категорий «уровня и степени владения системой категорий, от опыта категоризации определённых объектов, соотношения теоретических и эмпирических знаний, от языкового опыта, приоритетности языковых или энциклопедических знаний, лежащих в основе формирования категорий...» [10; с. 67]. Как следствие, в исследованиях языковой категоризации лингвисты-когнитологи следуют аксиомам *многоуровневости* языковых, в том числе категориальных, значений [17; с. 7-8]; принципам *контекстно-когнитивной детерминированности; множественности и разнородности оснований категоризации; вариативности категориальных структур в личностном, социальном и национальном лингвоментальном сознании* [11; с. 81, 83-84] или *принципу многофакторности* [9], включая в рассмотрение целый ряд когнитивных и прагматических факторов бытования категорий. Исходя из содержания этих установок, отметим их логическое соответствие *постулату дополненности*: в различных средах сложные системы могут проявлять различные свойства, что в том числе обуславливает их *эмерджентную уникальность* в результате особого взаимодействия этих свойств. Аналогичное утверждение онтологического порядка относится к сложным подсистемам когнитивных и языковых категорий, обнаруживающих ориентацию на человеческий фактор (ср., например, относительность базового статуса категорий в научном и обиходно-бытовом познании). Чтобы полномасштабно и адекватно охарактеризовать его воздействие на процесс и результат лингвоментальной категоризации, исследователи обращаются к достижениям других наук, прежде всего социальных и гуманитарных. Таким образом, некоторый *экспансионизм* лингвокогнитивных работ, выражающийся в умеренном и комплексном использовании этих достижений, *междисциплинарность, открытость лингвокогнитологии по отношению к смежным областям знания* являются методологическим следствием принципа системной *дополненности*.

Данное свойство систем в сочетании с их *структурностью* выходит на первый план в теоретических и практических описаниях *уровневого характера языковой категоризации*. Утверждается иерархичность концептуального содержания, закреплённого за номинантами той или иной категории и выявляемого при помощи специального концептуально-таксономического метода [17; 7-8]. В целом фиксация концептуальных единиц в упорядоченной категориальной форме позволяет дольше сохранять и быстрее извлекать их. В более глобальном масштабе конфигурации взаимодействующих категорий образуют такую важнейшую структуру знания, как фрейм, служащий типизированным когнитивным фоном осмысления и прогнозирования определённого класса ситуаций.

Приведёнными выше фактами подтверждается оптимальность структурирования сознания и памяти, которая, по определению, является неотъемлемым качеством концептосферы как системного образования. Кроме того, исследователями неоднократно подчёркивалась структурность самого мира как онтологическая предпосылка категории [10; с.32]. Признание структурирующей роли категории, таким образом, само по себе находится в соответствии с системным видением мира и человеческой когниции как его составляющей.

В свою очередь, различия внутреннего устройства категории, находящие выражение в языке, принято объяснять упомянутыми выше принципами конструирования, связанными с действием определённой когнитивной доминанты и природой классифицируемых объектов (см. *контекстно-когнитивная детерминированность; вариативность категориальных структур в личностном, социальном и национальном лингвоментальном сознании*). Так, например, ориентация человека на бытовое (целостное, предметно-практическое) или сущностное (детализированное, выверенное логически) осмысление объектов и, соответственно, их категоризация в обыденной или научной среде воплотилась в известном существовании прототипической и родо-видовой структур категории. Согласно лингвокогнитивному *принципу естественной классификации* [18], или *прототипичности* [19], или «*фамильного сходства*» [20], естественные категории упорядочивают концепты по радиальному, ядерно-периферийному принципу «вокруг» наиболее типичного представителя категории, обладающего в сознании максимумом признаков данного класса. Концепты такой категории различаются степенью абстракции, набором классификационных параметров, а также психологической значимостью для пользователя языком. Градационная или взаимодополняющая природа характеристик, лежащих в основе категории, формирует структуры градуированных и комплементарных когнитивных и языковых категорий [10, 11] (ср. в связи с этим существование в языке разных типов антонимов).

Логические, или классические категории, напротив, оформляют специальное знание, и поэтому устроены по инвариантно-вариантному принципу, так что каждая вышестоящая категория обладает всеми признаками нижестоящих [21; с. 194]. Прототипическая структура естественной категории, обладая по сравнению с логической нестрогим характером, представляется когнитологам более гибкой, подвижной, поскольку допускает градацию признаков членства, располагает большим потенциалом для пополнения новыми членами класса и вступает во взаимодействие с другими категориями. Это свойство обыденной когниции очерчивается *постулатами о нестрогости категоризации, градуированности членов категории, пересеканности категориальных структур, континуальности категорий* [11, 22, 23]. Вслед за Е.С. Кубряковой под нестрогостью категоризации подразумевают «подключение новых членов к категории не благодаря буквальному повторению у объекта познания характеристик, свойственных остальным членам, но благодаря повторению части этих характеристик» [22; с. 43]. По мнению А.В. Бондарко, нестрогость категоризации реальных обуславливает инвариантность / вариантность в сфере функционально-семантического поля [24]. С системологических позиций подобного рода структура (категориальная микросистема) может быть названа толерантной, то есть такой, в пределах которой отклонение параметров элементов или окружающей среды не приводит систему к катастрофе (*принцип толерантности* в системной онтологии) [25].

Гибкость психологически реальной категории делает закономерной устойчивость одних элементов категории и изменчивость других, что позволяет вести речь о *статичности или динамичности категориальных структур* [11], выделяя соответствующий принцип их бытования и исследования. Проявления такой подвижности категории в языке могут быть проиллюстрированы фактами изменчивости межуровневых границ категории по мере совершенствования общественной практики (например, подвижностью её базового уровня относительно выше- и нижестоящих) [10; с.49]. Они также могут содержаться в размытости самих межкатегориальных границ, что ярко иллюстрирует сама возможность отнесения одного и того же объекта к разным категориям в сознании человека. Скажем, *выпускная квалификационная работа* – это форма

аттестации и научная работа; в странах Юго-Восточной Азии *слон* – животное и одновременно средство передвижения.

Кроме этого, динамика лингвоментальных категорий может порождать явления вторичной категоризации, включая перекаатегоризацию и компаративную категоризацию: ср. *дождь, урок идёт* (активное контролируемое передвижение → *продолжающаяся фаза действия, процесс*), *заморские товары* (рубрикация по месту → по оценке качества); *белый, как снег, деньги как вода, рад, как ребёнок и т.д.* Также они реализуются возможностью расширения категории за счёт концептуализации новых её членов (например, на базе аффиксального словопроизводства [21; с.207]). Следует отметить, что в трудах лингвокогнитивного порядка признаётся обусловленность новых членов языковой категории, первичных и вторичных, не только объективными предпосылками, но и социальным, а также индивидуальным опытом субъекта речемыслительной деятельности, спецификой его национальных и сугубо личностных свойств, реализуемых в акте классификации. Отсюда проистекает осознание многообразия и лишь частичной предсказуемости линий развития категориальной стороны языка, что отражает такую характерную черту его эволюции, как *нелинейность, стохастичность сложной системы* [6; с.44].

В контексте диады «язык – речь» научная интерпретация статичности / динамичности лингвоментальных категорий восходит к т.н. системному, с одной стороны, и функционально обусловленному аспектам языковых явлений. Динамичность категориального плана языка в этом случае связывается с вариативностью его содержания за счёт опоры на ситуативные, операционные концепты, формирующие смысл языковой единицы, тогда как в статике, на уровне т.н. системных значений, он объективирует тематические концепты той или иной сферы опыта [17; с. 9, 10]. Соотношение тематических и операционных концептов приобретает особую значимость в условиях художественного дискурса при создании его образного плана. Так, например, в стихотворении В. Брюсова «Лестница» тематический концепт из рубрики архитектурных сооружений в ходе актуализации подвергается варьированию и ассоциативно связывается с категорией жизненных препятствий: *Всё каменей ступени, / Всё круче, круче всход // Желанье достижений / Ещё влечёт вперёд. // <...> И лестница всё круче... / Не оступлюсь ли я, / Чтоб стать звездой падучей / На небе бытия?* // Таким образом, всякая когнитивная и языковая категория представляют собою развивающееся системное образование, так что относительно *принципа развития* систем изучение категориальной динамики включение в анализ данного аспекта лингвоментальной рубрикации обладает несомненной эвристичностью.

Проведённый анализ свидетельствует об адекватности принципов системного подхода теоретико-методологическим установкам когнитивного исследования языковой категории. Итоги последовательной системологической интерпретации объекта нашего исследования демонстрируют реализованные в когнитивной лингвистике возможности моделирования категориального плана языка на перекрёстке универсальных аксиом системной онтологии. В совокупности они позволяют наиболее полно и точно охарактеризовать естественный язык как открытую когнитивно-ориентированную систему, одна из задач которой – обеспечивать упорядоченное хранение и извлечение единиц знания, участвуя в рубрикации опыта. Установлено, что задействованные в таком анализе исходные посылки весьма масштабны по охвату сущностных системных параметров, спроецированных на мыслительно-языковое взаимодействие, что, безусловно, углубляет понимание природы вербализованной категории в частности и языка в целом. Взаимосвязанному рассмотрению подвергаются свойства состава, внутренней и внешней структуры, а также функционально-поведенческого блока коммуникативной системы в области категорий, учитываются как ингерентные, так и внешние факторы бытования языка. Таким образом, основываясь на конкретном материале, можно заключить, что лингвокогнитивный подход в его теории и практике обладает высокой эвристичностью, экспланаторностью и имеет большие перспективы не только в дальнейшем осуществлении концептуальной связи объекта лингвистики с человеком, но и для постижения «тайны языка» как системного феномена.

Библиографический список

1. Борзенко И.М. Наука глазами системолога [Электронный ресурс]. URL: <http://victor-safronov.ru/systems-analysis/papers/science-through-the-eyes-of-the-systems-analyst.html> (дата обращения: 05.10.2021).
2. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем [Электронный ресурс]. URL: <http://www.galactic.org.ua/Prostranstv/anoxin-7-1.htm> (дата обращения: 03.10.2021).

3. Rousseau D. On the Architecture of Systemology and the Typology of Its Principles // *Systems*. 2018. Vol. 6(1). Pp. 1-17.
4. Холизм // Новая философская энциклопедия. В четырёх томах. Т.4. М.: Мысль, 2010. 736 с.
5. Смотрицкий Е.Ю. Становление системного мышления в первой половине XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.metodolog.ru/00510/00510.html> (дата обращения: 01.10.2021).
6. Крайнюченко И.В. Попов В.П. Системное мировоззрение. Теория и анализ. Пятигорск: ИНЭУ, 2005. 222 с.
7. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
8. Система // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/elib/2736.html> (дата обращения: 02.10.2021).
9. Беседина Н.А. Методологические аспекты современных когнитивных исследований в лингвистике // Научные ведомости. Серия «Философия. Социология. Право». 2010. № 20 (91). Вып. 14. С. 31-37.
10. Болдырев Н.Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. X. С. 17-120.
11. Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография. Екатеринбург, 2015. 286 с.
12. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс: Изд. группа «Универс», 1993. 654 с.
13. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
14. Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. 2001. №1 (7). С. 28-34.
15. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 25-77.
16. Гольдберг В.Б. Виды лексической категоризации как когнитивная основа языковой картины мира // Когнитивные исследования языка. Категоризация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2012. Вып. X. С. 151-173.
17. Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 5-13.
18. Бондарко А.В. О структуре грамматических категорий (Отношения оппозиции и неоппозитивного различия) // Вопросы языкознания. 1981. № 6. С. 17-28.
19. Rosch E. Principles of categorization // *Cognition and Categorization*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27-48.
20. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/logiko-filosofskij-traktat-read-256401-1.html> (дата обращения: 07.10.2021).
21. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: Дисс... д-ра филол. наук [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/329535/> (дата обращения: 07.10.2021).
22. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
23. Абишева К.М. Категоризация и ее основные принципы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2. С. 21-30.
24. Бондарко А.В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариантность. СПб.: Наука, 2003. 398 с.
25. Ермак В.Д. Системы. Системные принципы. Системный подход [Электронный ресурс]. URL: <http://socionicasys.ru/biblioteka/statji/sistemnij-podhod> (дата обращения: 03.10.2021).

References

1. Borzenko I.M. Science through the eyes of a systemologist [Internet source]. URL: <http://victor-safronov.ru/systems-analysis/papers/science-through-the-eyes-of-the-systems-analyst.html> (date of application: 05.10.2021).
2. Anokhin P.K. Fundamental issues of the general theory of functional systems [Internet source]. URL: <http://www.galactic.org.ua/Prostranstv/anoxin-7-1.htm> (date of application: 03.10.2021).

3. Rousseau D. On the architecture of systemology and the typology of its principles // *Systems*. 2018. Vol. 6(1). Pp. 1-17.
4. Holism // *The New Philosophical Encyclopedia*. In four volumes. Vol. 4. M. : Thought, 2010. 736 p.
5. Smotrisky E. Yu. The formation of system way of thinking in the first half of the twentieth century [Internet source]. URL: <http://www.metodolog.ru/00510/00510.html> (date of application: 01.10.2021).
6. Kraynuchenko I.V., Popov V.P. Systemic worldview. Theory and analysis. Pyatigorsk: INEM, 2005. 222 p.
7. Skrebtsova T.G. Cognitive Linguistics: course of lectures. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2011. 256 p.
8. System // *The New Philosophical Encyclopedia* [Internet source]. URL: <http://iph.ras.ru/elib/2736.html> (date of application: 02.10.2021).
9. Besedina N.A. Methodological aspects of modern cognitive research in linguistics // *Scientific bulletin. The series "Philosophy. Sociology. Law"*. 2010. № 20 (91). Vol. 14. P. 31-37.
10. Boldyrev N.N. Categorical system of language // *Cognitive studies of language*. 2012. Vol. X. P. 17-120.
11. Dziuba E.V. Linguocognitive categorization in the Russian language consciousness: monograph. Ekaterinburg, 2015. 286 p.
12. Sepir E. Selected works on linguistics and cultural studies. M.: Progress: Publishing group of the "UNIVERS", 1993. 654 p.
13. Vygotsky L.S. Thinking and speech. M.: Labyrinth, 1999. 352 p.
14. Kubryakova E.S. Reflections on the fate of linguistics at the turn of the century // *Issues in Philology*. 2001. №1 (7). P. 28-34.
15. Boldyrev N.N. The conceptual basis of language // *Cognitive studies of language*. 2009. Vol. IV. P. 25-77.
16. Goldberg V.B. Types of lexical categorization as the cognitive basis of the linguistic worldview // *Cognitive studies of language. Categorization of the world in language: collective. monogr. / ch. ed. series N.N. Boldyrev*. M.: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin. 2012. Vol. X. P. 151-173.
17. Boldyrev N.N. Actual tasks of cognitive linguistics at the present stage // *Issues in cognitive linguistics*. 2013. № 1. P. 5-13.
18. Bondarko A.V. On the structure of grammatical categories (relations of opposition and non-positive difference) // *Issues in Linguistics*. 1981. № 6. P. 17-28.
19. Rosch E. Principles of categorization // *Cognition and Categorization*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27-48.
20. Vitgenshtein L. Logical and philosophical tractate [Internet source]. URL: <https://www.rulit.me/books/logiko-filosofskij-traktat-read-256401-1.html> (date of application: 07.10.2021).
21. Ivanova S.V. Linguoculturological aspect of the study of language units: Dissertation of Dr. Phil. [Internet source]. URL: <http://www.twirpx.com/file/329535/> (date of application: 07.10.2021).
22. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G. A concise dictionary of cognitive terms. M.: Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University, 1997. 245 p.
23. Abisheva K.M. Categorization and its basic principles // *Issues in cognitive linguistics*. 2013. № 2. C. 21-30.
24. Bondarko A.V. Invariants and prototypes in the system of functional grammar // *Problems of functional grammar: Semantic invariance / variation*. St. Petersburg: Science, 2003. 398 p.
25. Ermak V.D. The system. System principles. A system approach [Internet source]. URL: <http://socionicasys.ru/biblioteka/statji/sistemnij-podhod> (date of application: 03.10.2021).

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 070.23(1-37)

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.16.29.018

*Воронежский государственный технический
университет*

доктор филологических наук, доцент

зав. кафедрой русского языка

и межкультурной коммуникации

Скуридина С.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48;

e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University

Doctor of Philology, associate

professor, department chairman,

*the chair of Russian language and cross-cultural
communication,*

Skuridina S.A.

Russia, Voronezh, tel. +7(920)404-04-48

e-mail: saskuridina@ya.ru

*Воронежский государственный технический
университет*

студент 4 курса направления «Журналистика»

Вохминцева А.В.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-952-104-85-09

e-mail: v.alya140177@gmail.com

Voronezh State Technical University

4th year student of the direction "Journalism"

Vokhmintseva A.V.

Russia, Voronezh, tel. +7-952-104-85-09

e-mail: v.alya140177@gmail.com

С.А. Скуридина, А.В. Вохминцева

НОВОГОДНИЙ ВЫПУСК РЕГИОНАЛЬНОГО ИЗДАНИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИСТОЧНИК (на примере районной общественно-политической газеты «Вести Придонья» г. Павловск Воронежской области)

В настоящей работе рассматриваются новогодние выпуски павловской районной газеты «Вести Придонья» разных лет как социокультурный источник. В праздничные дни СМИ используют разнообразные новогодние элементы для оформления изданий. Такие выпуски газет отличаются от остальных тем, что в них присутствуют элементы, создающие праздничное настроение у читателя. Однако содержащаяся в них информация, в зависимости от различных исторических периодов, не всегда носит увеселительный характер. Информация о важных событиях в истории социума сочетается с новогодней атрибутикой. В работе анализируются архивные выпуски районной газеты «Вести Придонья» периода Великой Отечественной войны, послевоенного пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, культа личности Сталина, его разоблачения и возвращения к ленинскому пути развития общества, конца двадцатого столетия, а также современные номера. Авторами отмечается, что новогодние выпуски советской эпохи особенно ярко демонстрируют ленинский завет о том, что «печать должна служить орудием социалистического строительства», то есть показывать будущую счастливую жизнь, к которой можно прийти при выполнении определенных условий, диктуемых партией. В ходе исследования особое внимание уделяется специфике выбора названия газеты, заголовков статей, визуальному контенту. Данные константные элементы рассматриваются авторами как социокультурные индикаторы. В статье приводится краткое сравнение новогодних выпусков советского и постсоветского времени.

Ключевые слова: социокультурный источник, новогодний выпуск, название газеты, заголовок, статья, первая полоса, изображение, шрифт.

S.A. Skuridina, A.V. Vokhmintseva

NEW YEAR'S EDITION OF THE REGIONAL EDITION AS A SOCIO-CULTURAL SOURCE (on the example of the regional socio-political newspaper «Vesti Pridonya», Pavlovsk, Voronezh region)

In this paper, the New Year's editions of the Pavlovsky district newspaper "Vesti Pridonya" of different years are

considered as a socio-cultural source. On holidays, the media use a variety of New Year's elements for the design of publications. Such issues of newspapers differ from the rest in that they contain elements that create a festive mood for the reader. However, the information contained in them, depending on different historical periods, is not always of a recreational nature. Information about important events in the history of society is combined with New Year's attributes. The paper analyzes archival issues of the regional newspaper "Vesti Pridonya" of the period of the Great Patriotic War, the post-war five-year plan for the development of the national economy of the USSR, the cult of Stalin's personality, his exposure and return to the Leninist path of development of society, the end of the twentieth century, as well as modern issues. The authors note that the New Year's editions of the Soviet era especially vividly demonstrate Lenin's testament that "the press should serve as an instrument of socialist construction," that is, to show a future happy life, which can be achieved if certain conditions dictated by the party are met. In the course of the research, special attention is paid to the specifics of choosing the newspaper name, article headlines, and visual content. These constant elements are considered by the authors as socio-cultural indicators. The article provides a brief comparison of the New Year's editions of the Soviet and post-Soviet times.

Keywords: socio-cultural source, New Year's edition, newspaper title, headline, article, front page, image, font.

Периодические издания всегда являются ценным источником информации. Исследователю, который изучает историю какого-либо района, газета, выпускающаяся там, как нельзя лучше расскажет о развитии этой территории, нормах и ценностях общества как социальной системы, о лучших и худших этапах жизни края. Газета является своеобразным учебником по истории и социокультурным источником.

Архивные выпуски газеты «Вести Придонья» хранятся в павловской районной библиотеке имени А.С. Пушкина. Во время Великой Отечественной войны издания находились в Доме ветеранов, куда попал снаряд, и обрывки газетных листов разлетелись по городу. Работники библиотеки ходили по домам в поисках утерянных библиотекой экземпляров газет в надежде найти у подписчиков сохранившиеся номера, чтобы заново собрать материалы для архива.

Справедливо, на наш взгляд, мнение коллектива источниковедов, отмечающих что в советскую эпоху «газеты старались показать жизнь не такой, какая она есть, а такой, какой она должна быть, – согласно официально принятой схеме развития общества» [1, с. 625]

В настоящей работе мы обратимся к первой полосе новогодних выпусков районной газеты, издаваемой в настоящее время под названием «Вести Придонья». Новогодний номер газеты можно назвать веховым, так как отражает не только результаты уходящего года, но и планы на следующий.

С 1932 по 1952 год включительно газета носила название «Луч коммуны». Первый сохранившийся новогодний выпуск газеты – №1 (1979) от 1 января 1945 года [2]. Над названием размещен «постоянный призыв» – один из самых известных интернациональных коммунистических лозунгов: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Девиз обязательно изображался на гербе СССР, на партийных билетах, шапках газет, денежных банкнотах.

Рис. 1. Шапка номера №1 от 1 января 1945 года

Под названием газеты надпись, обозначающая, чьим изданием является газета: «Орган Павловского Райкома ВКП (б) и Райсовета депутатов трудящихся Воронежской области». «Постоянный призыв» и наименование издателя являются постоянными элементами газеты и печатаются в каждом номере без значительных изменений.

В правом верхнем углу увеличенным шрифтом напечатано поздравление: «С новым годом, товарищи!». В толковом словаре Д.Н. Ушакова понятие «товарищ» трактуется как «человек, действующий, работающий вместе с кем-н., помогающий ему, делающий с ним общее дело, связанный с ним общим занятием, общими условиями жизни, и потому близкий ему» [3]. После 1917 г. у этого слова появляется новое значение, которое пришло из социал-демократического, партийного лексикона: «сратник по политической борьбе».

Увеличенный шрифт, используемый для набора того или иного слова/выражения, привлекает к нему внимание читателей. Человек на психологическом уровне воспринимает напечатанное крупным шрифтом как наиболее важную информацию. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что поздравление в данном номере, помимо своего основного назначения, является напоминанием читателям о том, что все они приверженцы одной идеологии, одного общества, за будущее которого ведутся сражения с немецко-фашистскими захватчиками.

На первой полосе выпуска размещено семь разножанровых и разнотематических материалов. Два из них – стихотворения. Первое – «Фронтная ночь» – описание солдатом ночи на передовой. Лирическим героем является сам автор. В конце стихотворения указан автор (В.Бокаев) и подпись «Действующая армия», которая означала, что эти строки написаны реальным солдатом, находящимся на фронте. Второе стихотворение «С новым годом ребята!» обращено к орлятам. Лирический герой напрямую не указан, но по отличительным словосочетаниям, таким как «я старый», «всегда морожу», «кульки раздать», можно сделать вывод о том, что к ребятам обращается Дед Мороз. Его принято считать главным добрым сказочным новогодним персонажем, однако он пишет: «Я с отважными бойцами/Фрицев рыжих колочу». Дед Мороз уверяет: «Веселитесь детки смело./Скоро немцев мы добьем./Окружаем их умело,/и с победой к Вам придем». Основная мысль произведения: война касается всех, даже сказочные персонажи не остаются в стороне, а сражаются вместе с солдатами за Родину. Автор стихотворения рассказывает детям о войне доступным для них языком, и вселяет в них веру в скорую победу Советского союза.

Над стихотворением изображен улыбающийся солдат в зимней военной форме с винтовкой возле наряженной елки. Как правило, на подобных рисунках обычно представлен Дед Мороз, но на фотографиях, рисунках, плакатах времен Великой Отечественной войны чаще встречаются бойцы Красной Армии. Улыбающиеся солдаты не давали отчаяться советскому народу, вселяли веру в победу, демонстрируя боевой дух.

Пресса была особенно значима в годы Великой Отечественной войны: необходимо было сообщать людям актуальную информацию с фронта, поддерживать советский народ, транслируя уверенность в победе СССР.

На странице выпуска №1 (3014) от 1 января 1947 года размещена одна статья под названием «Второй год новой Сталинской пятилетки» и стихотворение «Карта пятилетки» [4]. Следует отметить, что слово «пятилетка» на одной странице повторяется 15 раз, что, несомненно, свидетельствует о ее значимости для развития советского общества. Как известно, пятилетка – это пятилетний план развития экономики в СССР с целью его ускоренной индустриализации. Всего с 1928 года было реализовано 13 пятилетних планов, многие из которых выполнены досрочно. Большое значение для восстановления страны имела первая послевоенная пятилетка.

Над стихотворением расположен рисунок, на переднем плане которого изображен отрывной календарь – символ советской эпохи, так как он был практически в каждой семье, хотя впервые отрывные календари появились в досоветское время – в 1885 году. После революции, когда были закрыты многие газеты и журналы царской России, издание отрывных календарей продолжилось, поскольку отрывной календарь превратился в инструмент пропаганды нового строя. Отрывной календарь выполнял просветительскую функцию. Обращаясь к информации, записанной на листке календаря, советские люди узнавали полезные советы, биографии известных личностей, получали информацию о праздниках [5]. На заднем плане изображены: флаг СССР, самолеты, поезд, многоэтажный дом, строящееся здание, заводы. Рисунок отражает процесс восстановления и дальнейшего развития советской промышленности в послевоенные годы.

Рис. 2. Изображение отрывного календаря в новогоднем выпуске 1947 года

После окончания Великой Отечественной войны необходимо было восстанавливать и развивать народное хозяйство СССР. Это непростой период в жизни страны. Публикуя статьи, об успехах и достижениях советского народа, о том, сколько сделано, и о том, как хорошо и красиво будет по завершении пятилетки, газета поддерживает людей, показывает, что результат их усиленной работы делает страну лучше.

В названии выпуска №1 (3133) от 1 января 1949 года лексема *коммуны* подчеркнута жирной линией [6]. Коммуна – это идейная община людей, имеющих общие интересы и жизненные ценности, собственность, ресурсы. После революции в коммунах видели главную производственную силу. Несмотря на то, что коммуны не оправдали себя, слово *коммуна* активно использовалось в лексиконе советского народа, достаточно вспомнить, что и в Воронеже общественно-политическая газета с названием «Коммуна» издается с 20 мая 1917 года.

В центре №1 (3133) от 1 января 1949 года размещено стихотворение «Новогодняя ночь», а под ним рисунок. Изображена встреча маленького мальчика, на котором тулуп с надписью «1949», шапка со звездой, а также галстук пионера, и старика, одетого в тулуп с надписью «1948» и шапку со звездой. На основании этого можно сделать вывод о том, что мальчик олицетворяет наступивший новый год, а старик – это персонификация прошедшего, «старого» года. Старик показывает мальчику лист с надписью: «Отчет об урожае 1948 г.». Под картинкой приводится следующий диалог: «Новый: – Хорошо, дед! Но мы добьемся большего!». Очевидно, что «старый» год рассказывает о том, насколько хорошим был урожай, а «новый» – хвалит его, но обещает сделать больше.

Рис. 3. Иллюстрация на первой полосе новогоднего выпуска 1949 года

1 января 1953 года районная газета «Луч коммуны» переименована в «Сталинское знамя». Можно предположить, что название газеты изменилось, так как издатель хотел показать свою приверженность к идеям государственного деятеля. «Знамя» – это символ борьбы и побед. Выделение данного слова увеличенным шрифтом символизирует победу в Великой Отечественной войне, а также движение уверенными шагами к коммунизму.

Рис. 4. Шапка номера №1 от 1 января 1956 года

В центре первой полосы рабочий, предъявляющий билет в новый, 1956, год [7]. В правом нижнем углу размещен рисунок. На заднем плане изображено высокое здание, работающие заводы, строительная техника. На переднем – уже традиционная для новогодних выпусков встреча маленького мальчика в шапке с надписью «1956» и старика, на шапке которого написано «1955». Онижимают друг другу руки. Как и в новогоднем выпуске 1949 года, они олицетворяют старый и новый год. Взрослый мужчина держит в руках стопку листов с надписью: «5я пятилетка выполнена», а мальчик пачку листов, на которых написано «6я пятилетка (планы)». «Я подытожил, а ты начинай», – говорит старик мальчику, ознаменовав таким образом начало новой пятилетки.

С июня 1956 года по апрель 1962 года районная газета «Сталинское знамя» переименована в «Ленинскую правду», что является свидетельством разоблачения культа личности Сталина и возвращения страны на ленинский путь развития общества. Лексема *правда* напечатана увеличенным шрифтом [8]. Выделение данного слова является отсылкой к главной газете коммунистической партии советского союза, которая была рупором центрального комитета и продвигала идеи марксизма и ленинизма в массы.

Рис. 5. Шапка номера №1 от 1 января 1956 года

В левом углу размещен рисунок, на котором мальчик в шапке с надписью «1958» вытянул руку, показывая на главное достижение ушедшего года: 4 октября 1957 года на орбиту запущен первый в мире искусственный спутник Земли, советский космический аппарат.

С февраля 1963 по октябрь 1997 года павловская районная газета «Ленинская правда» стала называться «Маяк Придонья». Маяк – это навигационное оборудование, имеющее точно установленные координаты, что способствует уточнению места положения судна на водной поверхности. Подонье, или Придонье – территория в бассейне реки Дон, расположенная в центральной части Русской равнины и охватывающая ряд областей, среди которых – Воронежская. Река Дон протекает вдоль Павловского района. Таким образом, в название газеты положен территориальный признак.

Рис. 6. Первая полоса новогоднего выпуска 1986 года

На первой полосе №1 за 1986 год размещен рисунок, на котором изображен дед Мороз и Снегурочка [9]. Также нарисован мальчик, на одежде которого написано «1986». В руках он «держит» Кремлёвский дворец съездов и флаг с надписью «27 съезд КПСС». Это отсылка к предстоящему съезду КПСС при генеральном секретаре М.С. Горбачеве, на котором обсуждали план очередной, 12-й пятилетки, оказавшейся последней.

С октября 1997 года районная газета стала выходить под названием «Вести Придонья». В начале 2000-х газета начала печататься в цвете. Лозунг теперь отсутствует, так как Советский Союз распался. Вверху страницы поздравление: «С новым годом, друзья!» – альтернатива советскому «С новым годом, товарищи». В словаре Д.Н. Ушакова «друг» – это «близкий приятель, лицо, связанное с кем-н. дружбой», а «дружба» – это «близкие приятельские отношения, тесное знакомство вследствие привязанности и расположения» [3].

В верхних углах размещены еловые веточки с шариком. Помимо этого, на странице изображена наряженная елка. Эти элементы, а также фотография молодого человека и девушки, одетых в костюмы Деда Мороза и Снегурочки, создают новогоднюю атмосферу.

Обратимся к выпуску №96 (3169) от 29 декабря 2021 года, где новогодний дизайн усовершенствован [10]. Название газеты «припорошено» снегом. Помимо этого, на странице присутствуют следующие новогодние элементы: елка, снеговик, Дед Мороз в санях, запряженных оленями (к сожалению, нужно отметить, что олени – это в североамериканской традиции перевозчики Санта-Клауса, но не русского Деда Мороза).

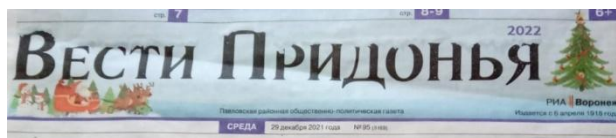

Рис. 7. Шапка номера №96 от 29 декабря 2021 года

Большую площадь первой полосы занимает фотография, на которой А.В. Гусев вручает диплом жителю Павловска, изображенному на фото в медицинской маске: согласно указу губернатора от 3 апреля 2020 года № 138-у в Воронежской области был введен масочный режим, необходимость которого продиктована неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановкой, вызванной распространением инфекции COVID-19 [11].

На странице есть QR-коды, по которым газету можно найти в социальных сетях, где публикуются фотографии и статьи, не вошедшие в номер. Это обусловлено использованием прогрессивных современных технологий.

Газета «Вести Придонья» выходит по вторникам и пятницам, но данный выпуск вышел в среду, а следующий читатели увидели лишь 14 января. Это связано с тем, что в 2004 году ГосДумой был принят закон о 10-дневных новогодних выходных [12].

В советский период новогодние выпуски выходили в свет 1 января. Считалось, что Новый год – это детский праздник, а взрослые должны работать в этот день. Первый выпуск в году рассказывал об успехах прошлого года или о планах на наступивший. Большое количество текста и минимум картинок также характерно для выпусков советского времени. Мотивационные призывы, идеологические рисунки и тексты, наличие в каждом номере стихотворений и поздравлений – все это является социокультурным индикатором определенной эпохи.

Постсоветские новогодние выпуски выходят в последней декаде декабря, а первый номер наступившего года читатели могут прочесть лишь по прошествии нерабочих дней (каникул). Величина изображений превалирует над размером текста. Это обусловлено тем, что в современном обществе преобладает клиповое мышление, ориентированное на визуализацию. Значительным преимуществом сегодняшних выпусков является то, что они выходят в цвете, что стало возможным благодаря развитию технологий современной печати.

Новый год – это праздник, который наступает, независимо ни от каких перипетий судьбы страны, народа. Это время, когда люди ждут чего-то хорошего, светлого. Новогодние выпуски газет отличаются от остальных тем, что в них присутствуют элементы, создающие праздничное настроение у читателя. Рассмотренные нами номера газет соответствуют духу того времени, в которое они выхо-

дили. В новогодних выпусках редакторы умело сочетают элементы праздника с рассказом об итогах уходящего года и о планах наступающего. В каждом из рассмотренных нами выпусков смена исторических вех отражена в ее названиях (за всю историю павловской районной общественно-политической газеты ее название менялось тринадцать раз); лексических повторах; обращениях к народу; заголовках статей; «говорящих» рисунках.

Библиографический список

1. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.
2. «Луч коммуны», №1 (1979) от 1 января 1945 года.
3. Толковый словарь Д.Н.Ушакова онлайн. Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения – 01.03.2022).
4. «Луч коммуны», №1 (3014) от 1 января 1947 года.
5. Зайни Р.Л. К вопросу о календаре как типе периодического издания // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. Том 151, кн. 5, ч. 1. С.110-117.
6. «Луч коммуны», №1 (3133) от 1 января 1949 года.
7. «Сталинское знамя», №1 (3851) от 1 января 1956 года.
8. «Ленинская правда», №1 (4161) от 1 января 1958 года.
9. «Маяк Придонья», №1 (3562) от 1 января 1986 года.
10. «Вести Придонья», №96 (3169) от 29 декабря 2021 года.
11. Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3600202005070008> (дата обращения 11.03.2022).
12. Трудовой кодекс РФ. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/98ef2900507766e70ff29c0b9d8e2353ea80a1cf (дата обращения 12.03.2022).

References

1. Source studies: Theory. History. Method. Sources of Russian history: Textbook / I.N.Danilevsky, V.V.Kabanov, O.M.Medushevskaya, M.F.Rumyantseva. M.: Russian State Humanit. un-t, 1998. 702 p.
2. "Ray of Commune", No. 1 (1979) of January 1, 1945.
3. Explanatory dictionary of D.N.Ushakov online. Access mode: <https://ushakovdictionary.ru/> / (accessed 01.03.2022).
4. "Ray of Commune", No. 1 (3014) of January 1, 1947.
5. Zaini R.L. On the question of the calendar as a type of periodical // Scientific notes of Kazan State University. The series "Humanities". 2009. Volume 151, book 5, part 1. pp.110-117.
6. "Ray of Commune", No. 1 (3133) of January 1, 1949.
7. "Stalin's Banner", No. 1 (3851) of January 1, 1956.
8. "Leninskaya Pravda", No. 1 (4161) of January 1, 1958.
9. "Mayak Pridonya", No. 1 (3562) of January 1, 1986.
10. "Vesti Pridonya", No. 96 (3169) dated December 29, 2021.
11. Official Internet portal of legal information. Access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3600202005070008> (accessed 11.03.2022).
12. Labor Code of the Russian Federation. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/98ef2900507766e70ff29c0b9d8e2353ea80a1cf (accessed 12.03.2022).

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 070.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.90.11.019

*Тверской государственный университет
аспирант кафедры журналистики, рекла-
мы и связей с общественностью*

Андреева А.В.

Россия, г. Тверь, тел. +7(962)240-99-78

e-mail: migachel@mail.ru

Tver State University

*Post-graduate student of journalism, adver-
tising and public relations department*

Andreeva A.V.

Russia, Tver,

tel. +7(962)240-99-78

e-mail: migachel@mail.ru

А.В. Андреева

ЦЕННОСТНЫЙ АНАЛИЗ МЕДИАТЕКСТОВ ТВЕРСКОГО РЕГИОНА

Аксиологический подход в современной теории журналистики активно развивается именно сейчас, хотя аксиология как наука старше журналистики. Актуальность этого направления исследований во многом обусловливается экспансией технологических средств производства массовой информации. Важную роль играет историко-социальный контекст. Так, во время пандемии мы наблюдаем, что двойственный эффект, производимый медиа (управление и дезориентация), достиг пика. В условиях постинформационного общества ценностный аспект медиа представляется нам своеобразным фильтром как коммуникатора и производимого им медиа-текста, так и адресата этого послания. Поэтому изучение медиа через призму аксиологии – важное направление исследований в области теории и практики журналистики. В работе была предпринята попытка апробации методологии ценностного анализа медиа В.А. Сидорова на примере СМИ Тверского региона («Тверские ведомости», «Вече Твери», официальные сайты и каналы изданий в интернете). Автор выдвигает гипотезу, что ценностно-смысловое поле тверских медиа размыто и дезориентирует читателя, и представляет контент-анализ, интерпретированный по методу ценностного противоречия, который может послужить примером эмпирической работы в рамках аксиологии журналистики.

Ключевые слова: журналистика, аксиология, ценности, медиатекст, ценностный анализ.

A.V. Andreeva

VALUE ANALYSIS OF MEDIATEXTS OF TVER REGION

The axiological approach in the modern theory of journalism is actively developing right now, although axiology as a science is older than journalism. The relevance of this area of research is largely due to the expansion of technological means of mass media production. The historical and social context plays an important role. So during the pandemic, we observe that the dual effect produced by the media (control and disorientation) has reached its peak. In the conditions of a post-information society, the value aspect of the media seems to us to be a kind of filter for both the communicator and the media text produced by him, and the addressee of this message. Therefore, the study of media through the prism of axiology is an important area of research in the field of theory and practice of journalism. In this work, an attempt was made to approbate the methodology of value analysis of media V.A. Sidorov on the example of mass media in the Tver region (“Tver Vedomosti”, “Veche of Tver”, official websites and channels of publications in the Internet). The author hypothesizes that the value-semantic field of Tver media is blurred and disorients the reader. It presents content analysis, interpreted according to the method of value contradiction, which can serve as an example of empirical work within the framework of the axiology of journalism.

Key words: journalism, axiology, values, media text, value analysis.

На современном этапе развития общества взаимодействие потребителя с информационными потоками имеет особое значение. На фоне же пандемии коронавируса, как отмечает Е.Л. Вартанова, уровень информации и медиапотребления вырос чрезвычайно.

В научном сообществе даже получил распространение термин «инфодемия» – информационная эпидемия фальшивых новостей. В условиях пандемии обострилась важность достоверной информации и социальной ответственности профессионального журналиста [1].

В этой ситуации ценностный аспект журналистики видится нам особенно актуальным. Медиа-текст – это всегда передача некой ценности, которая предопределена социокультурной средой коммуникатора и во многом детерминирована его мировоззрением. В свою очередь *медийная оценка* (ценностная оценка, которую событию дает коммуникатор в медиатексте) влияет на формирование ценностей аудитории.

Автор обоснования предмета и инструментария аксиологии журналистики В.А. Сидоров главной социальной ценностью журналистики, или ее осевой функцией, называет гражданскую или аксиологическую. «И если обернуться к нашим исконным традициям, то вспомнится, прежде всего, Слово журналиста, обращенное к людям и указывающее в жизни на все то, с чем мириться нельзя, что следует сообща поправить, о чем необходимо еще и еще раз подумать» [2; с. 18].

Выполняет ли свою аксиологическую функцию региональная пресса в такой переломный период истории, как пандемия? Чтобы ответить на этот вопрос, мы провели ценностный анализ трактовки темы коронавируса и вакцинирования в медиатекстах региональных изданий «Тверские ведомости» и официального сайта газеты *vedtver.ru*, «Вече Твери», в том числе Телеграм-канала политических новостей этого издания *PolitOlivier*, и в сети Инстаграм.

Для глубинного понимания социальной значимости явления и последующей его более полной трансляции в качестве основного звена медиатекста В.А. Сидоров предлагает журналистам выделять *ценностное противоречие* [2; с. 175]. Этот критерий видится нам особенно значимым в условиях нынешней информационной реальности. Как подчеркивает Е.Л. Вартанова, в период пандемии аудитория хочет больше достоверных новостей и аналитики [1], поэтому в анализе мы используем метод «ценностного противоречия/ценностной интерпретации» как основной. По мнению В.А. Сидорова, обнаружение ценностного противоречия позволяет обратить внимание общества на вопросы, которые при нормативном подходе к освещению события «отклонение – норма» не столь заметны.

Нами выдвигается следующая гипотеза: ценностно-смысловое поле тверских медиа размыто и дезориентирует аудиторию, в настоящее время нуждающуюся в обратном, а именно в сплочении, которому способствует трансляция традиционных ценностей российской культуры. Мы полагаем, что читатели меньше доверяют СМИ, так как издания не удовлетворяют запрос аудитории на получение максимально полной и достоверной информации, в том числе причинно-следственного характера, поэтому вынуждены обращаться к непрофессиональным источникам в сети Интернет. Следует дать некоторые пояснения, которые помогут более точно интерпретировать полученные данные. «Тверские ведомости» – еженедельная общественно-политическая газета, издающаяся при поддержке правительства Тверской области и выражающая его официальную позицию. «Вече Твери» и телеграм-канал *PolitOlivier* издаются частными учредителями, их позиция менее связана с политикой региональной власти и может считаться относительно оппозиционной.

В методологии контент-анализа мы опирались на категории, определенные В.А. Сидоровым: значимость факта, его оценка и транслируемая ценность [2; с. 171-173].

Таблица 1

Значение, оценка и ценность в трактовке темы коронавируса и вакцинирования в газете «Тверские ведомости» и на *vedtver.ru*

Чему придается значение (значимость)	Какая выставляется оценка	Какая утверждается ценность
Сейчас очень много модных вещей – одежда, гаджеты, прически и многое другое. Но это не так важно, как наше здоровье...	Вот это – настоящий тренд!	Ценность здоровья и жизни.
Видим, что те, кто перенёс ковид, повторно заболевают нечасто...	– Это хорошая инициатива...	Ценность здоровья, как личного, так и других людей.

Продолжение табл. 1

– Обстановка стабилизировалась. В этом основная заслуга тех, кто вакцинировался...	... ведь это самое эффективное средство от тяжелых последствий после коронавирусной инфекции.	Ценность здоровья и безопасности для общества как действенной модели поведения в период пандемии.
... предприниматели будут делать скидки и поощрять бонусами тех, кто сделал прививку от коронавирусной инфекции.	Так предприниматели решили поблагодарить людей за осознанный подход к своему здоровью и вклад в борьбу с пандемией.	Ценность здоровья, безопасности для общества как действенной модели поведения в период пандемии.
Тверская молодежь в соцсетях запустила челлендж #привит.	Советую всем вакцинироваться. Это очень круто!	Ценность здоровья, безопасности для общества как действенной модели поведения в период пандемии.
...наши врачи, эпидемиологи, фельдшеры, медицинские сестры... трудятся по имя сохранения жителей Тверской области...	...работа медиков приобретает особое значение и ценность	Ценность труда медицинских работников.
...предприниматели тверского региона начали получать выплаты за нерабочие дни	...государство и банки идут навстречу	Ценность доверия государству и власти, единения власти и народа в сложные времена.

Таблица 2

Значение, оценка и ценность в трактовке темы коронавируса и вакцинирования в газете «Вече Твери» и телеграм-канале PolitOlivier

Чему придается значение (значимость)	Какая выставляется оценка	Какая утверждается ценность
«Вообще, за это надо расстреливать. Я бы считал... я бы сам принял участие в расстрелах...»	...считает, что жителей региона, купивших поддельный сертификат о вакцинации от ковида, нужно расстреливать	Ценность здоровья, безопасности для общества как действенной модели поведения в период пандемии и одновременно антиценность здоровья и жизни тех, кто эту модель не приемлет; небезопасности.
...«по всей строгости закона» наказывать врачей за продажу QR-кодов...	«Надо сажать»...	Ценность здоровья, безопасности для общества как действенной модели поведения в период пандемии. Антиценность: недобросовестное поведение некоторых врачей как части системы здравоохранения.
Противники QR-кодов парализовали работу Роспотребнадзора	...требовали от главы регионального управления ведомства предъявить им свой QR-код	Ценность критического анализа взаимодействия личности и власти; антиценность: недоверие органам власти.
Экономический кризис, спровоцированный пандемией коронавируса, вызвал и повышение цен на рынке интимных услуг.	А что же происходит на рынке интимных услуг в Твери? Набираем запрос в поисковике и видим в открытом доступе сотни сайтов. Куда смотрят правоохранительные органы?	Ценность аналитического отношения к ситуации. Антиценность: недоверие правоохранительным органам.
«Это война»: депутат ГД Васерман призвал «разбираться» с антипрививочниками «по законам военного времени».	По мнению эрудита, расстреливать противников прививок от ковида сейчас «не следует», их необходимо подвергнуть принудительной вакцинации.	Ценность здоровья, свободы выбора. Антиценность: здоровье, если речь о физических мерах принуждения.
...прокуратурой было установлено, что работникам ГБУЗ «Фировская ЦРБ»... не выплачивались положенные доплаты.	...когда основная тяжесть ложится на медицинский персонал, неутешительные новости	Ценность труда врачей. Антиценность: недоверие органам власти и врачам, занимающим руководящие должности, то есть системе в целом.

Проведенный анализ подтвердил ожидаемое – ценностное поле тверских медиа размыто, читатель дезориентирован. Если официальные СМИ транслируют ценность человеческого здоровья, труда медицинских работников, консолидации власти и народа однозначно, то смыслы, которые передают тексты частного издания, зачастую могут трактоваться разнопланово и даже противоречиво.

В материалах об одних и тех же событиях, фактах внимание заостряется на разном смысловом значении, то есть им придается разная значимость. Например, сообщая читателям о трудностях в экономической сфере в связи с коронавирусом, «Тверские ведомости» как пример используют историю тверского писателя-предпринимателя, спрос на книги которого упал (при этом история вписана в контекст проблемы о мерах поддержки со стороны государства).

«Тверской писатель-фантаст Сергей Савинов зарегистрирован как индивидуальный предприниматель и тоже смог воспользоваться этой мерой поддержки.

– Продажа книг напрямую зависит от доходов наших читателей. В сложный период люди меньше покупают, в том числе и книги. А значит, доходы снижаются и у нас, – отметил Сергей. – Субсидию я получил 15 ноября» [4, с. 13].

А «Вече Твери» в контексте неблагополучной экономической ситуации дает в качестве примера сферу интимных услуг, далекую от традиционных семейных ценностей.

«Экономический кризис, спровоцированный пандемией коронавируса, вызвал и повышение цен на рынке интимных услуг... А что же происходит на рынке интимных услуг в Твери? Набираем запрос в поисковике и видим в открытом доступе сотни сайтов. Здесь и знакомства для взрослых, и конкретные базы данных с фотографиями, телефонами и ценами, которые варьируются где-то от полутора до пяти тысяч рублей. Кстати, интересно, откуда в Твери столько притонных-непритонных? Неужели это отчисленные из медакадемии студентки? Но это мы отвлеклись» [3, с. 8].

«Тверские ведомости» избегают оценок ситуации журналистами. Медийную оценку на страницах издания дают преимущественно должностные лица. Имя губернатора И.М. Рудени фигурирует практически в каждом втором тексте средств массовой информации.

Материалы газеты «Вече Твери», напротив, насыщены оценками. В качестве ньюсмейкеров журналисты привлекают известных политиков, принадлежащих к разным партиям. С одной стороны, благодаря этому как раз и создается, то самое «ценностное противоречие», дающее автору почву для более детального исследования проблематики и изложения события в причинно-следственном ракурсе. С другой, глубокой аналитики (дающей больше ответов, а не вопросов) в текстах издания практически нет. Авторы преимущественно привлекают или даже «сталкивают» мнения различных персон, не делая выводов, тем самым оставляя простор для противоречивых домыслов читателям, еще больше путая их.

«Тверские ведомости» однозначно позиционируют себя как ретранслятора положительных ценностей. Но главная задача издания – не «указывать на то, с чем мириться нельзя, что стоит поправить», как верно сформулировал В.А. Сидоров, а нарисовать позитивную картинку деятельности власти. Но позиция «у нас все хорошо», «все под контролем», воспринимается мыслящими гражданами как неубедительная, ведь они знают, что есть прецеденты летальных исходов на фоне вакцинации. В газете об этом по понятным причинам не сообщается. Можно сделать вывод, что ценностное позиционирование со знаком «+» издание выбрало по личным мотивам – расположение аудитории через общие ценности (позиция «я – свой среди своих»), а не с позиции гражданского долга.

Частное издание занимает дихотомичную позицию: транслирует позитивные ценностные утверждения неоднозначно, оставляя простор для их опровержения читателю. Формально на первом плане традиционная непреходящая ценность здоровья и жизни, которая обладает личностной значимостью (особенно в период коронавируса), но и у нее есть «атипод» – антиценность физической угрозы здоровью и жизни, если за отказ от вакцинации можно расстреливать. Об этом свидетельствует третий столбец таблицы.

Полярность ценностей подчеркивается как будто специально, чтобы внести долю противоречия в медиатексты издания и привлечь большее число читателей. Анализ медиатекстов показывает, что аналитики, представляющей собой исследование фактов и выводов по теме, в издании практически не встречается. В результате такого подхода происходит не трансляция позитивных ценностей, а их обесценивание. У читателя остается ощущение недосказанности.

Подведем некоторые итоги. Ценностная позиция изданий детерминирована учредителями, политическими силами и правящей элитой. Складывается ощущение, что издания действуют в ценно-

стной парадигме интуитивно, не опираясь на опыт и наработки аксиологии журналистики. Ценностно-смысловое поле тверских медиа полярно, что не способствует консолидации аудитории и усилению ее доверия. СМИ дезориентируют читателя и не удовлетворяют его запрос на достоверную и аналитическую информацию.

Можно предположить, что с этим связан массовый «уход» читателя в социальные сети, мессенджеры и другие интернет-площадки, которые дают возможность получить менее детерминированную идеологическими целями информацию. Например, в социальной сети Инстаграм по хештегу *#привитумер* можно ознакомиться с личными историями тех семей, которые столкнулись с летальными последствиями вакцинации. Однако достоверность такой «любительской» информации остается под вопросом и должна быть проверена специальными службами. Те, кто вакцинировался, часто сообщают об этом в своих личных блогах, рассказывая о деталях процедуры и самочувствии, своих чаяниях и надеждах. Свободный доступ к информации различного толка дает аудитории возможность самой ее искать, анализировать и делать выводы без помощи профессиональных журналистов.

Стоит отметить, что не каждый исследователь, проведя ценностный анализ этих же материалов тверского медиатекстового поля, может получить такой же результат. Сила ценностного подхода нацелена на индивидуальное прочтение многослойных общественных проблем. Чем больше мы будем погружаться в них в ценностном срезе журналистики, чем больше социальных противоречий будет выявлено, тем эффективнее будет деятельность института «четвертой власти».

Библиографический список

1. Журналистика и СМИ в период пандемии COVID-19 // Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.journ.msu.ru/about/news/35187/> (дата обращения: 01.12.2021).
2. Сидоров В.А. Аксиология журналистики: учебное пособие. СПб: ИД «Петрополис», 2016. 204 с.
3. Кризис проституции в Твери // Вече Твери. 2021. №3. С. 13.
4. Тюрина И. Антикризисная помощь: от субсидии для ИП до отсрочки по кредиту // Тверские ведомости. 2021. № 46. С. 8.

References

1. Journalism and the media during the COVID-19 pandemic // The department of journalism, Moscow State University named after M.V. Lomonosov [Electronic resource]. URL: <http://www.journ.msu.ru/about/news/35187/> (date of application: 01.12.2021).
2. Sidorov V.A. Axiology of journalism: a coursebook. St.-Peersburg, 2016. 204 p.
3. The crisis of prostitution in Tver // Veche of Tver. 2021. Iss 3. P. 13.
4. Tyurina I. Anti-crisis assistance: from subsidies for individual entrepreneurs to loan deferral // Tver Vedomosti, 2021. Iss. 46. P.8.

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ EVENTS AND REVIEWS

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.56.24.020

Самарский государственный социально-педагогический университет

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков

Михайлова М. Ю.

Россия, г. Самара, тел. +79277631381

e-mail: m.mikhajlova@pgsga.ru

Samara State University of Social Sciences and Education

Doctor of Philology, Associate Professor

Mikhailova M. Yu.

Russia, Samara, tel. +79277631381

e-mail: m.mikhajlova@pgsga.ru

Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Сызрани

преподаватель русского языка;

Самарский государственный социально-педагогический университет

аспирант

Немич Н.Н.

Россия, г. Сызрань, тел. +79025172315

e-mail: nemich.natalya@mail.ru

Branch of the Military Educational-Research Centre of Air Force «Air Force Academy named after professor N.E.Zhukovsky and Y.A.Gagarin» in Syzran

teacher of the Russian Language

Samara State University of Social Sciences and Education

postgraduate student of the

Nemich N.N.

Russia, Syzran, tel. +79025172315

e-mail: nemich.natalya@mail.ru

М.Ю. Михайлова, Н.Н. Немич

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА «ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕМАНТИКЕ И ГРАММАТИКЕ» (НАУЧНАЯ ШКОЛА Е. П. ИВАНЯН)

М.Yu. Mikhailova, N.N. Nemich

THE RESULTS OF THE INTERNATIONAL METHODOLOGICAL SEMINAR "DYNAMIC PROCESSES IN SEMANTICS AND GRAMMAR" (SCIENTIFIC SCHOOL OF E. P. IVANYAN)

10-11 января 2022 г. в режиме online (с использованием платформы Zoom) на базе Самарского государственного социально-педагогического университета состоялся очередной методологический семинар научной школы доктора филологических наук, профессора Е. П. Иванян с участием учёных из Армении и России, аспирантов, магистрантов и магистров Самарского региона. Научный семинар проводился в рамках концепции научной коммуникации как способа организации и репрезентации региональной науки в виртуальном пространстве.

В работе двухдневного семинара участвовали учёные Национальной Академии наук Республики Армения, Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ), Тольяттинского государственного университета (ТГУ), Поволжского православного института имени Святителя Алексия, Митрополита Московского (ППИ), филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» г. Сызрани (ВУНЦ ВВС «ВВА»), Самарского государственного технического университета (СамГТУ), Самарского медико-технического лицея (МАОУ), средней общеобразовательной школы «ОЦ Южный город», аспиранты и магистранты профессоров Е. П. Иванян, М. Ю. Михайловой (СГСПУ), О. Д. Паршиной (ТГУ). В методологической части научного семинара профессор Е. П. Иванян затронула важный для исследователей вопрос бытования педагогической речи, животрепещущих проблем лингвоэкологии педагогической речи, ср. с идеями, отражёнными в работах [7, 8].

Старший научный сотрудник Института литературы им. М. Абеяна Национальной Академии наук Республики Армения З. Г. Айрян выступила с докладом «Армянская поэзия в переводах Беллы Ахмадулиной», который выполнен в русле изысканий учёного. Выступление было посвящено вопросу многовековых русско-армянских литературных связей на материале армянской поэзии Ованеса Туманяна и Аветика Исаакяна. Анализируя достоинства переводческого искусства Б. Ахмадулиной, З. Г. Айрян отметила, что все они являются образцами высшей поэзии, достойные поэзии великого Мастера. Во всех переводах Б. Ахмадулиной ярко выражены индивидуальные черты поэзии армянских поэтов. Переводческая проницательность Б. Ахмадулиной позволила ей блестяще передать индивидуальные черты лирики Ованеса Туманяна и Аветика Исаакяна, открыть и сделать её достоянием и русскоязычных читателей. Выступление З. Г. Айрян вызвало искренний интерес и обсуждение среди участников методологического семинара. Участникам семинара уже известны решения проблем русско-армянских литературных связей в трудах З. Г. Айрян [1] и совместных работах с проф. Е. П. Иванян, напр. [6].

В докладе «Особенности русской образной поэтической картины мира (на материале дендронимов)» кандидата педагогических наук, доцента кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ М. Г. Соколовой рассматриваются особенности русской поэтической картины мира, репрезентируемой компаративными тропами с дендрокомпонентами *тополь* и *клён*, в сопоставлении с диалектологической картиной мира. Установлено, что русская поэтическая картина мира актуализируется прежде всего как образная картина мира, что обусловлено значимостью тропеического уровня языковых средств в реализации изобразительной функции и в раскрытии авторского идейно-тематического содержания поэтического произведения. Учёным было доказано, что по признакам образности и изобразительной функции русская поэтическая картина мира, представленная дендронимами *тополь* и *клён*, противопоставлена диалектологической картине мира. Образная поэтическая картина мира, отражая семантическую двуплановость художественного текста, по имени исследователя, характеризуется многообразием и расширением тропеических и символических семантических приращений рассматриваемых дендронимов, обусловленных как общепедагогической традицией, так и особенностями индивидуально-авторского мировосприятия [18].

О.Д. Паршина, доцент кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», кандидат филологических наук, рассмотрела средства актуализации значения лексемы *глушь* как репрезентанта семантики провинциальности. Являясь полисемантом, лексема «глушь» употребляется в разных значениях, установить которые бывает затруднительно [16, с. 70-73]. В этом случае используется анализ контекстного окружения слова, рядов однородных членов и по-

яснительных конструкций, а также слов-актуализаторов. На примере выявления одного из значений О. Д. Паршиной была представлена модель конкретизации лексического значения номинации *глушь*.

В докладе кандидата филологических наук, доцента И. В. Гуровой «О Брекзите и других «-екзитах» в русском дискурсе» были освещены следующие вопросы: 1) специфика функционирования лексемы *Брекзит* в публицистическом дискурсе; 2) заимствованные и образованные на русской почве дериваты с компонентом *-екзит*; 3) слова с элементом *-екзит* в аспекте языковой игры; 4) производные с компонентом *-екзит* как конститuentы словообразовательного поля скандальной событийности.

Доклад доктора филологических наук, профессора М. Ю. Михайловой «Об одном художественном приёме Л. Петрушевской» был посвящён вопросам текстовой номинации персонажей художественного произведения на материале рассказов и повести Л. Петрушевской. М. Ю. Михайлова подробно охарактеризовала три группы поэтонимов – антропонимов, применяющихся как сигналы «инога мира»: реминисцентные имена – прецедентные для русской лингвокультуры фамилии писателей; антропонимы, обозначающие лиц мира инобытия; клички персонажей – животных мира инобытия (зооантропонимы) [12,13].

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филиала ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Сызрани О. А. Васильева доложила о реализации зоонимов дальней периферии ономастического поля с гиперсемой «свинья» в качестве номинаций кондитерских изделий. О. А. Васильевой проанализированы гастрономические номинации, определяемые составом изделия, номинации изделий, не имеющих прямого отношения к свинине, также названия заведений общественного питания [2]. В заключение выступления были сделаны выводы о коннотативном характере номинаций в области гастрономии.

Доклад кандидата филологических наук, доцента кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации СГСПУ А. М. Ключиной «Изучение фразеологизмов с семантикой крайности: к постановке проблемы» посвящён аналитическому обзору исследований особенностей употребления фразеологических единиц с семантикой крайности в русском дискурсе. Предметом исследования является функционирование фразеологизмов, выражающих семантику крайности, в русском языке [22]; о лексикографическом портретировании лексемы «крайность» см.: [9]. В докладе А. М. Ключина подчеркнула актуальность функционально-семантического подхода к анализу языковых единиц [10] и отметила перспективу исследования фразеологических единиц с семантикой крайности в разных типах дискурса.

А. Н. Моргунова, кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы МАОУ «Самарского медико-технического лицея», своим докладом «Современный нетикет как предмет изучения на уроках родного русского языка» обратила внимание участников на проблему формирования новых подходов к понятию компьютерной цивилизации, дистанционного общения и обучения, их нравственно-ценностным целям и содержанию, поскольку перед обществом поставлена необходимость установления разумного баланса между неизбежным наступлением информационных технологий и традиционными ценностями гуманизма. Информационная среда выполняет спектр функций дистанционного взаимодействия всех субъектов образовательного процесса – педагогических работников, учащихся, их родителей, общественности, органов управления и контроля в сфере образования. Задача педагога-филолога, по мнению А. Н. Моргуновой, научить школьников правилам общения в интернет-пространстве в контексте традиционного русского этикета. Предметом изучения на уроках родного русского языка могут стать проблемные вопросы необходимости использования англоязычных заимствований, категория анонимности, применение графических средств, правила интернет-переписки и чатов.

Аспирант Е. Н. Полякова выступила с докладом на тему «Человек дождя: эвфемизмы в российских СМИ». Материалом исследования стали эвфемизмы, представленные в газете «Московский комсомолец» (2013-2021 гг.), по тематике «расстройство аутистического спектра» (РАС) в количестве 2920 единиц. Е. Н. Полякова в качестве характерного признака эвфемизмов, посвящённых проблеме РАС, обозначила максимальную семантическую редуцированность. Данный факт, по мнению аспиранта, создаёт условия для употребления исследуемого языкового материала в качестве политкорректного обозначения любых иных форм ограничения возможностей здоровья. Докладчик акцентировал внимание на роли контекста, автора, собеседника предполагаемой аудитории при выборе средства языковой репрезентации такой социально значимой темы, как ограниченные возможности здоровья в СМИ. В заключение своего выступления исследовательница отметила, что в газете «Московский комсомолец» узуальные и окказиональные эвфемизмы чаще используются в речи родителей особенного ребенка, специалистов, занимающихся адаптацией, журналистов, которые с ними «беседуют» и готовят текст к выпуску. Отказ от использования политкорректной лексики или выбор эвфемизмов с минимальной степенью смягчения по отношению к лицам с невралгическим диаг-

нозом часто связан не с низкой языковой культурой автора, а с особенностями индивидуального языкового стиля, экономией языковых средств и позицией журналиста [17].

В докладе аспиранта Н. Д. Осиповой отонимные прагматонимы – наименования конфет рассматриваются в качестве креолизованного текста. Отонимные наименования конфет представляют собой сочетание вербальной составляющей и невербальной (иконической) – изображения на упаковке конфеты. Среди функций изображения в большинстве случаев доминируют аттрактивная и эстетическая [15].

Аспирант М. П. Черникова посвятила свой научный доклад «Роза смыслов: топонимическая игра в творчестве Т. Н. Толстой» анализу применения топонимов в рамках языковой игры. Исследователем выявлены и проанализированы основные приёмы, позволяющие наделить топонимы дополнительной коннотацией в рамках художественного произведения, определены функции языковой игры.

Доклад аспиранта СГСПУ А. А. Федотовой продолжил исследование категории ужасного как предмета изучения философов, литературоведов, лингвистов [21]. В выступлении была раскрыта лексическая сторона «ужасного» как функционально-семантической категории, рассмотрена специфика образного воплощения ужасного, средств его создания на материале художественных произведений XIX–XXI веков. В заключение выступления А.А. Федотова выделила особые лексико-семантические группы со значениями *нечистая сила, ужас, сон*, проанализировала средства речевой выразительности при изображении ужасного писателями XIX–XXI веков.

Выступление аспиранта СГСПУ К. В. Максаковой было посвящено изучению влияния коронавирусной эпохи на развитие русского языка, которое выразилось в динамике различных языковых процессов, увеличении словарного состава, как при помощи появления новых слов, так и актуализаций целого ряда слов и словосочетаний [11]. По мнению докладчика, в основе данных процессов лежит лингво-психологическая реакция как на пандемию коронавирусной инфекции, так и на вызванные её появлением ограничения и административные нововведения: на карантин, самоизоляцию, вакцинацию, кьюар-коды. Всё это нашло отражение в аналогиях медицинского дискурса.

Аспирант А. И. Вяткина своё выступление посвятила функциональным особенностям прагматонимов-фиктонимов в названиях пищевых продуктов. Докладчик подробно осветил различные точки зрения учёных на определение функций прагматонимов, выявил специфические черты прагматонимов-фиктонимов как языковых единиц особого подразряда прагматонимов, выделил обусловленные этой спецификой функциональные особенности данных языковых единиц.

В докладе аспиранта Н. Н. Немич «Денотативная область прилагательного *непередаваемый* в современном газетном дискурсе» была охарактеризована специфика денотативной области однословной лексемы с СН *непередаваемый* на материале газетных текстов 2000–2019 гг. Анализ примеров употребления словосочетаний с лексемой *непередаваемый* позволил установить частотность употребления данной единицы в газетном дискурсе, определить денотативные сферы анализируемого адъектива [14]. Данный доклад продолжил исследование М. Ю. Михайловой, посвящённое рассмотрению денотативной области семантики невыразимого.

Аспирант А. А. Хохлова в своём докладе рассмотрела специфическую группу эргонимов, связанных с региональной культурой, историей, развитием и геолокацией Самарского региона [20]. Региональная специфика эргонимов, по мнению аспиранта, является важной составляющей национально-культурного компонента, способной реализовываться посредством реалий, связанных с геолокацией объекта, особенностями его социального, культурного, исторического, этнического пути в контексте развития государства и народа в целом.

В. С. Бычкова, аспирант ТГУ, представила доклад на тему «Интегральное описание номинаций жителей периферии как маркеров». Проанализированные аксиологические аспекты «периферии» были перенесены на её представителей, отношение к которым нашло своё отражение в картинах мира, свойственных носителям русского языка. Ярко и образно представлен языковой материал, содержащий номинации лиц с отрицательной оценкой, аксиологией и эмоциональной окраской. Полученные данные проклассифицированы несколькими способами. В заключение выступления аспирант отметила, что каждую лексему можно описать, актуализируя разные составляющие, входящие в семантику слова.

Магистр СГСПУ П. С. Иванова в докладе «Лексикографическая характеристика ольфакторных заголовочных слов как признаков сравнения» проанализировала заголовочные единицы, расположенные в сфере-источнике сравнения, которые способны дополнять формальный признак сравнения и становиться семантическим признаком сравнения. В своём выступлении П.С. Иванова более подробно остановилась на атрибутивных заголовочных единицах, способных называть естественные, искусственные и абстрактные

запах; в глагольных заголовочных единицах указала на следующие семы глаголов ольфакторного модуса перцепции: *ощутить запах, издавать запах, приносить запах, воздействовать запахом* [4, 5].

Ю. В. Бундова, магистрант 2 курса филологического факультета СГСПУ, в своём выступлении на тему «Феминитивы в современном русском дискурсе: лингвометодический аспект» представила краткий анализ истории происхождения феминитивов, восходящей к VI веку, особенностей их образования, раскрыла социальные аспекты использования феминитивов в обществе. В заключение выступления магистрант представила комплекс упражнений, направленных на формирование общелингвистических представлений при изучении феминитивов в 10-11 классах.

Завершая обзор, отметим, что все сообщения были посвящены актуальным проблемам семантики и грамматики русского языка, отличались актуальностью и новизной исследования. Следует подчеркнуть, что все доклады сопровождалась информативными и красочными презентациями. Участники научной школы профессора Е. П. Иванян единодушно отметили важность, актуальность проведения подобных методологических семинаров. Положительный эффект проведения мероприятия в формате online позволил на высоком техническом уровне транслировать доклады участников.

Старший научный сотрудник Института литературы им. М. Абегяна Национальной Академии наук Республики Армения З. Г. Айрян отметила высокую научную ценность докладов участников методологического семинара, поздравила всех участников с блестящей работой и предложила продолжить плодотворное сотрудничество в рамках международных конференций и семинаров.

Библиографический список

1. Айрян З. Г. Поэтика Аветика Исаакяна в переводах Беллы Ахмадулиной // Молодой ученый. 2011. №1. С. 123-126.
2. Васильева О. А. Литературные зоонимы (*Наф-Наф, Нуф-Нуф, Нуф-Нуф*) в качестве прагматонимов // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире. Материалы III Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти профессора Леонида Михайловича Васильева и профессора Мусалии Галеевны Хайруллиной (г. Уфа, 8-9 декабря 2016 г.). 2016 / отв. ред. В.Л. Ибрагимов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 27-30.
3. Гоннова Н. В., Гурова И. В., Соколова М. Г. Лаборатория лингвистических смыслов (по итогам цикла научных мероприятий) // Русистика без границ. 2019. Т. 3. № 3. С. 103-108.
4. Иванова П. С. Корреляция между семами 'живое'-'неживое' и гедонистической оценкой сравнений ольфакторного модуса перцепции в лексикографических источниках // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты. Сборник материалов VI Международной научной конференции. Под редакцией Г.Н. Тараносовой, И.А. Измestьевой. 2019. С. 382-388.
5. Иванова П. С. Корреляция между гедонистической оценкой и семами 'живое-неживое' в сравнениях ольфакторного модуса // Семантика. Функционирование. Текст. К 70-летию со дня рождения С.В. Черновой. Межвузовский сборник научных трудов с международным участием. 2018. С. 64-72.
6. Иванян Е. П., Айрян З. Г. Стихотворение Г. Алишана «Раздан»: Поливариантность смыслов, интерпретаций, переводов // Научный диалог. 2020. № 12. С. 133-150.
7. Иванян Е. П. Проблемы лингвоэкологии в свете лингвистики креатива // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 209-215.
8. Иванян Е. П. Метафоры педагогической речи: лингвоэкологический аспект // Рациональное и эмоциональное в русском языке. сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почётного профессора Московского государственного областного университета, доктора филологических наук, профессора Павла Александровича Леканта. Н. Б. Самсонов (отв. ред.). 2017. С. 331-333.
9. Ключина А. М. Лексикографическое портретирование лексемы «крайность» // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Т. 11. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/39FLSK420.pdf> (дата обращения: 29.12.2021).
10. Ключина А. М. Проблема бытования функционально-семантического подхода в лингвистике: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 10. С. 113-118.
11. Максакова К.В. Актуальные вопросы изучения медицинского дискурса // Поволжский педагогический вестник. СГСПУ, 2019. Т.7, №2(23). С.75-82.

12. Михайлова М. Ю. Лексема «нечто» в передаче семантики невыразимого // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 4. С. 376–384.
13. Михайлова М.Ю. Семантика невыразимого в языке и речи: Монография. 2-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА; Самара: СГПУ, 2020. 244 с.
14. Немич Н.Н. Изучение категории экспрессивности в рамках лингвистического анализа текстов газетного дискурса // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Текст: материалы VI Международной научно-методической конференции (22 мая 2020 г.). Омск, ОАБ-БИИ, 2020. С. 68–72.
15. Осипова Н. Д. Прецедентные отонимные наименования конфет в лингвосемиотическом аспекте // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Том 43. № 1. С. 60–67.
16. Паршина О. Д. Гипотетическая глубинка: функционально-семантический анализ // С любовью к Слову. Сборник статей участников Всероссийской с международным участием научной конференции, приуроченной к 80-летию юбилею доктора филологических наук, профессора Людмилы Алексеевны Климовой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования. Отв. редактор О.В. Никифорова. Арзамас, 2021. С. 70–73.
17. Павлов А. Л., Полякова Е. Н. Отражение религиозного мировоззрения в номинативном спектре темы «последствия внебрачных половых отношений» в журналах 1920-х гг. // Евразийское научное объединение. М.; ЕНО, 2020. № 7 – 5 (65). С.327 – 333.
18. Соколова М. Г. Характеристика растительных образов и мотивов в поэзии А. Ширяевца (лингвокультурологический аспект) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. № 1. С. 112–117.
19. Соколова М. Г. Типы семантических преобразований дендронимов в поэтических текстах А. В. Ширяевца // Филология и человек. 2020. № 2. С. 19–29.
20. Хохлова А. А. Эргонимы Самарской области с региональным компонентом //Тенденции развития науки и образования Сентябрь 2021 г. № 77, 2021 (Часть 3) – Изд. Научный центр «LJournal», Самара, 2021. С. 66–69.
21. Федотова А. А. Эстетическая категория «ужасное» в русской литературе XIX–XX веков / А. А. Федотова // Поволжский педагогический вестник. 2020. № 1. С. 109–113.
22. Ivanyan E., Klyushina A. The Use of the Phraseological Units with the Semantics of Extreme in Russian Discourse // The Discoursal Use of Phraseological Units / Edited by Elena Arsenteva. Cambridge Scholars Publishing. 2021. P. 123–145.

References

1. Ayryan Z. G. The poetics of Avetik Isaakian in the translations of Bella Akhmadulina // Young Scientist. 2011. No. 1. P. 123-126.
2. Vasilyeva O. A. Literary zoonyms (Naf-Naf, Nif-Nif, Nuf-Nuf) as pragmatonyms // Slavic ethnoses, languages and cultures in the modern world. Materials at the III Scientific and Practical International Conference dedicated to the memory of Professor Leonid Mikhailovich Vasiliev and Professor Musalia Galeevna Khairullina (Ufa, December 8-9, 2016). 2016 / ed. by V.L. Ibragimov. Ufa: RIC Bash GU, 2016. P. 27-30.
3. Gopnova N. V., Gurov I. V., Sokolova M. G. Laboratory of linguistic meaning (at the end of scientific events) // Rusistika without borders. 2019. Vol. 3. No. 3. P. 103-108.
4. Ivanov P. S. Correlation between sename 'living'–'inanimate' and hedonic evaluation comparisons modus olfactory perception in lexicographic sources // Text: linguistic, socio-cultural, regional, and methodological aspects. Collection of materials for the VI International Scientific Conference. Edited by G.N. Taranosova, I.A. Izmaytyeva. 2019. P. 382-388.
5. Ivanova P. S. Correlation between hedonistic evaluation and the semes 'living – inanimate' in comparisons of the olfactory mode // Semantics. Functioning. Text. To the 70th anniversary of the birth of S.V. Chernova. Interuniversity collection of scientific papers with international participation. 2018. P. 64-72.
6. Ivanyan E. P., Ayryan Z. G. G. Alishan's poem "Razdan": Polyvariance of meanings, interpretations, translations // Scientific Dialogue. 2020. No. 12. P. 133-150.
7. Ivanyan E. P. Problems of linguoecology in the light of linguistics of creativity // Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity. 2018. No. 2. P. 209-215.

8. Ivanyan E. P. Metaphors of pedagogical speech: linguoecological aspect // Rational and emotional in the Russian language. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 85th anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Professor of the Moscow State Regional University, Doctor of Philology, Professor Pavel Alexandrovich Lekant. N. B. Samsonov (ed.). 2017. P. 331-333.
9. Klyushina A.M. Lexicographic portraiture of the lexeme "extreme" // The world of science. Sociology, philology, cultural studies. 2020. T. 11. No. 4. [Electronic resource]. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/39FLSK420.pdf> (date of the application: 29.12.2021).
10. Klyushina A.M. The problem of the existence of a functional-semantic approach in linguistics: a systematic review // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2020. T. 13. No. 10. P. 113-118.
11. Maksakova K.V. Actual issues of studying medical discourse // Volga Pedagogical Bulletin. SGSPU, 2019. Vol.7, No. 2(23). P. 75-82.
12. Mikhailova M. Yu. Lexeme "something" in the transmission of the semantics of the inexpressible // Russian humanitarian journal. 2016. Vol. 5. no. 4. P. 376-384.
13. Mikhailova M. Yu. Semantics of the inexpressible in language and speech: Monograph. 2nd ed., Erased. Moscow: FLINT; Samara: SGPU, 2020. 244 p.
14. Nemich N.N. The study of the category of expressiveness in the framework of linguistic analysis of newspaper discourse texts // Problems of modernization of modern higher education: linguistic aspects. Text: materials of the VI Scientific and Methodological International Conference (May 22, 2020). Omsk, OABII, 2020. P. 68-72.
15. Osipova N. D. Precedent synonymous names of sweets in the linguosemiotic aspect // Scientific Notes of Petrozavodsk State University. 2021. Volume 43. No. 1. P. 60-67.
16. Parshina O. D. Hypothetical hinterland: functional and semantic analysis // With love for the Word. A collection of articles by participants of the All-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Philology, Professor Lyudmila Alekseevna Klimkova, a specialist in the field of lexicology, dialectology, onomastics, word formation. Editor-in-chief O.V. Nikiforova. Arzamas, 2021. P. 70-73.
17. Pavlov A. L., Polyakova E. N. Reflection of religious worldview in the nominative spectrum of the topic "consequences of extramarital sexual relations" in journals of the 1920s.// Eurasian Scientific Association. Moscow; 2020. No. 7 - 5 (65). P. 327 - 333.
18. Sokolova M. G. Characteristics of plant images and motifs in the poetry of A. Shiryayevets (linguoculturological aspect) // Vector of Science of Togliatti State University. 2016. No. 1. P. 112- 117.
19. Sokolova M. G. Types of semantic transformations of dendronyms in poetic texts by A.V. Shiryayevets // Philology and man. 2020. No. 2. P. 19-29.
20. Khokhlova A. A. Ergonyms of the Samara region with a regional component //Trends in the development of science and education September 2021 No. 77, 2021 (Part 3) - Ed. Scientific Center "Journal", Samara, 2021 P. 66-69.
21. Fedotova A. A. Aesthetic category "terrible" in Russian literature of the XIX-XX centuries / A. A. Fedotova // Volga Pedagogical Bulletin. 2020. No. 1. P. 109-113.
22. Ivanyan E., Klyushina A. The use of phraseological units with the semantics of Extremity in Russian discourse // Discursive use of phraseological units / Ed. Elena Arsentieva. Cambridge Scholars Publishing House. 2021. P. 123-145.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки** [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6] с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуночной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 2(45) 2022

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 10.06.2022. Формат 60х84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 17,1. Усл. печ. л. 17,8. Тираж __ экз. Заказ №
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84